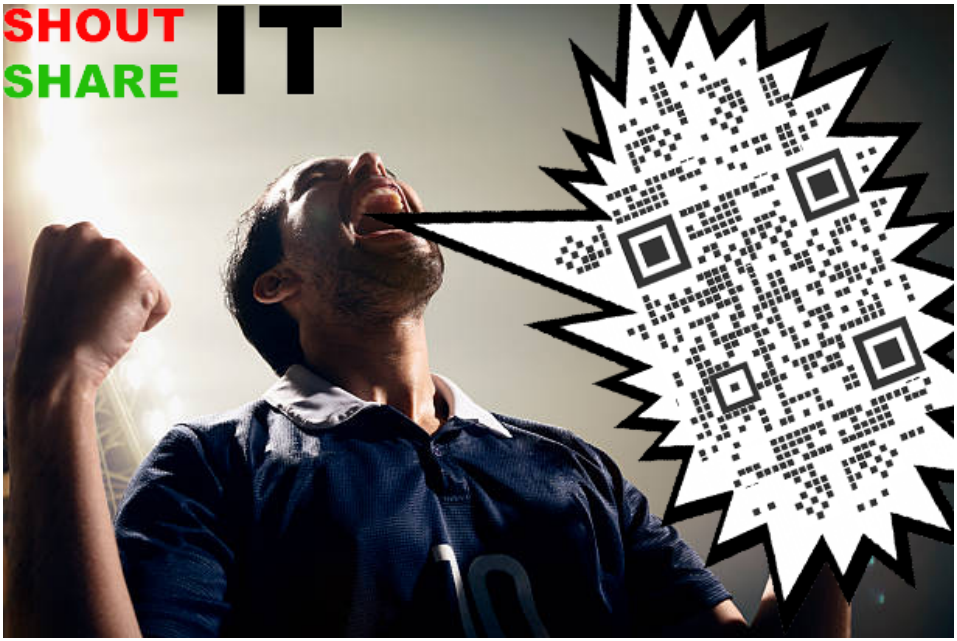
Как я преподавал в Америке

Георгий Дмитриевич Гачев


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В осенне-зимний семестр 1991 года (сентябрь — декабрь) я преподавал в Весленском университете в США. Я вел два курса: «Национальные образы мира» на английском языке и «Русский образ мира» для славистов по-русски. Это был мой первый приезд в Америку, и я удивлялся многому. Как мне привычно, я вел дневник своей жизни там и мыслей об Америке в сравнении с Россией и нашей ситуацией. Когда я раскрыл эти записи три года спустя, я понял, что они могут представлять общий интерес.

Г. Гачев

- Как я преподавал в Америке (исповесть)
- Новые об Америке мысли
- Французская и русская революции
- В гостях у Джерри
- По грибы и по мысли…
- Темы американской поэзии
- Полировка и массаж
- Национальные образы Бога
- Главный вопрос
- Вхожу во вкус занятий
- Национальное — Ветхий Завет
- Труда нет в русской литературе
- В Бостоне
- Ты стеснителен, а нужен апломб
- Банк и обком
- Студенты подсказывают
- Россия глазами американцев
- Снова ничего не понимаю
- Советское = барское
- Мой вурдалак
- Лжерусские
- Работать надо…
- Первородный грех
- Встреча со студентами
- Труд духовный
- Разбил очки в суходрочке
- Лермонтов
- Демократическое богослужение
- Разбил вторые очки — уже смеюсь
- Новые уразумения про Америку
- Американский футбол

- Где вы, мои любимости?
- Передумываю россию американцам
- Американские студенты
- Русское снова обдумываю
- Интеллигенция = третий мужик
- Гольф и футбол
- Взгляд нелестный на меня со стороны
- Сексуальное приставание
- Борис Парамонов, Лев Лосев, Юз и я
- Прошла ли америка стадию Сократа — Декарта — Канта?
- Что говорить по «Голосу Америки»?
- Сравнение языков — русского и английского
- «Нет проблем!» = нет и мыслей
- Испугался выступать по радио
- Плебс ты жалкий!
- Портятся отношения с Алешковскими
- Мы — советские люди
- Играю в куклы
- Русский вопрос — «кто?»
- Экзистенциальный трепет
- Мера и перебор
- Обида = болезнь
- Американец не растекается мыслию по древу
- «Противоположное общее место»
- Завожусь на спор со студентами
- Меланхолик с флегматиком…
- Хлеб и дух
- «Вишневый сад» Чехова
- Борода и обрезание
- «Война И Мир»
- Ревность к Моцарту
- Обед С Юзом Алешковским
- Душа и работа
- Маша об американцах
- Жизнь в ином жанре
- Объявление о лекции
-
-
- Обокрали = дал милостыню
- Власть с нечистой совестью — наилучшая
- Кальвинизм американства
- Тирания последнего крика
- Затеваю книгу по-английски
- «Пророк смерти»

- Самонаслажденчество культурологов
- Хохот хама над наготой ноя
- Уколоть в проблему
- Застолье в амхерсте
- Советский миф и американские русисты
- Америка = икар
- Я = консерватор
- Патриотизм — обогрев России
- Юз и Ирина на языке стихий
- Аппаратчик Евгений Сидоров
- Выдыхаюсь…
- Переписка с Ульрикой Фон Мольтке
- Письма Светланы, Ларисы И Мамы
- День Благодарения
- И презирают уж нас…
- В такси и самолете
- В самолете на вашингтон
- Француженка-таксист
- В Вашингтоне
- Ужин с Ольгой Матич
- Эдвардсы
- Исповедь американского студента
- Письмо-отзыв на экзаменационную работу студента из Иркутска:
- Шершавое животное мира лезет-трется
- Нет денег = беда. есть = тоже беда
- К Баху прие-ался
- Суконик и я
- Переживаю смерть Советского Союза
- Камень преткновения
- Куда мне взрослеть на старости-то лет?
- Вечеру вдовы Бориса Шрагина
- Эпоха смуты и грабь-отряды из военных
- Кукую В Нью-Йорке
- Finita la comedia, или представление окончено
- Постскриптум
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - [1]

- ○ [2]
- ○ [3]
- ○ [4]
- ○ [5]
- ○ [6]
- ○ [7]
- ○ [8]
- ○ [10]
- ○ [11]
- ○ [12]
- ○ [13]
- ○ [14]
- ○ [15]
- ○ [16]

Как я преподавал в Америке (исповесть)

В осенне-зимний семестр 1991 года (сентябрь — декабрь) я преподавал в Весленском университете в США. Я вел два курса: «Национальные образы мира» на английском языке и «Русский образ мира» для славистов по-русски. Это был мой первый приезд в Америку, и я удивлялся многому. Как мне привычно, я вел дневник своей жизни там и мыслей об Америке в сравнении с Россией и нашей ситуацией. Когда я раскрыл эти записи три года спустя, я понял, что они могут представлять общий интерес.

Я только прошу читателя иметь в виду, что каждое наблюдение и мысль — частичны и носят печать момента и настроения, и могут быть и ошибочны, и что в другой день иной факт и другая мысль могут опровергнуть их. Но именно так идет процесс живого мышления. Оно здесь и зафиксировано по ходу жизни.

Это не заметки журналиста. Мои наблюдения имеют особенную цель: проникнуть в систему ценностей американской цивилизации в сравнении с российской, понять по деталям быта и поведения те координаты и ориентиры, какими руководствуются люди в обыденной жизни, их религиозные и философские значения и смыслы, хотя люди могут и не подозревать о них.

Весленский университет расположен среди зеленых холмов Новой Англии, в городке Миддлтаун («средний город» — буквально) в штате Коннектикут, то есть на востоке Америки, между Бостоном и Нью-Йорком. Университет небольшой — 2500 студентов, частный и весьма престижный. Еще Диккенс выступал в нем…

30. XII.94

Державинская «Река времен в своем стремленье уносит» не только «все дела людей», но и наши понимания этих дел и оценки исторических событий. И сегодня я, естественно, иначе думаю о многом. Однако не стану влезать с теперешними —

тоже односторонними, своими понятиями исправлять тогдаш ние. Это было бы нечестно и повредило б достоверности сей исповести, искренности ее тона, чем дорожу.

25.11.98

19.8.91. В Шереметьево. 4 утра (ночи).

Жду отлета в Нью-Йорк[1]. Чуждо мне. Устраиваю себе домик

из сих бумажек и скрываюсь в нем: ныряю в записи.

2 суток (или 3) — в предотъездных бегах, делах.

Из сильных впечатлений:

Дочь младшая звонит из Дивеева и советуется со старшей старец там сказал ей идти в монашенки. Она смущена. А я — аж отвратился от христианства: ловят души[2].

А вчера рано ввалились молодые: перевезли Ларису из Дивеева — Андрей Щербаков, Тема Гилянов, Настя. (Молодые ре бята эти — участники Федоровского семинара Светланы и стали близкие к дому. —2.7.94.) На кухне засели завтракать — да так и проговорили до обеда — вшестером! Как бы зятья, мужики в доме. Я ликовал. Св. объяснила:

— Гоша страдает от отсутствия мужского элемента в доме И вот ему — праздник!

Но какая подмога бы — зятья!

Йель, 24 августа 1991

Светлана, Настя, Лариса!

Ой, как не вовремя я уехал! Тут только и приникаешь к телевизору — ловить новости из Москвы! Уж представляю, как Мам мушка лежит и сиськи крутит в политическом Эросе, глядя в телевизор.

Да, ажжаль!.. Опять тотал…

Хотя Ельцин действует, как Петр: варварски — против варварства.

Ну ладно. Жил я 4 дня у Суконников (друзья, переехавшие в США. **— 2.7.94)** *в Нью-Йорке. Вчера они привезли-передали меня Майклу и Кате в Йеле. (Майкл Холквист и Катерина Кларк — слависты, авторы книги о Бахтине. Кларк училась в*

Московском университете вместе со Светланой и жила в соседней комнате общежития. —2.7.94.) Приехали сегодня Грейс и Витя. (Виктор Потапов — экономист, увлекся Федоровым, и Светлана познакомила его с Грейс, подругой Кати, на которой он женился. 2.7.94.) Посылаю с ним письмо.

Неделю, похоже, буду с Холквистами: они едут на Север в штат Мэн к сыну и берут меня до пятницы (30?). Потом переселюсь в Миддлтаун.

Пока осваиваюсь с языком. Для первых лекций материал есть, а там — буду себя переводить.

Как долго еще впереди без вас — и как скучно!

Записюрек не делаю.

Вчера пытался от Суконников звонить — поздравить Св. с 50-ле- тием. Пили тут все твое здоровье.

Деревня, полагаю, отпала… Но я понимаю: сам бы торчал в городе, «Роковые минуты» истории!..

Ох! Путь далек лежит!.. It's a long way to Tererery
Обнимаю. С оказией буду еще писать и что-нибудь посылать…
Па-а, Га…

1 сентября 1991. Ничего! Везде одно солнце. И небо. И шум листвы. Так что считай — дома. Еще вот машиночку раскинул — и счет страничек продолжать буду московский…

А вообще-то я — в США. Уж 12-й день. Беспамятно — в смысле: безотчетно, незаписуемо — обитаю. И русский язык впервые включаю, а то сразу нырнул в английский, чтоб освоиться. И сейчас со страхом возвращаюсь: как бы не разрушила русская речь тонкую пленку английской ментальности, которую начал вокруг себя ткать…

А за эти две недели — заговор правых[3] и разгром их Ельциным. В самолете в Шенноне в Ирландии узнал об этом. В Москве Светлана от телевизора не отходит. Минуты роковые истории вершились, пока я тут американствовать привыкал.

Какой-то я — не я. Как некто иной, за кого меня принимают по ошибке. Вот — за «профессора» Весленского университета, где я осел — в апартаменте, квартире двухкомнатной, где бы семье обитать. Кухня, ванна, холл, холодильник и услуги… Я еще ерепениться было начал: мол, первый этаж, центр города, вида и воздуха нет: вид во двор, как из камеры в стены тюрьмы… Но вот переночевал, сбегал по травке, зарядку поделал, поел хлопья, молоко, яйцо, кофе, сыр, хлеб — где бы это в Москве? Правда, на 40 долларов сразу закупил еды — по подсказкам При- сциллы Майер (славист, заведовала русистикой в Весленском университете, она меня пригласила, руководила и опекала. — 2,7.94). А это — 1200 руб. по нынешнему-то курсу. С ума сойти! А там мои — никакой еды не имеют. Я ж на потеху американкам рассказываю анекдот: заходит человек в магазин и просит: «От весьте, пожалуйста, полкило («фунт», по-ихнему)еды». А у них сотни одного сыра сортов и прочего. «У нас — проблема отсутствия, здесь — проблема выбора», — как наши эмигранты фор мулируют…

Итак, расположился я в своей камере в американском ГУЛА Ге — так считай: могли ж тебя изъять в камеру предварительно го заключения хотя бы и держать в ней четыре с половиной месяца? Вот и смотри так на свое тут пребывание — изъятие из обычной жизни твоей. И в неведали о своих: как они там? Де ревня, урожай, картошка, яблоки?.. Все на Светлану навали лось.

…Да, шелест листвы под ветром — все тот же, как и в деревне моей. И свет осеннего солнца… Только снизу палас на полу остро гостинно пахнет. Выветривать его сквозняком

стараюсь.

Странно — один, на чужбине. Пока был среди знакомых в их семьях — еще в понятном статусе «гостя», «друга» обретался А теперь — сам еду покупать, стирать, убирать[4].

А главное — вдруг избыток времени на чтение, писание. Но и работа — на других растрата: переводить-рассказывать то, что я уже знаю… Хотя и новое познаю — американство.

Новые об Америке мысли

Дороги, покрывшие Америку, — трассы шикарные, где 5 ли ний только в одну сторону, потом широкая полоса нейтральной зелени — и снова трасса на 5 полос, а по пути — кольцевые «раз вязки» (их именуют «спагетти»: нуда, как макароны, вьются). Да эти дороги в сумме дадут территорию какой-нибудь европей ской страны — Франции, например! Так и обитает американец— на дорогах да в машине, что — универсум: тут и печка, и кондишнˆпрохлада (свой климат), и музыка… Особая страна в стране — дороги, а американец в машине так и живет, как в отеле: не соприкасается с природой, убежав от нее, как от греха первородного, который знали: ужас, трепет — первопоселенцы.

Поразили меня везде улыбки, смехи, веселость. Словно невинность детей. Будто не знают первородного греха, неведом он им. А как мы, в Евразии, его чувствуем — натуральные, из природы растущие! Застенчивые. В России особенно. Так что и жить-то вроде бы и стыдно. А тут без зазрения совести живут себе — без памяти о предках. И могил отцов посещать не могут, ибо переселенцы непрерывно — и сейчас. Как начали переселяться из Европы в Новый Свет, так и тут все кочуют с места работы и жительства на другое, не свивая долговечного гнезда, не имея привязанности к родной деревне и дому и не зная «любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам». Нет обычая посещать могилы предков на Пасху. Пасха не важна тут. А вот Рождество — свое как будто. Хотя нет: слаба вертикаль родовая — дети от родителей скоро отъединяются, самости становятся, торопятся стать «самосделанным человеком».

Развивал я Майклу Холквисту о «комплексе Ореста» мысли:

— Если в Европе — Эдипов комплекс (Сын убивает Отца и женится на Матери), в Азии и России — Рустамов (Отец убивает Сына…), то в Америке — Орестов: матереубийство. Но Орест, убив матерь, жало эриний = угрызения совести испытывал. Отчего же американец — нет? А потому, что, одну землю оставя (родину — там, Ирландию или Италию…), и новую природу с ее народом поубивали: минус на минус дает плюс. И вот двух матерей убив — невинны!

Но изобретатели — неистощимые! Искусственной цивилизации мастера. Для того и потребности все новые придумывают: чтобы творческой игре выдумок непрерывный зов спереди был.

Что ни возьмешь — все так остроумно и экономно

придумано! Куртку-плащ мне давала Надежда Петерсен (хозяйка дома, где мы останавливались с Холквистами в штате Мэн. — 2.7.94) для восхождения на вершину Вашингтона в горах. Под рукавами — дыра: можно как «пончо» носить, накидку, — и как плащ с рукавами. У нас бы две вещи шили: накидку и куртку.

При широте-богатстве — экономия. В ванной пузырьки с жидким мылом: нажмешь — и выльется чуть, сколько надо. А у нас весь кусок мыла смыливается в воде нещадно. Разброс душа в ванной регулируется даже. Плита сама зажигается: спичек не надо…

Но ведь сразу в рабство к удобству поступаешь: если не понимаешь в этой технике, сломаешь, — вызывай на ремонт, плати… То же и лекарства мудреные. Врачи самые дорогие. Ибо здоровье — главная ценность тут. Во что себя вкладывать? В миг жизни сего дня и в успех грядущего.

Скорость — вот первокатегория тут заместо Пространства и Времени, что в странах Евразии — ориентиры жизни и разума. Недаром и кино тут обозвали «муви» = то, что движется. Вообще движение — тут общая атмосфера, но не статика, покой, созерцание. Американец и есть «муви» (не «муни» = муДрый, в Индии), номад в машине. То-то и кровь им нужна черная — нефть… Персидская. Веселы-то — на убиенных индейцах и на черном солнце арабов, на жидкостях Ада.

Но когда в штате северном Мэн мы в горы, леса и озера девственные шли, понятен мне стал подвиг и ужас первопоселенцев, осваивавших эту природу: священный ужас, как перед божеством, они имели. И у Шервуда Андерсона в рассказе одном женщина боится вступать в лес за поселком: там в деревьях ей тени убиенных и изгнанных индейцев мерещатся, и вину она чует…

…Вдали музыка колокольчиками вызванивается — в кирхе, может быть, иль в церкви какой пресвитерианской…

Тут музыкальный центр — в Весленском университете и малая консерватория, есть и оркестр. Много культуры. Кино за бесплатно — история кино. И концерты…

Французская и русская революции

То, что произошло за эти дни в России, тут именуют «Русской революцией» и сравнивают с Французской. Муж Присциллы, Билл, — так.

— Нет, тут не то, — я возразил. — Французская — от избытка силы и сангвы в народе и стране, так что могли четыре года этот избыток крови проливать на гильотинах, а потом залить кровью всю Европу в войнах Наполеона. Вот какая пассионарность и извержение крови, как магмы вулкана. Россия же — изможденная страна: целый век самоубиванием-кровопусканием занималась, так что сейчас в нас не кровь, а лимфа. И даже переворота-то не смогли порядочного сделать — с малым кровопусканием — правые силы: не хватило воли-энергии. Анемия и бессилие, «ущерб, изнеможенье» — во всем.

— А как же — молодые на баррикадах!

— Да победили-то не от своей силы, а от бессилия старых. И никто не «сэлф-мэйд-мэн», не знает, как за дело свое при няться, ибо весь век — под кнутом. Сейчас расшалились дети, подростки — у одра умирающего отца — вот и «революция». Пока-то вырастут, возмужают! А сейчас — растерянность, неумение быть личностью и хозяином, начать дело — самому, одному, рискуя! На Западе за тысячу лет вышколили такого индивида смелого, личностного. А у нас — «мы»…

А и антитезис это сейчасное происшествие — Революции 1917 года. Каков же будет синтезис? — Бог весть.

И даже жалко Коммунизма — как веры романтической и утопии царствия небесного — на земле… А вот оно почти создано — тут, в Америке, другими путями — эгоистическими, творческими…

Когда мы, промокшие под ливнями, спустившись с горы Вашингтона, сели в машину, а в ней — печка и музыка Моцарта, я сказал Майклу:

— Вот рай! Понятно, почему американцам не нужен рай в загробной жизни. Ведь здесь себе соорудили рай. А разве будет музыка сфер и пение ангелов звучать прекраснее Моцарта?..

Однако пора за дело — план студентам составлять.

11 ч. Прошелся по полянкам — есть тут. Ладно: менять места не буду, от добра добра не ищут. В другом месте-доме другие мне неприятности откроются — пожалею об этом…

12 ч. Взявшись готовить список литературы для группы на «Русский образ мира», стал листать английскую антологию

русской литературы — и незаметно зачитался «Смертью Ивана Ильича»; потом «Челкаша» раскрыл — и странно: неузнаваемо свежи вещи и смыслы и сюжеты стали, раз непривычными словами сказываться им пришлось.

Будто глазами марсианина стал на себя и свое же глядеть. Не из своей тарелки, с чужой точки опоры. Потеряв инерцию и равновесие сонно-обломовское привычного ума и сказа.

Так, наверное, Набоков и все эмигранты, ставшие на ином языке писать, могли чувствовать. И сейчас Эпштейн (литературовед-культуролог, осевший в Америке. — 2.7.94) удобно остраняет советчину и Россию: есть на это спрос, и он процветает.

В гостях у Джерри

2. IX.91. Ой, зачем я здесь? Никчемно заброшен. Там быть — дома, где душа и темы мои…

В гостях вчера у англичанина Джерри, кто в двухэтажном доме с дочерью — тоже приглашенный профессор. Присцилла принесла бутылку водки — и полувыпитую назад отнесла.

Странно: мы 6 оставили хозяину… Но приятна простота — одежд и отношений.

Дочь Джерри, Кристиана, окликает отца — «Джерри» (как и меня дома — «Гоша»). На равных дети с родителями — тут особенно. Я делаю заключение, что отношения родителей и детей тут — как братьев и сестер: одноуровневы, не вертикальны, в отличие от евразийских патриархальных, с почитанием родителей. Это, конечно, вообще стиль века, но пошел он — с Америки. Как и многое.

Долгое обсуждение вызвало мое уравнение американца — как «муви» = движущегося. Джерри опровергал, говоря о миграциях в европейских странах из деревни в город. Но это — не то. Тут же — как зуд менять места, будто горит земля, вертикаль под ними.

Спрашивал я про американское национальное блюдо — каково оно?

— Может быть, кукуруза — «корн»?

— А! Ex pluribus unum[5] = из атомов — единое!

Называли еще яблочный пирог с покрышкой. И гамбургер: он — пища на скорость-спех и нейтрального вкуса: чтоб не отвлекать вкуснотой, но — чистая заправка человека, как машины. Да и сам американец в авто = кусок мяса между двух ломтей, как гамбургер.

— А напиток национальный?

— Кока-кола.

— Каков же ее состав?

— До сих пор — секрет фирмы.

Но во всяком случае — искусственная, химизированная жидкость. Вся пища — ургийна, пропущена сквозь ум, изобретение, индустрию, и полуготова: «ургия» уже в продукте заложена. Пища — не с прямой подачи Природы, но полуфабрикат всегда.

Да, надо будет со студентами национальную пищу толковать, жилище, жесты, как с аспирантами Института мировой литературы в 1967 г. я домашний семинар по философии национального быта проводил.

…А у нас в стране пошла новая дележка, нивелировка бедности. Снова «вторичное смесительное упрощение»: не дают аристократии сложиться — хотя бы и из партийных родов. Ничем не хуже их образование, чем при Петре — дворян «в случае». А шли бы хоть накопления вертикальные — для капитала и интеллекта детей… Нет, снова зависть и перераспределение — вместо создания богатства.

С утра гулял — смотрел дома. Нельзя тут описывать дом — как характер владельца (как это у Бальзака, у Гоголя): дома часто перепродаются и меняют владельцев, так что души-характера в домах нет.

11 ч. Да, моя темница. Вернулся с лужайки — везде солнце, а у меня первый этаж, да во двор смотрит, на стены и асфальт. И темно.

Вдруг звонок — Юз (Апешковский: он тут живет и мне по дружбе давней устроил это приглашение. Здесь он в статусе «писатель-эмигрант». —3.7.94). Сразу поднялся дух.

— Ты, б…, не бзди ностальгией[6]. Ностальгия — это такое состояние, когда у человека есть все, кроме нее.

— Прекрасная формула, почти математическая!

4. IX.91. «Не бзди, малютка!» — себя подстегиваю формулировочкою. Завтра уж — лекции. Вчера измудохался с Присциллою, готовя план и список чтения студентам, которые, оказывается, ничего из культуры не знают. На х… ж я им — «культуролог», обитатель высшего этажа культуры?.. Ну ладно: пока переводить надо…

5. IX.91. 8 утра. Через два часа с половиной начнется моя лекция. Мандражу несколько. Но включил радио, что Юз дал, — и в подкрепление мне классическая музыка. И снова я в родном доме души.

6. IX.91. Проклятье! Зael в машинке перевод на малые буквы — придется так, гигантами шпарить…

Начинаю успокаиваться. Вчера первые занятия хорошо прошли. Перестаю бояться студентов и своего английского. Просты и доброжелательны. Надо теперь подумать: как постараться себе приятными сделать эти занятия и полезными? Главное — подобрать тексты для сравниваний. Тогда готовое пространство английского текста будет на уроке мне подспорьем — и мой метод конкретных сравнений и анализов будет к месту, работать.

12 ч. Сегодня расслабляюсь. Гулял— осваивал пространство, смотрел объявления мирной жизни, босой ходил, потом сварил сосиску, яйцо и картошку и слушал по радио передачу музыки к еврейскому Новому году — «Рош хашана». Какая экстатическая

музыка! И насчет еврейского образа Бога — идея: Бог = Дух = Царь-Мессия — такой тут комплекс. Потому не могли принять идею Сына и Бога — как вдруг Отца! Оскорблением было назваться человеку Сыном Бога. И Иисус ими протолкован как «мессия» и «царь иудейский», на что не претендовал.

И в Польше Богоматерь = Королева…

Позвонил Юзу: тоска и в Москву хочу звонить, хоть и платить долларовостью. Благодарю его за приемник и музыку:

— Когда заслышишь классическую музыку — будто дома: мир домашен стал, где бы ни находился ты. Как Бог она при молитве — близок, в тебе, тут, есть нутренняя твоя…

Буду просто жить, как жил бы и в деревне при себе: своим ритмом. Не выкладываться. А то вчера Суконик позвонил и рассказывал, что Чудаков (Александр Павлович, литературовед. — 3.7.94), когда на лекции в Штаты приезжает, сразу давление подскакивает… На фуя мне, попу, гармонь?

Звучат божественные звуки симфонического оркестра. Диалог деревянных — и я дома, душа дома, при себе — в Боге, Духе. Приедет Юз за мной — грибы собирать поедем после дождя.

А пока стихи американские почитаю — нацелюсь на сравнения.

По грибы и по мысли…

7. IX.91. Вчера — жил просто и сладко. Днем приехал Юз и позвал-повез с его Ириной грибы собирать в национальном лесу. Сыроежки, опята. Но какие-то все другие тут, как и деревья: березы, клены — будто той же породы, а не те…

— Знаешь предание? — Юз мне. — Вождь индейцев произнес проклятье белым: исчезнут запахи в Природе. И верно: все тут стерильно, и цветы не так пахнут, и все плоды земли.

Вот и от Англии отличие: там чуткость к запахам (и в поэзии), обоняние. И вообще в Старом Свете ноздри, носы важны и тонки. И собаки, и охота. А здесь все погрубее — органы чувств. Зубы важны: все их показывают в рекламных улыбках — как хищность свою и волю сожрать тебя в гонке к успеху. Ну и язык облизывающийся в рекламе пищи все вылезает на разные продукты. А про грибы Ирина Юзова хорошо заметила:

— Здесь грибы не прячутся, жмутся прямо к дороге, а в России скрываются.

— Ну что ж, там и грибы застенчивы, не напоказ, а тут открыты, в рекламе взывают: возьми меня, я наилучший!

Темы американской поэзии

А вечером засел читать Антологию поэзии американской — в поисках аналогов стихам русским: чтоб сравнивать со студентами. И — скудновато с поэзией тут. Истинно поэтические натуры — Эдгар По, Эмили Дикинсон… Роберт Фрост (из тех, кого читал). А большинство — риторика, без грации. Уитмен — орет, декламатор. Смесь Бхагавадгиты и газеты — по словам Эмерсона о нем. А и сам Эмерсон рассудочен…

Но сильна поэзия веры, молитвы — у Джонса Бери и у Брайнта. И свой дом, двери, ставни на нем — и у Эмили Дикинсон, и у первопоэтессы их в XVII в. Анны Брэдстрит. Как у нее сгорел дом, но ей остался дом мира с крышей неба — теперь выше смотрит. И любовь ее к мужу — к нему стихи, как и я бы Светлане — наивно и честно: что так его любит, и он ее, и другого союза ей — нет, не надо…

Так сладко было читать — три часа незаметно пролетели. Однако парности темам русской поэзии трудно было найтись. А я было нацелился: как один сюжет по-разному трактуется — разбирать со студентами на занятиях. Тут же темы-мотивы иные, свои. Смерть, могилы. Природа. Нет власти и кесарева мира политики, толпы людей — и от них отъединения поэта. Нет угнетенности. Интересно!..

…Белочка по дереву под окном прямо с асфальта двора вверх. Хотя не асфальт тут, а плиты: не пахнут в жару, как асфальт.

Все-то удобно, для жизни без мучений — так эта страна и все тут затеяны: чтоб сладка сия жизнь шла, была, сложилась. Не то, что у нас: для страданий и легко чтоб расставаться с сею проклятою жизнью — и взыскивать Высшего града и рваться к нему — в идеале, в вере, в утопии.

Тут же вера — не на потом, но Бог — здесь, сейчас, в тебе и вокруг: прямее и интимнее с Ним здесь и теперь сожительство, а не отлагание на когда-то и на «тот свет»… Вон как Анна Брэдстрит через свой сгоревший дом к Богу выходит. Или как Джонс Бери: мир Божий вполне везде и во всякой вещи.

…Сказал Юзу, что не знают тут первородного греха, а ведь вырезали индейцев — и скалят зубы в улыбке, невинны.

— Теперь грех перед неграми чувствуют, им уступают, с ними нянчатся: права меньшинства! — а те наглеют…

Так что негры получают дивиденды ныне за индейцев порубленных. Чернокожие — за краснокожих.

2 ч. Ходил в «шоп»-магазин: накупил овощей, молока, майонез, чай, соль, пришел домой; поел сациви, что Юз мне

принес, салат разный сделал, кукурузу сварил, Вагнера и Моцарта слушал.

И слезно пронзила жалость к своим, милым, кто ТАМ — что едят? Чепуху какую-нибудь. Так и вижу утро на кухне: Лариса чай пьет, Светлана себе «геркулес» варит — если есть он. Хотя Настя накупила 16 пачек — на год хватит…

И все дивлюся Америке: в поэзии нет «гражданских мотивов» (а как их обильно у нас!) — да потому, что нет Власти, Государства давящего и выжимающего из душ слова, мысли — в оборону личности, народа. Здесь люди, напротив, заставили Государст во служить себе, своему удобству.

Другие враги в поэзии: Смерть, Природа… Но главное — наслаждение настоящим — у Уитмена — и собою, каков аз есмь Так что не понимал я прежде американцев, когда представлял их только наслажденцами труда: что не умеют кейфовать. (Вон как студенты тут кейфуют, мало занимаются.) Не выматываются из сил на работе, как японцы сейчас. То-то японцы могут Америку выгребать, как самец — бабу, большую; а он — маленький, остренький сперматозоид — японец-то.

По телику — передача негритянского ансамбля: стихи и спиричуэле. Бог им рядом: Святой Дух (Спирит) в тебя входит «Брат Иисус» — так негры к Нему обращаются и чувствуют близко, любят Отца: сами — как дети. (Англосаксам, трудягам, Бог ближе как Творец.) Наивность и теплота, сердечность в неграх Нет затаенности, как в белых: в них субстанция Старого еще Света.

А Ворон Эдгара сидит и молчит, и одно «Никогда!» — говорит, как и Флем Сноупс у Фолкнера сидит, свою жвачку жует и молчит.

…Однако назадал я им Шпенглера читать, а сам и забыл Давай…

9. IX.91. Уже начинаю житие спокойное вести — как все американцы: в микроклимате старосветской своей общины. Вчера Юз повез в русскую церковь в Хартфорде. Воскресенье, служба, новенькая церковь, построенная в 60-е годы людьми «второй», послевоенной эмиграции, из «перемещенных» лиц. Служит ирландец, перешедший в православие. А поют свои: женщины и старички — такие чистенькие, уже американцы; тем дороже им раз в неделю прийти и подкормить родную субстанцию души. Островок, малое стадо, а все — у Бога в обители. Я аж прослезился под конец, прошибло меня умилением — жестоковыйного.

Так и все тут, в пространном космосе Америки, живут — своими микрокосмосами, общинками малыми, филиалами

Старого Света: ирландцы, итальянцы, евреи и т. д. Так что американский флаг не только механическую звездчатость 50 штатов означает, но скорее — небо галактики этой в звездах-планетах общин = стран в стране.

И тогда живут — и в Америке, и в Италии сразу: обеими субстанциями дышат.

Потому в американца превратиться легко: не надо расставаться с родиной — в быту, в нравах; не надо резко душевно преобразовываться, а лишь внешне трудово.

Звучит Моцарт. Симфонии = домы из ткани Времени: так организовать-построить течение Времени — архитектурно! Так что здесь Haus германства = проекции структуры души на Пространство и на Время. Но во Времени они оригинальнее. Время тут не деньги, а — в симфониях.

А вчера под утро проснулся — и про Англию понял: Гулливер и Робинзон — вот кого мне надо брать во модели. Оба на кораблях и на островах, и там — относительность-плюрализм у Гулливера, а Робинзон — труд, selfmadeness («самосделанность») и империя — над Пятницей. И Шекспира герой понятнее: Гамлет = экспериментатор («мышеловка»: представлением актеров ставит опыт над совестью дяди-короля); а Лир, Макбет и Отелло — испытывают-исследуют судьбу, провоцируя ее на ответ, — как Фарадей, Challenge and Response (Вызов и Ответ — термины Тойнби: механизм истории в них. — 8.7.93), — и Гамлет вызывает судьбу и мир на противоборство: сразиться. Герои Шекспира — рыцари на турнире с миром, с космосом.

После церкви — к Юзу на обед, «ланч»; привез священника — его новый дом освящать. Грибы, что собирали накануне, ели.

— Ланч — не Линч! — говорю.

Потом повез меня в магазин — учить. И обливается душа жалостью к своим там девочкам, таким прекрасным и тонким: что же едят, сколько сил уходит на неустроенность бытовую жизни, и на этом прогорают божественные, духовные субстанции!

— Битов, когда привез я его в такой магазин, — рассказывает Юз, — расплакался: «За что же это нам такое досталось мучение?»

И вот думаю: в общей экономии Божьего мира и наше страдание — небессмысленно. Другие страны и народы глядят — как дети, слушая страшную сказку, трепещут и лучше слушаются папу и маму — и Бога: смотрите, если пойдете своей атеистической дорогой — вот что с вами будет!

Но и пуще и глубже: на страданиях наших — дух взращивается, как при аскезе и в монастыре. Так и вижу глазки Светланы и Насти и Ларисы, что-то скверное жующих, — устремленные в высшее, в бессмертие и воскрешение. И умилен и

восхищен, и касаюсь их душ этим умилением. А эти бесконечные тут изысканности в провизии, рекламы и варианты чего и как поесть, — избыточно-земным комфортом дышат, чтобы забыть о Смерти и главной метафизике человеческого существования. Это ост- рейше переживали в XIX веке и тут, пока не устроен еще был американский мир, космос «ургии». А теперь — устроили и забыли бояться смерти, ибо жизнь сия — совершенный рай и кейф удобства.

Так что, идя завтра на урок свой, могу это и рассказать — о взаимодополнительности народов и в судьбах, и путях их: развал и страдание нынешней России — всему миру это нужно и истории, как питание уму и духу, и душе: мы — жертвенные агнцы…

Вспоминается анекдот еврейский, что мне еще Берта[1] рас сказывала. Подзывает молодая женщина с сыном мужчину на курорте. Тот радостно подходит, предвкушая романчик-приключение. Она же, сыну на него указывая, говорит: «Если будешь плохо кушать, станешь такой же тощий, как этот дядя».

Но какой удар по Духу и Духовности — оскорбление этой цен ности русской жизни, чем мы могли еще гордиться. Похохатывает мир — и особенно евреи: накормить себя не можете, а еще Воскрешения взыскуете! — и на бедного Федорова и мою Свет лану ополчаются тут: Борис Парамонов; а Юз намеревается роман-пародию писать с героем Свет-Семеновым… Мол, у вас все — идеи, идеалы, идеология! Накормите себя сначала!..

Верно — и накормим. А дальше — что?..

Но теперь, благодаря краху утопии советчины и коммунизма, обосрана вся область идеалов…

10. IX.91. А ну-ка заликуй чуток — прежде чем в ярмо профессорское впрягаться. 9 утра; через час встречаться со студентами. Однако «учение не должно быть мучением» — не только для обучаемых, но и для учащих. Так что настройся на радость встречи — и от них получить себе научение.

8 веч. Хороший день был. И лекции удались — особенно в русской группе: экспромт непринужденный вышел.

Потом опробовал велосипед, что мне Суконик придал: поездил по милым улочкам и выехал на холмы. Полтора часа ездил — осторожно, со страхом: глаз-то один. И память о том, как Эдика Зильбермана милого задавило в Америке, когда на велосипедике ехал… Все — техника Запада. На ней русский спотыкается: вон и Галич — от тока, делая себе какую-то стереосистему, музыки ради, погиб…

Да, после напряга лекций потребовалось движение — и вот так приятно его себе добыл.

Но перед выездом вспомнил, что еще не написал письма Берте. Звонила Инна Суконик позавчера и сказала, что Берта ей звонила и рассказала, что у нее была операция — в матке опухоль, не раковая ли? И Инна побуждала меня — написать.

— Трудно найти интонацию: ведь давно не писал ей.

— Но она же — ГАЧЕВА! — напомнила Инна о моей за нее ответственности: за душу живу, которую в свой путь вовлек.

И с опаской подумал: если не напишу перед выездом, как бы мне она не навредила — ее образ проклятием мне?.. И сел и написал.

Вроде бы письмо — получилось. Не стал сразу на машинке печатать, ибо от руки — человечнее…

Миддлтаун, 9.IX.91

Дорогая Берта!

Мне позвонила Инна Суконик и встревожила: у тебя операция серьезная была. Думаю все о тебе и посылаю тебе куски души в подкрепление. Верю, что, как и в прежние разы, твоя воля одолеет напасть.

Я тут — представь! — «прохфессором»! Никогда не преподавал по-русски, так — по-английски! Но — вроде получается, даже интересно маскарадить. Из каких-то давних глубин слова выскакивают. Целый курс повел «Национальные образы мира», где им даю портреты национальных Космо-Психо-Логосов (как мне виделись…). Тут и Англия, и Франция, Германия, Италия, Индия, Эллада, Россия, Еврейский образ мира и Американский… На весь осенне-зимний семестр. Лекции два раза в неделю. И еще в те же дни класс на русском языке — о Русском образе мира.

Так странно — тут налегке жить, когда дома — такие проблемы, заботы и голод грядет!.. Вылетел я 19 августа: как раз вдень переворота, узнал о нем в Шэнноне. И вот такие роковые дни истории пробыл тута. И еще долго! До Нового года…

Это мне Юз Алешковский устроил — разрекламировал. Он здесь. Конечно, если бы пораньше все это?.. Сейчас сил мало, да и интересу меньше и толку…

Но и то — ничего…

Когда Дима звонил как-то летом в Москву и узнал, что я на 4 месяца буду в Штатах, сказал, что, может быть, приедет сюда. Вот бы хорошо!

Как все разбросанно — и как тесно! (Моя семья — в Москве, Берта, первая жена, — в Израиле, Дима, наш сын, — в Турине в Италии или в Болгарии… — **9.7.94).** *Для души же все — рядом, тут…*

А советчину — аж жалко! Все ж всерьез мечтали — и хотели блага. А что крах — так это трагедия. Потешательство ж и обо-

срательство, ныне столь легкие, — это зубоскальство Хама на наготу отца своего Ноя.

Напиши мне сюда — быстрей дойдет. Как Додик, Рая, Софа (родные Берты там. **— 9.7.94)?**

Обнимаю тебя и желаю одолевать немощь.

Твой Г..

11. IX.91. Ну и курорт я себе заполучил! Не надо Крыма — Ниццы — Пицунды. Ласковое солнце, зелень, еда прелестная, сплю, как цуцик, никто и ничто на нервы не давит, не пилит — раз избавился от страху перед лекциями. И время — полное свое. Читаю книжечки хорошие. Люди улыбаются, бегают девушки в шортах. Музыка Моцарта и Шуберта облегает душу…

Да, не ожидал, что санаторий себе тут получу.

То-то русские писатели так любили на уютном Западе пребывать-творить — и оттуда про беды России так сладко восписы- вать. И Гоголь, и Тютчев, и Достоевский, да и Ленин — в Цюрихе.

А там, а у нас — какой ужас — представляю! С утра бежать в какой магазин — очередищу за молоком выстаивать, если есть еще! В другую — успеть в кассу, если яйца выкинули. Потом бежать на другой край — в овощной: гнилую картошку доставать…

И дома оттого раздражения друг на друга.

Но отлынивание от жребия — дезертирство.

Да и как без любименьких?..

Ладно, отсанаторишься здесь, заработаешь на прокорм на текущий год тяжкий — и будет что тратить, силы, — дома.

Полировка и массаж

А в ходе лекций-занятий мыслицы недурные приходят.

Вот в русской группе спросила Маша Раскольникофф (в 7 лет она из России вывезена, литературами Европы занимается):

— Как же национальное искать в XX веке, когда все так похожи стали?

— История = трение наций друг о друга, — такой образ мне на ответ пришел. — При этом и обтесывают, полируют — и так сглаживают различия и становятся похожи снаружи. Но ведь одновременно идет массаж внутренних органов под кожей: артерий, сосудов, сущностных энергий — и потому стимулируется собственное «я», свои творческие силы и суть. И потому сглаживает- нивелирует национальные отличия (на поверхности), и дает им импульс к развитию. Так что француз XX века более национален, чем француз XVII.

А восхищенные глаза студенток — стимулируют на артистизм мысли. Кокетливо-артистическое дело — преподавание!

Эта русская умненькая Маша еще спросила:

— Почему это страдание так обязательно выпячивается как ценность русскими? Вон и родители мои — мне. Это интеллигенты так. Народ-то ведь не хочет страдать. А за него ему придумали страдание — как его будто, русского, суть! Почему бы не радоваться жизни и не жить легко и улыбаясь друг другу, как вот в Америке?..

Начал я было так:

— Смерть все равно предстоит. Страдание — как приуготовление к смерти: чтоб не так было страшно умирать. Иммунитет…

Хотя почему бы тогда не жить на всю катушку, радуясь, раз еще настрадаешься? Эпикурейски: «Пить будем, гулять будем, а смерть придет — помирать будем!»?..

Это — от бедности, неустроенности. Хоть что-то мы во России как свою сверхценность — должны иметь выдвинуть? Тем самым — Христос мы, страстотерпкие…

— Но ведь все народы себя воХристы производят. И поляки…

— И евреи — народ избранный — на страдание…

— Не могу сразу сказать, — сдался я. — Будем вместе разбираться.

Пришел и математик из России, Саша, кто тут лекции на математическом факультете читает. Я его и не узнал сразу: на приеме зарубежных новых преподавателей с ним на днях

познакомились — и он заинтересовался ко мне в класс прийти. Спросил он:

— Как же так: в Англии — борьба, как Вы говорите, — принцип. Почему же она — родина демократии? Должен был бы сильный победить — и подчинить…

— Да ведь не в одну сторону действуют силы, так как все люди разные, — и получается не подавление, а параллелограмм сил, равнодействующая. А тем более, раз в самые разные стороны — то букет сил, как в драмах Шекспира: разные и равно- мощные характеры. Друг друга умеряют — и динамическое согласие, нейтралитет демократии получается в итоге.

Национальные образы Бога

— тоже неплохо и разнообразно тут развивал я по-английски. Что новое понял и ввел? Даже в анализе молитвы «Отче наш»: в русском варианте — «да святится», идея СВЕТа, чего нет в английском, где Hallowed be = «да будет целым, здоровым», как и в whole — тот же корень.

У нас: «Избави нас от Лукаваго» — персонифицирован, громаден дьявол, тогда как по-английски — просто «от зла», абстрактно, как и в Греции (tou ponerou), и по-латыни. Но в итальянском варианте тоже персонифицирован Он — dal' maligno.

Зато в английском добавляется: Thy will be done = «Твоя воля да будет сделана» (тогда как в русском — «да будет», сама собой, идея Бытия, а не Труда) — то есть принцип «ургии», делания, как и в вопросе-приветствии: How do you do? = «как вы делаете делание?» — буквально (у нас «как живете?» или «здравствуйте!»).

В молении о хлебе у нас он характеризуется как «насущный» (идея сущности, экзистенции), а у англичан (и французов) — «ежедневный» — т. е. категория Времени работает (как и в уравнении: «Время = деньги»; и Время — мера Труда, ургийное уравнение).

Также понял, что в протестантских странах ипостась Святого Духа в Троице становится основной — за счет Отца и Сына, не говоря уже об исчезновении там Матери-Девы… Ибо каждый в себе чует дар пророчествовать и из себя напрямую в Бога выходит. Протестантизм — сын пятидесятницы, когда Святой Дух сошел на лысые головы апостолов (как электричество — на набалдашники.—9.7.94), и заговорили они языками, каждый из себя, — и раздробилась единая церковь на секты, чего обилие в английстве и в Америке. А где и чем меньше секта, тем более там удельный вес «я». Возрастает в самочувствии Человек, личность, а с тем и гордыня и дьявол. Потому в германстве Сатана — у Мильтона и Байрона могучий образ, и у Гёте Мефистофель и сам Фауст… Кстати, в России Демон и Бесы — мелкие… А в Америке нет такого персонажа: не заметил — такого величия в дьяволе. Есть ведьмы — Салемские. Есть Флем Сноупс = американский черт — у Фолкнера. А у негров Иисус = брат: очень тепло, нежно и по-свойски с Ним.

Главный вопрос

Еще это ввел в первоэлементы национальных космосов: какой вопрос в каждом — наиглавнейший по интересу? Какие это вопросы? Что? Почему? Зачем? Как? Кто? Чей?.. Что? — в Элладе: «что есть?» — вопрос о Бытии, настоящее абсолютное. Почему? Warum? (= Was um?) — взгляд назад, в Причину, в происхождение вещи — интерес германского ума. Pour-quoi?«Для чего?» — во Франции и в Польше. «Почему?» превращается в Pour-quoi? Dla czego? = «для чего?», «зачем?» — идея Цели, а не Причины. Будущее, Прогресс — туда устремление, там главная ценность. Утопии, социализм — французского Логоса труды. «Как?» — вопрос английства и американства: как сделано что? «Ноу-хау» — из американства по миру пошло это понятие. Принцип «ургии»: как сделано? Полно книжек на всякое «хау»: снабжают людей техникой здоровья, красоты, профессии и проч.: «Как добиться успеха и влияния на людей?» — стиль Дэйла Карнеги популярных книжек. (А для русской Психеи главный вопрос будет — Чей? Да: чей я? Иван-ов, Берез-ин. Патернализм и инфантильность русского человека. Патриотизм и любовь к Матери-Родине: без них я — никто и ничто… — Это я позднее добавил, понял, —9.7.94).

11 ч. Босой хожу по всей территории университета — по лужайкам, дорожкам. Вот на почту. Босой и в шортах — так тут многие, и никого не смущает. Естественность. Как человеку удобно — так и хорошо и можно.

Однако надо назавтра лекцию набросать.

Вхожу во вкус занятий

13. IX.91. И третий день лекций прошел. Втягиваюсь, успокаиваюсь: что-то будет выходить каждый раз — так чувствую. Настраиваться на урок накануне. А пока — жить. Вот 4 дня свободных пошли: пятница сегодня.

Вчера после лекций на велосипеде часа уже два гонял по зеленым холмам и даже, зазевавшись, в малую аварию попал на перекрестке: спускаюсь с холма — и машина наперерез. Он — за тормоз, я — за руль, свернул его — и упал на правый бок, коленку ободрал да, как оказалось потом, — и ссадину на боку… Человек остановил машину, подошел, помог мне руль вывернуть назад. Но тут выбежала бодрая старушечка из дома рядом и предложила полицию вызвать, составить протокол и чтобы человек мне платил — «за увечье». Я махнул рукой: «май фолт» (моя вина), извинился и уехал — подальше от греха… Но вообще тут — не зевай!

Юз же потом сказал, что тысяч на пять мог бы я наказать беднягу.

Удовольствие начинают доставлять занятия-семинары в русской группе, вольные — как те, что я в 67-м году с аспирантами И МЛ И вел в их общежитии.

Я им дал на сопоставление «У лукоморья» Пушкина и Вступление к «Песне о Гайавате» Лонгфелло — и как много интерес ного с ними в разговоре раскрылось! Что в России уж старые — Кощей, Баба-Яга, Дуб-дерево, тогда как в Америке все молодо- зелено, существование только начинается на пустыре, и кустарники, а не дерево (Листья — у травы — напомнил я им еще и Уитмена). Что у нас — витязи и богатырь, царь и царевна, темница и цепь — все из оперы Государства и Социума. А кот на цепи= поэт на цепи у власти. Что золото не в почете (Кощей умирает над ним), а в Америке Клондайк — пища мечты.

Потом Вступление к «Медному всаднику» читали — и заметили, что город — из стен, без людей. Форсированный гимн Державе. Предложил прочитать поэму к следующему занятию, кто может — по-русски, кто — по-английски: пусть увидят великий диалог Власти и Личности в России.

Позавчера ко мне консультироваться насчет своего диплома подошел Роберт Рич — умный еврей из Лос-Анджелеса. Он на историческом отделении и хочет писать «перестройку» по газетам: «Московские новости» — прогрессивны, «Известия» — центр, «Советская Россия» — консерваторы. Поговорили. Пред ложил ему связать с традицией западников и славянофилов и их

законных в России споров. Он в позапрошлом году тут Эпштей- на слушал — как тоже «русского профессора», высоко оценил: тот читал про «идеологический язык» на советчине.

Оказывается, год учебы тут, в Весленском университете, стоит 22 тысячи долларов. Я вздрогнул. Такие деньги платят — и за мой курс! Ирина Алешковская сказала: каждый студент тысяч пять долларов выкладывает, чтобы слушать мой курс. Мне зябко стало: а что же я им даю? Взгляд и нечто… Надо постараться.

Вообще анархизм американской системы образования — не хуже ли савейской запрограммированности? У нас хоть классику и основные знания в науках дают. А тут может Эпштейн читать курс про своих дружков «концептуалистов», и бедные студенты учат Пригова и Рубинштейна, не читавши Лермонтова, Тютчева и Блока… Так что — издержки Свободы… И в итоге такое случайное образование приобретают. Особенно пусто у них сзади, в классике, ибо на современное и на «последний крик» устремлены. Ну и — политика и авангард. А на этом еврейство пенки снимает, раздувая своих, «экс нострис», за счет субстанциальных и серьезных творцов.

Вон и Присцилла дает глубокой русской Маше (другой — Штейнберг. — 9.7.94) на диплом последнюю книжку Битова «Человек в пейзаже». Та читает, морщится.

Зачитался Набоковым о Гоголе в английской книге про «Мертвые души». Вот тебе для Русского Логоса идеальные примеры — из начала их: «не старый, но и не молодой», «не то, чтобы сказать,, но» — и тут многоточие разговора мужиков о колесе… — пустота, простор бесконечный… (Формула Русского Логоса, как я ее вывел: «не то, а…» — 9.7.94).

14. IX.91. Вчера прозвонился домой — и Ларискин голосок: «Папа! откуда ты?» — и из нее душа взвилась мне навстречу, и мое существо все пронзилось. Что сильнее любви родных? Вся кровь, душа, существо — проняты. Рассказала, как трепыхались без меня в деревне: 22 августа поехали все в деревню (мамин день рождения справлять — 50 лет), убрали яблоки и картошку. Щербаков помог, Андрей — он ей полки сделал, и там в деревне сам будет жить после 15-го.

Сейчас Св. в Переделкине до октября; Настя сегодня летит в Мексику к Луису; бабушку вывезли из Рузы; сама Лариса едет одна в Киев на какие-то «мощи»… — вот вдалась в христианство.

Все при деле. Мое государство пока в порядке…

А я тут — свободен — от кровного интереса и зацепления округой. Невесом, не переживаю — так непривычно! Высвобождается интеллект для незаинтересованных наблюдений и изучений.

Вон Юз возил в прошлое воскресенье в русскую церковь, а потом три дня назад батюшка (ирландец!) приезжал освящать его новый дом. И потом за обедом рассказывал свои впечатления о своей русской пастве:

— Легко обижаются! И подозрительны: все им кажется, что что-то не так, что на самом деле что-то не то. Вот я им говорю, одной семье, что в этот час не могу, а они обижаются и подозревают какой-то мотив, заднюю мысль у меня. А у меня просто расписано время на другое дело в этот час… Ну и какие-то интриги между собой…

— Да ведь это микропарламент! — я толковать. — У нас в России, за неимением открытой политической жизни, она на работе и в общинах происходит, в «трудовых коллективах»…

— А вообще русские — дети, подростки, «тинейджеры».

По радио — увертюра Николаи к «Виндзорским проказницам» — с детства, с войны, памятное звучание. Мое подростковое…

А слева — что это скребется? Да белочка по стволу спускается

Вчера Юз возил на «парти»: их знакомая, сербка Елена, замужем за американцем, пригласила, а они и меня подхватили Приехали — просто имение помещичье: дом комнат из 25, двухэтажный, земли — просторы. Живет одна: дети выросли, разъехались, муж переженился, и это — ее. И так естественно это тут — просторно жить людям среднего состояния, какими и мы могли бы быть — интеллигенты, профессора. Она преподает русский язык в университете Коннектикута — тут их много рядом, университетов (колледжей).

И вспомнил запустение моей деревеньки, заросли, избу… Но — на чужой каравай… Да, механична зависть. А органична — привязанность — к родному, малому, где свои. К русскому, бедному, в таком опозоре и разрухе сейчас.

Нет, я бы и мог от русского отрешиться: моя страна — Мысль и Любовь. Но любовь-то — к моим, родненьким, а они — вросшие в русскую субстанцию. Ну и я с ними…

Была на этой «парти» Ольга Гришина из московского Иняза тут на месяц. Рассказывала о днях переворота. И меня спросила: «А Вы вернетесь? Сейчас ведь многие выезжают — и не возвращаются.» — «Конечно, вернусь: до Нового года лишь я здесь». И чувствую — как благодарный луч от нее. Да, возвращаться — в трудную жизнь.

Но — загадочно, интересно! Столько будет действующих сил и линий! Какой синтезис станет получаться после тезиса Октябрьской революции и советчины, потом антитезиса «перестройки», включая и недавний «путч», — и вот что теперь?

После путча синтезис должен начаться. И русское и советское, поруганное, еще скажется — и не только минусовостью, но и позитивом своим и идеями.

А пока — дешевый откат идет, и отречение, и посмеяние…

Юз позвонил — зовет на «блошиный рынок» на днях ехать: по дешевке приодеться — надо и мне, и моим. Вытащил листки, что мне Св. и Лариса перед отъездом дали с наказом на покупки — и вот на листе обведена нога (ступня) и написано: «Светлана», а на другом — «Лариса»… Накатил порыв: ноги эти прижать к душе, целовать!

А представь — как можно рыдать, коли от жизней их останутся вот эти обводы босой ноги карандашиком!..

Миддлтаун. 13.IX.91

Ой, *любименькие!*

Как задрожало все внутри, когда голосок Ларисы отозвался — через Бог знает какие пространства! Сколько дней дозванивался — не мог пробиться, а вчера Суконик звонил из Нью- Йорка и научил: тут есть кнопка механического набора номера — и за 5 минут прорвался. Но как жаль: голоса Маммушки не успел услышать — дай Бог ей в Переделкине оклиматься! Что там за вырезание?..

Ой, как далеко и давно — и как мило и любимо наше житьишко! А тут — прямо курорт! Ну — по порядку. Суконики меня в первые 4 дня опекали: возили в Манхэттен, на Брайтон-бич= Нью- Йоркскую Одессу, на «парти» к скрипачке, с которой Инна в ансамбле играет. Как раз шел «путч» — и мы по телеку много смотрели: небось Ельцина на баррикадах видели раньше, чем вы в Москве: телевизор-то был еще Кравченковский. Представляю, как Маммушка лежала и сиськи крутила, на Ельцина глядя и на все парламенты! А может, в деревню — проклятую вами? — пришлось ехать? Как Лариска сказала, что 22-го поехали — на мамин день рождения. А я как раз у Кати был — Суконики привезли. Два дня у них жил, а потом поехали они и меня взяли на Север, в штат Мэн, и там жили на вилле в горах, ходили на восхождение на гору Вашингтон — 2 тыс. метров. Купались в озере — теплом и пустынном, как во времена Гайаваты.

Так прошла еще неделя, и 31-го Майкл привез меня в Миддлтаун — это в 30 км от их дома. Передал меня в руки Присциллы

Мейер, та привела меня в мое жилье — это целая двухкомнатная квартира: холл-кабинет, спальня — две кровати, кухня с плитой и холодильником. Ее муж привез старый их телевизор, Юз дал радио — музыку слушаю. Как включил ее — родную, классическую, — сразу из чужбины в доме души оказался.

Присцилла дала-одолжила 100 долларов и повезла покупать

еду в супермаркете — вышло на 40 сразу. Как Юз потом рассказывал: Битов, когда с ним зашел в этот магазин, аж расплакался: «За что же нам, на Руси, такое наказание?..» И когда жру снедь — все о вас думаю — со стыдом.

Первые дни все трепетал: как пойдет моя лекция на английском? Кстати, с Катей и Майклом сразу только по-английски говорил — репетировал неделю, и Катя помогла отредактировать мой перевод первой лекции. (Как видите, машинка барахлит, а чинить — дорого. Тут же все перешли на компьютер; даже ленты не достать). Майкл и Катя успокоили меня насчет моего английского: произношение нормальное и словарь… Ладно, разговорюсь тут далее.

5 сентября мои первые классы были. В группу на английском пришло человек 30 — на курс «Национальные образы мира». А в группу на русском записались 5, но ходят уже 11.

Первая лекция хорошо удалась на английском: был контакт, даже смеялись. Присцилла сидела — не ожидала, что такхоро шо… А на русском курсе я было приготовил им «Космософию России» по-английски, а они меня попросили по-русски, хотя разные у них уровни; я чуть сник, ибо по-русски мне это же было скучновато рассказывать. Но — ничего. Что-то все равно получилось. А следующие два с ними занятия — совсем непринужденно. Тут есть некоторые дети эмигрантов, вывезенных из России в свои 5–7 лет, — они говорят, а другие тут выучиваются.

Вчера на занятии сравнили «У лукоморья» Пушкина и Вступление к «Гайавате» Лонгфелло: призывал удивляться наивно странностям — и мне самому интересно их слушать. Потом раз бирали Вступление к «Медному всаднику» — и задал им всего его прочитать: кто — на русском, кто — в переводе. А наперед думаю: полкурса, а может, и больше, заниматься поэзией, а потом — про русскую мысль (использую свою «Русскую Думу») А на английском — пока общее о национальном говорю, а потом к описанию отдельных космосов перейдем. Народ — детский. мало образованный даже в американской литературе. Так что надо постоянно ликбезом заниматься — факты сообщать и объ яснять.

…Итак, три дня лекций прошло — полторы недели. Уже успо коился я — вроде получается. И расписание очень удобное вторник и четверг, так что на 4 дня мог бы и уезжать. СЮ.30 до 11.50 — английская группа, потом час на «ланч», и с 1.10 до 2.30 — русская группа. Просто идеальное расписание по времени.

Когда успокоился, я почувствовал — да тут же курорт! Теплынь, студенты ходят в шортах и босые многие. И я. Тут лужайки, деревья, беру книги и читаю. Мой дом — в полминуте от

«офиса». Маленький университетский городок — мечта так жить: вся культура тут, а и природа дышит. Набрал книг — читаю американцев.

14. IX. 91. *Прерван был вчера: заехал Юз с Ириной — повезли на «парти» к сербке, что в соседнем университете преподает русский; день рождения, что-то к 70. Поужинали с выпивоном. Сегодня хмуро, дождит слегка. Юз заехал — повез покупать свитер и рубашку по дешевке: по 5 купил два свитера шерстяных и две рубашки.*

Сейчас думаю: ехать на велосипеде кататься или пройтись? Скользко, не поеду. Пойду отнесу письмо.

Обнимаю.

Сегодня что-то кисло…

Ваш Па Гошка.

Национальное — Ветхий Завет

Понял, что я восписываю Ветхий Завет — своими «космосами»: первое слово, что сказала природа и культура древняя и классическая — для каждой национальной целостности. Но на этой основе затем — ныне особенно — развивается Новый завет, пересклад ценностей и понятий. Но это все — с наследством завета старого и с ним в отношении, питании, полемике… Это — объяснить моим студентам. А то обидчиво и ревниво они относятся к моим построениям на основе классики — и спрашивают: «А что, это изменяется? может ли? и как?»

Вчера читал в хрестоматии американской литературы новейших авторов. Вон Алиса Уокер, 1947 г. рожд., — негритянка, — рассказ Everyday Use («Повседневный обычай»?): про одеяло бабушки, которое сама сшила из лоскутов, причем один — из мундира прадеда, кто в Гражданской войне участвовал. Одна дочь этим одеялом укрывается, а другая приезжает, модерная, и просит эту бесценность дать ей — и повесить в доме на стене как произведение искусства. А для старшей дочери это — просто одеяло, и она сама умеет так шить: от Бога ей дано это умение, «ургия» еще живая. А той — это уже искусство. Вот она-то уже дитя Нового завета Американства.

Старый Завет — завет Судьбы, Предопределения из Природы и рода.

Новый завет — завет Свободы, творчества Личности.

Еще читал Томаса Пинчона — ну, этот, ученик Джойса и Набокова, из универсума культуры и всесоциации, какова Америка — вселенская смазь. Космополитический слог. Стиль Нью-Йорка, мирового города (хотя живет где-то в провинции). Но он, умелец и искусник, — не трогает. А в негритянке — субстанция и нерв.

Отвратился, не хочу читать — Сола Беллоу, Маламуда — шибко активных евреев в американской литературе XX века. Еще и Норман Мейлер. Не надо их. А вот Теннесси Уильяме — прочел его «Трамвай Желание»: кишечнополостно написано, сердечно и страстно. Настоящее…

15. IX.91. Ну, дружок мой, бумажечка, дай поговорю с тобой: ты мне — дом и семеюшка, «записюрьки» гошкины чтущая. «Поговори хоть ты со мной, Гитара семиструнная!» — воззвание одинокой души.

Вчера день смурной и кислый. С утра милый Юз и Ирина повезли меня покупать свитер и рубашку — на осень. Привезли в магазин Good Will («Добрая воля»), где по дешевке хорошие вещи,

еле или совсем не ношенные, — как у нас комиссионный магазин, только тут не по дорогой цене, а наоборот. Свитер шерстяной английский, что так бы стоил 100 долларов, тут за 5. Так что на 25 долларов я купил два свитера и три рубашки — с расчетом на девочек. А напротив — второй большой магазин Social Help («Социальная помощь»), где еще дешевле, и тоже хорошие вещи. И продают люди-филантропы: у меня деньги принимал — как профессор, элегантный.

Потом поехали на Tag sale («распродажа»), и Юз купил аккордеон за 10 долларов. А продавал главный бухгалтер Весленско- го университета — и никакого стыда и снобизма. Спокойно так сидят вдоль улицы возле своих домов элегантные хозяева, выставив стулья, велосипеды, всякое, что им уже не нужно: утварь кухонную, безделушки, игрушки, сумки, обувь… Ни за что продают; да и так отдают. (Им важно уважение к вещи, к труду, в нее вложенному: не ломают, не выбрасывают. А у нас, при бедноте нашей, — какой снобизм! Стану ли я возле дома продавать не нужные нам вещи? Сколько их! И сгинут. А кому-то бы служили… — 10.7.94.)

Дома я стирал — в раковине в ванной. Есть стиральная машина в подвале, но я боюсь — не соображу…

Вообще несообразительность — все более во мне. Вон вчера понес письмо на почту и ударился в застекленную стену, не разглядев, — и очками разбил себе бровь в кровь. Но спасибо — не разбил очки! Тут неимоверно дороги. А бровь заживает уже — не так заметна…

А вечером тоже удручение: пошел в кино «Лолиту» смотреть — и многого не успевал понимать в речи.

Но какие живые, веселые и красивые, оригинальные — лица студентов! Право имеющие — без вызова (как бы у нас[1], от уязвленности), а спокойно.

Все более чувствую себя человеком старого завета, старомодным, уже не гибким — понять новое, вместить.

Ну что ж, это тоже ценность: приобретать завершенность и форму, осуществлять самосознание своего поколения, его дела и ценностей.

По радио не передают новостей из Москвы: значит, уже рутина пошла, «роковые минуты» истории миновали…

Зато вот Верди — из «Силы судьбы» та архимелодия мужского хора, что мы с Настей в деревеньке Новоселки, нарезая яблоки на сушку месяц назад, слушали перед порогом избы. Тоже ведь старого завета культуры произведение…

Нет, это было — из «Набукко».

А особенно пронзительно ощущаю высокую одинокость

Светланы и девочек моих с их Федоровской верой — сейчас, когда все так легко потешаются над идеалами и «утопиями» и сверхидеями. И Юз поучает отсюда, из сладкого и устроенного мира: «Картошечку вырастите сперва, поросенка, а потом уж за идеи высокие беритесь!»

И сейчас, на Руси после советчины, задаваться вопросом: ну да, а что — потом? — просто курям на смех.

Именно: человек так ниже курицы полагается — на куриный мозг такие доводы.

Так хочется им переслать: что я — их и с ними, и сейчас «федоровец» больше, чем был там, дома. Какой высокий остров — мои девочки! Февронии! Сияние глаз и душ. Северное сияние! Душа России — в них…

Свиваюсь в спору — перезимовать тяжкое для Духа время.

Вот ирония-то! Когда гнали Дух марксистским материализмом ради стяжания материального блага, Дух чтим был — самим страхом его. А теперь, когда в Духе оказались, как в пи-де, голые, — над Духом глумятся. И невдомек, что надо урок-то обратный извлечь: когда Труд и Материю обожествили и поставили целью, — их-то и загубили и обосрали, и в нищете и безделье оказались. Так что теперь как раз Дух надо поставить впереди — тогда материальное что-то получится. По Слову: «остальное — приложится…»

Как вижу Светлану — большую, одну, как в коконе хранящую драгоценное семя уникальной веры.

Приходил ко мне позавчера консультироваться один студент — Мэтхью: писать тезис хочет свой о коммунизме как религии в России. Был он год в Москве сейчас и поражен массовым переходом в православие и строгостью на этот счет интеллигентов, вопрошавших о его религии и вере. Я поиронизировал:

— В России самостоять не могут — лишь бы к чему прислониться, инфантильные! Так что самое там редкое и ценное — самостоящий человек: не прислонившийся к чему-то, а просто религиозный = чующий нечто сверх себя; так что не эгоист и не атеист он, но и не верующий во ЧТО-то…

Однако это узко и без любви. Теплохладно. Но я таков. А что горячо люблю, так это — моих девочек. (Не поставлю здесь восклицательного знака, ибо что он? внешен! А тут — апофатика. Невыразимое…)

Но как тут объемлет меня иной Космос — и самовливается, научает чему-то, мозги поворачивает… Просто вот гляжу во двор и на деревья не нашенские и на весь склад и аромат, уклад и уход в каждой мелочи.

Однако — давай работать: сочиняй лекцию на послезавтра. Но для начала — прогуляйся.

Тут позвонил Юз:

— Все-таки надо съездить на фри-маркет: погода сухая и можешь купить хорошие вещи дешево.

Взял смотреть листок с заказами девочек — как смиренно просят, милые! Душа вся дрожит, представляя их возлюбленные стати.

16. IX.91. Вчера Юз и Ирина возили на рынок-распродажу за 70 миль на Юго-Запад. Милые холмистые пейзажи Новой Англии в блеске золотой осени начинающейся. Однако Америка работает — на покупание: все нового и лучшего. Вон Юз теперь новый дом устроять-совершенствовать. Заехали в магазин — что фабрика: можно отсюда с готовым домом выехать — от фундамента до ночников. Полно стройматериалов и бумаги — при том, что природа вокруг ухожена, и мусора нету. Даже машинка для переработки мусора на участке твоей земли предусмотрена.

Категория ВРЕМЕНИ со всех сторон работает и обрабатывается в Америке. Холодильник-рефрижератор, тут массово в быт введенный, — для хранения продуктов в замороженном виде, что значит: остановить природный процесс, время органической жизни, и на его место поставить время труда, свободы, независимости от природы.

Туда же — СКОРОСТЬ автомобиля и ЭКОНОМИЯ времени на покупки: в одном «маркете» все: от маслин до свитеров и фотопленок. Туловища потребления (как Левиафаны власти: дворцы, ратуши и министерства в Евразии) — такие «шопы».

К тому же — и тяга к односложным словам: «стоп энд шоп» — «стой и купи!» — так магазины такие именуются. Некогда американцам полновесное длинное слово произносить. От них в Логос мира пошла тяга к АББРЕВИАТУРАМ — сокращениям слов по первым буквам: США, ЦРУ… И к нам этот американизм после 17-го года перекочевал: ВЦИК, ВЧК, «колхоз» и т. п.

Когда Юзу эту мысль про одоление Времени высказал, он:

— Сэкономят на скорости, а потом сидят у телевизора и теряют часы жизни, глазея на дрянь.

Имя личности пишут на названии фирмы: «Хилтон», «Макдональд»… Всякое предприятие отмечено персональностью. Как у Христа апостолам сказано: заботьтесь, чтобы ваши имена были написаны на небесах, так здесь — на земле, на изделиях…

Труда нет в русской литературе

18. IX.91. Не паникуй, что завтра лекция, а ты не готов (отчасти). Посиди с утра, отмыслись.

Занятия становятся интересны — и мне! Особенно в русской группе. Они побуждают меня передумывать русское, глядя их глазами, — и вот пришел к необходимости после «Медного всадника» дать им русского человека из народа, работягу, крестьянина — и не мог в нашей великой литературе найти чего-то тут крупного. Ну — «Хорь и Калиныч» Тургенева. Восценишь Некрасова: крестьянок дал образы. Потом Горький. Хотя тот быстро на люмпенство поддался, на разрушение. Но все же у него работяги — и Булычов, и Васса… А вообще-то русская литература — все среди «героев», что ничего на делают, а думают о последних вопросах: как Богом стать или Наполеоном? — а еда и жилье сами, «по щучьему веленью, по моему хотенью», откуда- то берутся.

Нет труда и работяги — такого, как Робинзон или Гулливер, как Торо (строитель дома на Уолдене), как Капитан Ахав или охотники Купера, как персонажи Джека Лондона. Оценишь и советчину — там заговорили люди из народа, люди труда: у Платонова, у Шолохова казаки — сласть пахать, делать… У Толстого есть сенокос в «Анне», но то баловство барина. У Чехова интеллигенты работают — врачи.

А «Медный всадник» когда разбирали и я налегал на сюжет: Государство и человек, Петр и Евгений, — Маша обратила внимание на то, что и царь-то, Петр, бессилен — перед водой. Беспомощно простирает руку (как Ленин на статуях — вперед). Маленько, слабо и Государство — перед Россией, природой, землей сырой, «водоземлей».

Мне пришло в голову — сравнить с «Моби Диком». Капитан Ахав в погоне за Китом — как если бы Евгений охотился на Всадника, а не просто разок пригрозил: «Ужо тебе, строитель чудотворный!..» Но можно и по-иному: Ахав — как Петр: обуздать стихию… И кто там на кого охотится: Человек на Кита — или Кит на Человека?..

А здесь, в Америке, — работяги извека — и не над вечными проблемами Духа, а в Природе, творя жилье и еду — как поэзию деланья. И писатели — не из аристократов, как на Руси, а из работяг, из среднего сословия. А тут все таковые — среднее сословие. И не упрятан Труд в подвал социума, как в России классической.

Советчина ценна тем, что создала среднее сословие: все — и

в деревне «хлеборобы», и в городе рабочие, и инженеры-интеллигенты, и «аппаратчики» партийные, хозяйственные «руководители» — среднее сословие…

3.30. Нашел себе промысел: на велосипеде ездя, обнаружил яблони у дороги, с которых падают яблоки, их не собирают, гниют. И вполне хорошие на вкус — даже лучше ухоженных, ибо эти яблоки черви едят — значит, без химии. Повадился я ездить туда с толком: собирать — и в холодильник класть. Теперь все ем их, кожуру счищаю грубую — и вот лопаю.

Вчера там мне встретился мой студент — Адам из Бостона. Я пытался на багажник велосипеда прикрепить сумку с яблоками, но багажник придавливался и нажимал на колеса: он был без крепления с одной стороны, так что лишь без груза нависал.

Пришлось высыпать яблоки. Адам предложил подъехать на своей машине. Мы вернулись на велосипедах, он подъехал к моему дому уже на машине, мы съездили за яблоками. Я предложил и ему набрать себе там (хотя долго колебался: открывать ли ему свой «секрет»?). Но он отказался: «У меня и так много яблок».

Представляю, как ему был смешон я — «профессор», набирающий яблоки из падших и гнилых!..

Все легче перевожу лекции свои. Может, к концу так раскочегарюсь, что сам составлю книгу из них? А пока надо бы на компьютере научиться работать — их туда переписать.

Даже приятно: предвкушаю, как начну сейчас следующую лекцию — про национальную еду — прямо по-английски писать, активизируя выражения, в словарь научительно заглядывая — и все чаще убеждаясь, что я именно это слово и прикидывал…

Звонили из Вашингтона — на «Голос Америки» записывать хотят. Я обмолвился: не пригласят ли в город? Но они — по телефону. Да и неохота разъезжать отсюда — из милого городка уютного, где обжился и своим ритмом живу. Что я там увижу? Внешнее только. А волноваться: аэропорты, не понимать, что от тебя хотят, — зачем мне эти муки?

Миддптаун, 19.IX.91

Дорогие мои любименькие!

Сегодня прочитал 5-ю лекцию по-английски и провел пятое занятие по-русски с другой группой, — и вот уже две с половиной недели прошли работы тут — и месяц, как выехал от нас, и месяц с переворота. Как сейчас там? В первые дни от Суконик- ков смотрели мы, а сейчас тут передают мало. Да и занятия: и читать, и лекции писать, себя переводить на английский — время занято.

А вообще тут жизнь милая, тихая. Еще мне Суконик дал

велосипед — и я на часок-другой уезжаю на холмы зеленые, особенно в дни лекций: после них разогнать ум. Там нашел яблони осыпающиеся — и навожу себе яблок.

Сегодня, правда, дождь. Вечером Юз завезет меня к себе на ужин, куда приедет одна из Иняза, Ольга Гришина, и с нею мы передадим письма в Москву. (Машинка барахлит, но чинить тут дорого…)

Преподавать оказалось интересно — ведь всю жизнь я без отклика и обратной связи. А тут — совершенно другие умы, и, встраиваясь в их зрение, начинаю перепонимать и Россию, и советчину. Особенно в русской группе. Там три человека вывезены из России в 5—7-летнем возрасте, другие — учили язык и жили в Союзе по году, еще один — вообще студент из Иркутска, юрист, попросился ко мне ходить. Всего человек 12 — мы сидим и обсуждаем, удивляемся. Сначала я не знал, что с ними делать и как курс строить. Думал: «Национальная образность поэзии русской в сравнении с американской» — и так начал… Но после «Медного всадника» понадобилось мне русского человека из народа найти — и вот сегодня обсуждали «Хоря и Калиныча» Тургенева и «Мороз, Красный нос» Некрасова. Я их зову удивляться — и они хорошо удивляются, так что и мне интересно. На следующее занятие купеческий слой русской жизни ввожу: Островского дал читать — «Грозу». Так что от стихов отхожу: скучно мне сидеть и Тютчева анализировать по образам и звукам.

*Обсуждая «Хоря и Калиныча», предположили их дальнейшую судьбу в XX веке и на советчине. Понял я, что Хорь мог стать и кулаком, и сильным директором завода, аппаратчиком, как Силаев, вчерашний премьер у нас. А Калиныч — большевиком Нагульновым (из «Поднятой целины» Шолохова —*11.7.94j, *романтиком коммунизма… Вообще восцениваю советчину и жалко ее. Большого стиля была цивилизация. А как сейчас — представляю — улюлюкают насчет «утопии» и потешаются над «идеалами»! Вон и Юз тут, который ведь весь на пародии на советчину вырос: она ему материал: «Что бы ты делал без нее,* о *чем бы писал?» — ему говорю, — так нет, тыкает: научитесь картошку выращивать, домик строить, а потом уж «идеалы»… — и насчет Федорова проехался.*

Вижу островок моих возвышенных женщинок — хранительниц высокого завета Духа — среди похохатывающей толпы интеллигентов-прагматиков особенно. Как обожаю вас — и как я ваш совсем! С такой вы «несвоевременной» проповедью Высшего принципа.

Вот здесь они, люди, все такое сделали: накормили и построили, — а дальше что? У нас будто совсем запретно стало

таким вопросом задаваться. Но ведь советчина-то ставила целью как раз материальное: накормить и одеть — и что сделалось? Нищета и голод. А вот если поставить целью высшее — тогда косвенно, само собой, как то, что «приложится», и надобное благосостояние получится… О,Господи!

А так-то живу тут удобно: двухкомнатная квартира… — я писал и послал письмо по почте, но это, надеюсь, дойдет раньше. Расписание мне сделала Присцилла очень удобное: вторник и четверг, с 10.30 до 11.50 группа на английском — курс «Национальные образы мира», потом — час передохнуть и поесть, а с 1.10 до 2.30 курс-семинар по-русски: «Русский образ мира».

Вот сегодня четверг: отчитал — и четыре с половиной дня свободны. Можно бы и куда съездить, если б пригласили. Надо написать кому, объявиться. А впрочем — и неохота. Тут библиотека прекраснейшая, лужайки, потихоньку почитывай, что хочешь.

Ем утром корнфлекс с молоком и кофе; в ланч — яйцо или сосиску с кукурузой и салатом; на ужин — подобное. Ем смиренно. Яблоками добираю даровыми. Юз два раза возил на распродажи — купил всем джинсы и свитера по пятерке и рубашки… Фотоаппарат Лариске куплю с Суконником: он разбирается.

Ой, еще долго как! Хотя месяц уж пролетел — не так заметно. Как вы там выкарабкиваетесь? Хотя Настя — «поблизости». (В тот месяц в Мексику ездила. **— 11.7.94.)** *Разбросалась держава нашей семейки — когда соберемся?*

А вообще тут дом целый дают приезжим профессорам. Если бы не были так связаны своими изданиями — могли бы со всей семейкой разъезжать по миру и лекции читать, наниматься в университеты!

Гром загремел — дождина пошел. А была такая теплынь: в шортах и босиком ходил. Пошел босиком в магазин (это позавчера), купил вдобавок к прочему хлеба, молока, лук, салат, майонез, чай, наклал в коляску (со вкусом сейчас озорное слово «наклал» вставил. — **11.7.94) —** *и вдруг меня осаживает служитель: босиком нельзя — закон штата!.. Но прошел кассу (на 10 долларов) — не заметили.*

Потом мне объяснили: если посетитель напоролся на стекло — магазину платить.

А приятно снова себя учеником, читающим в библиотеке, почувствовать, не быть обремененным записюрьками, рукописями и проблемами отношений. Никого я обидеть не могу, меня никто не может. Со студентами отношения — любознания. Спрашивают, удивляются, интересно. Вон Маша из России обратила внимание, что поэма Некрасова «Мороз, Красный нос» начинается смертью и

кончается ею — и так сладка она вроде, и так убаюкивают друг друга, что умерший — отдохнет (и «Дядя Ваня» Чехова — о том) … Очень трудна жизнь в России — и чутки к смерти…

Я им еще буду Федорова рассказывать — через месяц, наверное, когда от литературы перейду к русской мысли. Хотя сам не знаю: как и что с ними буду проходить, — и интересно поэтому, и увлекаюсь сам с ними рассуждать на семинарах, так что и им интересно.

Сейчас скоро 7. В «Русском доме», как тут называют здание, где факультеты русского и романских языков, — в 7 часов собираются студенты, бывшие в России: рассказывать и слайды показывать. Там будет Ирина Алешковская и по окончании повезет меня к ним ужинать. Там будет эта Оля из Москвы, с кем и перешлю письмо.

Ну, обнимухиваю любименьких и протягиваю душу аж в Москву.

Звоните мне: (203) 347 7111. И напишите.

В Бостоне

22 сентября — О, день весеннего равноденствия! Месяц уж прошел в чужом пространстве.

Вчера бежал из Бостона, где в милой семье Дианы Витковецкой и ее молодого мужа Лени-физика провел два дня: от Юза прямо с его дня рождения в ночь подхватился ехать с ними, потому что «уик-энд» у них, а у меня четыре дня свободных; но провел там лишь полтора дня, чтоб не утомлять хозяев, ходил сам и вот на автобусе вернулся вчера в свою квартирку в Миддлтауне, как домой, поужинал свое, успел даже в кино сходить на 10 часов английское про «Мою милую прачечную»: как пакистанец молодой и англичанин имеют меж собой педерастную любовь, и она показана…

Все более чувствуешь себя не от мира сего, архаичным. Что ж, это — в порядке смены поколений и эпох.

Но в Америке живут деятельно — и за 90 лет. Но кто? Бизнесмены, евреи, как Арманд Хаммер; а из гуманитариев — проф- фи, тоже механичные… А кто экзистенциален, органичен — тот изживает свою тему, как Фолкнер, Хемингуэй, как Селинджер… — и умирает, исчезает…

Но что это? Поддаюсь «влечению к смерти»? «Смертобожничеству»[2]? Опять русскому душенастроению — что жить будто стыдно как-то… Честно — умирать, освобождать от себя землю — другим на жизнь…

Это я собеседую внутренне с Дианой Витковецкой: она — русская, жена художника Якова Витковецкого, еврея, 1938 года рождения он. Переехали они в Штаты в 1974 году, ехали на славу, а пришлось ему работать по своей специальности геолога-кристаллографа. Картины его тут не нужны, и вот в 1984 году покончил с собой, 46 лет от роду. Она только год как очухалась и вышла замуж за молодого физика. Энергичная, второе дыхание жизни обрела после ужасов тех. И смеется над вялой жизненностью русских мужчин. А про своего первого мужа, Якова Вит- ковецкого, говорила:

— Не надо было ему уезжать из России. Там он имел самочувствие нужности, а здесь потерял его: если не продаешься — не имеешь веса, не нужен. А в России художник, поэт имеют ореол почтения — даже в «неудачниках».

Судили-рядили о здешних: как Наум Коржавин все продолжает быть мальчиком в коротких штанишках, поучает всех либерально и не дает говорить никому. Приезжал Фазиль Искандер, созвали гостей у них в доме, но Коржавин как схватил

того за пуговицу — и стал говорить, плюясь, так весь вечер и занял собой.

Но тоже тема — обсуждать бедных наших эмигрантов — нескончаемая и горькая, и ироничная. Про всякого можно компрометирующее и для смеха — найти с лихвой. Вон и про Юза — что все ругал «американов», не хуже Солженицына поучал. Что — «бездуховны».

Однако с крахом советчины сейчас — лопнула упругость, которая на плаву держала все критические и ироничные к ней сочинения — того же Солженицына и бурлески Юза. Его фантасмагории из смеси урок и Лубянки, КГБ и воров, — теперь уходят — в историю литературы.

Также и себя чувствую архаичным — и по сюжетам своих «жизнемыслей», и по тому, как описываю национальные космоса.

Правда, все же, поскольку по Абсолюту всегда писал, на него настроясь, и позитивное рыл (саморабота нравственная и метафизическая), это положительное жизнетворчество — даже в ушедших советских условиях — может быть и в другие времена интересно и добротно. То же самое — и мои национальные «космоса».

И, оглянувшись, начинаю восценивать литературу «социалистического реализма» — как некую утопию позитивной жизни, сросшуюся с реальностью. Даже «Кавалер золотой звезды» Бабаевского — «лакировочная литература» — и та любопытна. А и «Годы без войны» Ананьева — эпопея сладкой жизни обкомовских партаппаратчиков в годы «застоя».

А бедные «деревенщики» русичи? На советчине — в колхозе — еще оставался дух общины, русский мужик и баба — были. А теперь, когда на «фермера» ставка, — откуда ему взяться?..

Несоответствие дикое верхушечной сейчас свободы и демократии, западных песен — даже ельцинского окружения — и русского человека, мужика, который — люмпен и не умеет за дело взяться и эту свободу реализовать.

По радио симфония Бородина: русская крепость, здоровье — так живительно это чувствовать! Но как опозорено — и куда девалося?

Причем даже не советчиной, а уже нынешним буржуазным прагматизмом.

А за «русских» тут идут евреи-эмигранты из России, и они тут все — специалисты по России и СССР, по литературе, культурологи, и свой кагал держат и своих продвигают, и свои толкования всему дают.

Правда, у русских евреев — двусмысленное положение. Тут под «евреем» понимается не ген-раса-кровь, а вероисповедание. А

в России — именно как этнос, особая порода-природа народа, как и в Германии. Так что здешние евреи, как не исповедующие иудаизма, совсем русскими считаются и так и всерьез берутся, тогда как у них ген мышления и психо-логос — иной закваски. Понимание этого сразу подозрительно русским евреям тут — как разоблачительность им. Потому так с пристрастием допрашивали меня позавчера о национальном на вечере у Дианы Витковецкой, куда она собрала нескольких профессоров по русской литературе из Бостона (все евреи, естественно) — на предмет организовать мне лекцию у них в университете — Гарвардском или ином.

Правда, один, Миша Кребс, поэт, преподает в иезуитском колледже, оказался чуток: понял мою волну — и отвлек, стал анекдоты на еврейскую тему рассказывать. Например, в гости: русский — с бутылкой, еврей — с детьми. Из гостей: русский — на карачках, еврей — с тортом для родственников.

Беседа была — «русская», метафизическая, даже не о политике. И зашла за ночь. Я спросил наутро: а о чем беседуют американцы?

— О налогах и куда деньги вкладывать, — ответил Леня. — Кто-то посоветует своего посредника, который берет 3 процента, а другой — своего, который берет 2,8 процента.

Когда я поиронизировал над бедностью темы, Леня:

— Но ведь имеет смысл подумать головой час, чтобы заработать те деньги, для которых тебе бы полгода трудиться…

Так что не заносись с «духовностью» русских бесед.

Да и что толку в них?

Хотя — парение Духа, касание Неба хотя бы в эти часы, в нем пребывание: как бы заведующими сверхидеями бытия побыть, у престола!..

А я инфантильно за их столом вчера, когда меня же богатым завтраком кормили, признался:

— А я боюсь денег — не знаю, что с ними делать: зарабатывать, а потом мучиться покупать… Как-то прожили жизнь без денег — ну и хорошо. На советчине можно жить без денег.

5 ч. Сегодня живу по своим нотам — не по предлагаемым — Юзом в заботе обо мне или еще кем-чем… Утром вот отмысливался, потом ездил снова яблок набрать на велосипеде: поездка приятная — по солнышку на холмы. Потом обедал у себя смиренно: сосиска, салат, супец готовый из вермишели, яблоки. Потом вышел с книжкой национальных гимнов — на солнышке почитать.

Ты стеснителен, а нужен апломб

23. iX.91. Погорел я на недостатке воображения. Оказывается, вчера, когда я так тихо и бездарно проводил воскресенье в чтении, мои знакомые в Бостоне ходили на рыбную ловлю в океан. Наняли с друзьями целый пароход и наловили много рыбы: 400 фунтов себе в холодильник забили… Но ведь они же меня спросили накануне: «Любите ли Вы ловить рыбу?» Я ответил: «Нет, не хватает у меня терпения сидеть». Я-то воображал русскую ловлю на удочку, когда сидят работяги и за целый день пескарика какого-нибудь поймают. А эти наловили тунца и акул. И такое ушло от меня — не почувствую океана!

А и Юз с Ириной вчера — «на охуительную барахолку ездили, потом в бане парились у знакомого». А я, приехав, не позвонил позавчера вечером — и он думал вчера утром, что я еще в Бостоне, а то бы взял с собой… Тоже бы накупил своим домашним чего!..

Те же в Бостоне, пока я глазел по улицам, ездили покупать себе новую машину — тоже бы важно: капитальнейший опыт для американца; опять же не сообразил с ними поехать, а предложил свою программу хождения по историческим объектам *— традиционно скучную…

А все — свитость. Смирение. Несмение. Стеснительность — такое продуцируется в психею из русского космоса.

Над Настей, помню, потешался, когда она в гостях у Эльбертов стеснялась брать фотографии из нашего похода по Кавказу: «А вам?..» — А у них завались фотографий и пленки еще… Но и сам я такой: пуще всего боялся стеснить хозяев и убежал, пока не в тягость им еще. Даже Диана меня наставляла, причесывая мне голову и осанке уча: «Надо быть более аррогантным, смелым, вызывающим!» И это в Америке — критерий активности человека и надежности: если уверен в себе и даже с апломбом — значит, несет содержание значительное, и такого надо брать в дело и верить ему. У нас же ценится обратное: большое содержание при скромном самодержании — застенчивость, «кено- зис» = самоумаление. Апломб же — у мошенников, как Остап Бендер, кто «берет на пушку». В Америке же такой, кто даже блефует, приемлем, ибо на блефе вначале (набрав первичный капитал — пусть и блефом) может реально ценное дело затеяться. Да тут и общество людей достаточно оградило себя законами от блефующих, зная за человеком такую склонность, аррогантную…

Во Франции тоже: «быть» и «казаться» (etre и paraitre) —

противостояние.

Да, богатая страна — Америка: еще и океан облегающий кормит. А Россия бесплодными горами окружена и льдом Северного океана. И хотя земля обширна и богата, но энергия людей уходила на сцепление и расцепление: на противоборство по горизонтали, друг в друга вцепившись и разрушая, а не землю обхаживая. И сейчас последние силенки уйдут на то, чтобы силы сцепления прежнего, советчины, одолеть, а уж на труд и творчество не останется. Все в политику и демократию изойдет: добыть свободу, частную собственность. А что делать с ними — Бог весть…

Но это притча: рыба на удочку — или сетью в океане. Психология человека из России — и американца размах. И если Сталин говорил про «русский революционный размах и американскую деловитость», то тут и размах, и деловитость. А наш размах более в негативном направлении: рушить, бунт… Эсхатология. «Погибать — так с музыкой!»

Что ж, и ты заговорил: «наш»? Заотождествился-то тут — со всей Россией и советчиной…

И студентов забоялся. Балаболю что-то странное, несерьезное, да еще на языке, полном ошибок. Задавливаю их лекциями — боюсь вопросов и обсуждений, ибо боюсь не понять их речь.

Но, пожалуй, надо будет дать им поговорить, выпустить свои удивления и вопросы мне — как раз на завтрашнем занятии — с этого и начать: спросить, что им непонятно, кажется странным в моем подходе, какие возражения и проч. А потом уже двигаться дальше и давать им Америку (Американский образ мира), где уж будет конкретный материал. Довольно давать им свои шаткие предпосылки — общие подходы; теперь переходи к конкретным описаниям образов мира.

Ну а в русской группе? Тоже им надо наперед дать план и литературу. Давай подумай, посоветуйся с бумажкою этой.

Значит, завтра — «Гроза» Островского и русское купечество — о нем разговор. Картина, в общем, допетровской Руси, с Кулибиным-умельцем. Да и сейчас провинция — не такова ли?.. Нет, советчина все превратила в блядство и люмпенство. Свобода — как «гуляй, Вася!» Заслуга ли это? Цинизм — разрушения, не созидания. И все на него работали: и рев. демократы, и Толстой, интеллигенция и поэты…

Созидали лишь — помещики, купцы, кулаки, партаппаратчики — да. Чиновники. За неимением охоты-силы создавать-тру- диться в одиночку в русском человеке, нужен мотор организации: Петр, Ленин, Партия — как нефть. Движущая

сила развития — Государство: организовать Народ, что еще — из неличностей.

А как ему, русскому Народу, стать собранием личностей — свободных и ответственных? Вон пуритане, что в начале США, — так они Бога в душе носили крепко и нравственный закон. А у этих — разбито савейское послушание, а Бога давно от них забрали. Пойдет такое мошенничество и воровство, что взмолятся о прежнем савейском — хоть каком — порядке и нравственности…

На этом и путч недавний возрос — на этом желании населения.

Ладно, поговорим об этом. О слабости созидательных начал.

Следующее бы — Щедрин, «История одного города»… Или это трудно? Давай тогда «Ревизор» — да: и аппаратчики, и Хлестаков; страх, морок и нечистая совесть.

Потом бы можно «Что делать?»: утопия личности и эмансипации.

После — «Записки из подполья» и «Легенда о Великом инквизиторе». Достоевский — как поворот внутрь от внешнего. Созидательная деятельность Инквизитора, кто — как Петр Великий.

Затем — «маленький человек»: «Шинель» и «Станционный смотритель». Гуманность.

«Отцы и дети» и «Ася» Тургенева. «Сон Обломова» Гончарова.

А Толстой — где? и как?

Чехов — «Вишневый сад». Лопахин.

Горький «На дне»: все — люмпены. ГУЛАГ — свобода. Или — «Челкаш»?

Но надо одновременно давать — и из русской мысли. Или — под конец курса? Чаадаев. Письмо к Гоголю. Речь о Пушкине Достоевского. Блок «Интеллигенция и революция». Синявский: «Соцреализм».

Параллельно — некоторые анализы стихов — и образность там, национальная.

Ну да: завтра «Гроза» — и «Проблеск» Тютчева.

4.30. Побывал на занятиях у Присциллы — и понял, что совсем по-другому надо тут со студентами работать. У нее целый курс по Набокову, и две девицы делали доклады о его переводе и комментарии к «Евгению Онегину» — и обсуждали. Было интересно всем, и Присцилле — лишь корректировать кое-что. А я напрасно себя так мучаю: все самому думать-говорить. Надо их организовать работать.

Но и смешно: одна построила доклад на насмешках Набокова над советским комментатором «Евгения Онегина» Бродским. И те

— бедного всерьез обсуждали — как монстра большевизма и советского искажения классики. А ведь он еще культурен, интеллигентен и учен…

Банк и обком

Вспомнилось гулянье по Бостону. Самые громадные здания — банки. Как у нас в городах — обкомы партии. И то и другое — моторы развития. У нас — силовая общинная организация и руководство есть мотор и завод, и нефть-энергия: на собрании решили (как на миру и на сходе) — и давай делать, выполнять. Здесь же банк безлично реагирует, распределение осуществляет капиталов и трудов по наличным уж энергиям людей. Они всегда есть: энергия и охота людей работать. Их не надо заводить и подгонять, а лишь направлять туда, где сейчас требуется сила и какой талант и проч.

Студенты подсказывают

25. IX.91. Утро, но дождик — даже дождь, и темно. Пришлось лампу зажечь. Расслаблялся вчера после дня лекций. Уже 6-я на каждом курсе = четверть дела сделана — и главная, трудная. Теперь легче пойдет. Особенно важно, что схватил группу на английском языке. Вчера преподнес им их Америку, и они, видно, ахнули: как странно и интересно можно ихнюю же страну и жизнь увидеть и понять. Уже начали и врабатываться в мое мышление.

Например, одна студентка проанализировала «Отче наш» по-испански и обнаружила такое существенное отличие: в английском — «не введи нас во искушение», а в испанском — «не дай нам впасть во искушение».

О, это важнейше: «пасть» — это сильнее, выдает острое чувство греха, как и есть, и было в испанцах, более страстных и катастрофичных, откуда и инквизиция, и Гойя… И тут — вертикаль: «пасть» — тогда как в английском «не введи» — горизонталь, путь по поверхности…

Другая заметила разность в стиле еды: что в Европе сладости целой массой торта = на коллектив рассчитаны, в Америке же — «сепаратли»: раздельно-одиночно упакованы = на индивидуализм рассчитано американца.

А когда я толковал позу «ноги на стол», одна продолжила:

— Так американец убирает корни, связь с землей, чтобы стать более надземным, от нее свободным.

В русской группе тоже интересные вопросы задавали.

— А что, в России не любят логику? — спросил Феликс…

— Откуда это Вы взяли? Это очень интересно, но что навело Вас на эту мысль?

— А вот в «Евгении Онегине» — и показал последнюю строфу 4-й главы, где Ленский — в вере, а Онегин — при хладном рассудке и как ему скучно, и Пушкин проезжается над рационализмом.

Надо будет мне это место взять в Русский Логос.

Я стал объяснять про «Умом Россию не понять», «В Россию можно только верить»: она выступает как религиозный объект.

— А почему Пушкин все про друзей — поэтов? — он же задал вопрос. — Разве не было в России художников, артистов?

И тоже навел на мысль: что бесконечность России не пластическими искусствами, а словом и музыкой— такого типа образом берется.

Потом о русской женщине — Татьяне, Катерине из «Грозы»:

— Как они сильно любят! Может быть, это оттого, что мужчины писали эти книги — и им лестно, что их так любят такие прекрасные женщины?..

О, это неожиданно интересный мотив и поворот…

— Но и когда я читала Ахматову и Цветаеву, — продолжала Маша Раскольникова, — в них та же сила и глубина чувства, что и в Татьяне. Может, это — плеяда русских женщин, которые крупнее мужчин?

И тем мне тоже подсказала: мысль развить о России = матери сырой земле и женщине, при которой два мужика: Народ и Государство…

— Но какие «экстремы»! Или поклонение женщине — как богине, или бьют, бросают — как бабу. Нет среднего…

И это верно: в России вообще недостаток среднего звена; и нет среднего сословья, а или аристократ и утонченный интеллигент — или мужик и люмпен… И в литературе не изображено среднее — теплое отношение к женщине в семье, но или идеальная романтическая любовь — или забитая баба…

— А может, такие в России утонченные — оттого, что не работали, не знали заботы о хлебе? — тот же Феликс.

Вот тоже полезное удивление — из американской «ургии». Конечно: для персонажей русских романов еда и дом — откуда-то сами по себе берутся из мира… А с каким вкусом и эстетично описано, как Робинзон или Торо себе дом строят и пищу

добывают! Аристократы же Пушкина, Лермонтова, Тургенева, а потом и Достоевского герои — все на верхнем этаже работают: в душах и эмоциях, в идеях, верованиях, идеалах — весь век. Но в этом они тоже профессионалы — наработали на весь мир и на следующий век даже. Так что это тоже шахтерская работа в идеях, душах, сверхценностях — ее сделала русская литература XIX века, и того здесь, в Америке, добыть-выразить не могут. Тоже разделение труда между национальными мирами — в духовном производстве…

Снова ничего не понимаю

27. IX.91. Еще три месяца чужой жизни! — с таким проснулся угнетением, некоторым… А вообще-то беззаботно мне, и заботы — лишь умственные стали.

Вчера, например, вляпался на русском своем семинаре в разговор о еврействе — и не рад: разбередил в них ретивое (они наполовину дети евреев или полукровки), и этот острый и жгучий экзистенциальный интерес начинает перешибать интеллектуальный интерес к России и литературе, к образам и идеям. Надо вернуть семинар к работе над текстами, а не спорить об идеях и сверхценностях.

А вечером еще сходил на фильм Анджея Вайды «Корчак» — об экстерминации евреев немцами — и вся жуть, о которой стали позабывать, покрыли эту память, как землей зарыли, — снова ожила, и стыд ожег за мои рассудочные выкладки насчет еврейства.

Снова ничего не понимаю…

Но так и надо будет им объявить: что задача наших занятий — в том, чтобы они в конце концов поняли, ощутили, пережили, что они ничего не понимают, что все в итоге стало гораздо запутаннее, чем им представлялось до наших чтений и бесед. И что много их — правд и красот, так что — не суди!

Ну что ж: привести к Сократу и его идею («я знаю только то, что я ничего не знаю». — 22.7.94) дать почувствовать — совсем будет неплохо для прицельно-прагматического американского ума, заразить его русской нерешительностью — от видения многого и разного.

То же, кстати, и в английской группе сказать: чтобы взвидели разнообразие миров. И не надо соглашаться со мною, а мне — доказывать, что я прав; моя задача — уколоть в болевые точки, где проблемы торчат, а не разрешать их так или иначе.

Полез в словарь: найти слово для «укол» — и напал на «прик» (prick). Да ведь так, кажется, в сленге обозначают — половой член. Если так — то вот еще одно подтверждение ургийной ментальности американства: половой орган обозначают не по форме, а по делу, по операции трудовой, которую он производит.

По-латыни — «член» (membrum) = целого часть и орган, от идеи организма. То же по-французски— membreviril — от идеи единого целого, тотальности, унитарности. В России — непонятное слово «х…», адело означается — «кинуть палку». Палка- форма: как выглядит на глаз и как на ощупь — в пространстве.

Ну да: глянул в англо-русский словарь: tamprick (грубо) — «половой член».

Так что же мне тут дальше делать и ради чего жить-длиться? Совершенствовать мое непонимание? Совершенствовать преподавание непонимания? Выступать искусителем спокойных мозгов милых американашек?.. Так хорошо они устроились в здешней земной жизни! Не нужно им подвигов и героизмов — русских, евразийских…

Когда смотрел вчера фильм про Вторую мировую войну, сидя в уютной аудитории Весленского университета, сказал потом Саше Блоху, кто тут математику преподает (сам из Харькова):

— Вот спасенное пространство — Америка! Оторвались от ужасных сюжетов народов и стран Евразии: войны, патриотиз- мы, подвиги, истребления, чума, холера…

— Что значит — Атлантика! — он дополнил. — Закрылись этим рвом, как в замке.

— Но закрылись и от сверхидей нравственных, экзистенциальных, что нам там слышны и ворочаются в душе. А тут какие-то веселые, легкие, бодренькие — «чиирфул»!

— Что ж, зато другие сюжеты — рабочие, научно-технические, получили в задачу и на открытие: человека заменить, члены его; чудо компьютера и проч.

А и верно: для этих проблем надо иметь успокоенную насчет итогового смысла жизни душу. Ибо если заболеть-взволновать- ся этим, ни шагу не ступишь, а будешь лежать на обломовском или раскольниковском диване, ибо все равно! — и не хрен суетиться, и все равно помрешь, и все равно ничего не поймешь… Интересно, как вчера студенты удивились: отчего купец в «Грозе» не дает денег изобретателю? Ведь изобрел бы что, усовершенствовал, доход принес!..

— Это вы, Америка — страна изобретателей, — объяснял я, — и машин (Эдисон, Форд…), и потребностей, даже лишних. Ибо потребность = нужда, несвобода, вяжет: человек вляпывается в нее и уже не может обходиться без… А в России изобретатель беспокоит традицию и сон, к чему страна склонна после каждого рывка исторического, молодого усилия. Обломовы мы… Даже нищие воры в «На дне» Горького толкуют: на хрена работать-то? А рассуждать — так сладко! Вон и сейчас в стране демократическое толковище — как в «На дне»: блестящие разговоры, а что до дела?., — метлу лишь передают из рук в руки: это ты подмети ночлежку, а не я!.. Мало кто у нас хочет и знает, как приняться за практическое дело. Ужли снова немец Штольц или уж американец Форд нужен?..

Советское = барское

Все думаю: что предложить хорошего из советчины — советского периода литературы: чтобы чуть представить смогли, как хорошо о себе могли тут думать люди и жить по идеалу?

«Как закалялась сталь» — советское Евангелие. Надо бы и какой производственный роман. «Танкер Дербент» Крымова, помню, хороший. «Люди из захолустья» Малышкина — Суконик подсказал. Но вряд ли есть переводы. Еще вспомнил — «Педагогическая поэма» Макаренко — вот дать бы! А вослед — «Один день Ивана Денисовича», тоже ведь производственный роман…

Как смахнуло водой целую эпоху — как Атлантиду, материк этот, в воды погрузило, и уже не ведом он: чем и как там могли жить люди, а кажется, что лишь — умирать и страдать…

И все более мне прорисовывается метафизическое тождество наше с барским Девятнадцатым веком — в смысле метафизической тоски и безнадеги бытия и ненужности пустых дел. Так что вор и люмпен савейский — тоже барин Обломов: «грязной тачкой рук не пачкай!» и не будь. «мужик»: это понятие ругательно и для большевиков (крестьянин = кулак, скупец), и для блатных, воров, с их широкой душой (за чужой счет): «пить — гулять — помирать!..»

А насчет екклесиастовой тоски — Лермонтова надо взять. Конечно, зачем я им все большие полотна даю читать: там «Грозу», Тургенева и прочего Толстого? Душу русскую надо даже не по Тютчеву, а по Лермонтову: «Дума», «Парус», «И скучно, и грустно», «Ангел» — русская Психея тут наисильно… «Дубовый листок», «Тучки».

А почему так на Руси? Дела-то все затевают и решают — мировые! Во Духе! Нет чтоб двигатель и клапан усовершенствовать или придумать подтяжку к штанам или маргарин, про какой скажешь: «Не могу поверить, что это не масло!» (такая надпись рекламная на упаковке маргарина. — 23.7.94) — как тут. Конечно, надо оглохнуть к мировым проблемам и мировой тоске и забыть о смерти и смысле жизни, чтоб увлечься изобретениями таких деталей. А отдых иметь — в глазении на телик, рекламу и рок-танец.

Да, теперь и понял: отчего все эти жестокости, ужасы и насилия в американском кино? Ведь это — заместо войн тут! Выпускать из человека гной жестокости, сей поддон в душе, помалу — как от оспы делают прививку: той же болезни малую дозу впрыснут — и организм обретает иммунитет, не заболеет уж.

Вполне медицински-гигиенично и прагматично устроились — так помалу утолять насилие, его жуткую потребность в людях, — и откупиться таким образом от Диавола — и малой, сравнительно, кровью. И так спустив из души свою поддонную бесовщину, человеку уже не надо лезть в социальную бесовщину, как на Руси, или становиться Раскольниковым.

Все работаю над этой формулой своей задачи: «Чтобы в итоге моего курса вы перестали что-нибудь понимать». Жизнь все равно заставит вас что-то частичное понимать и точно делать в каждой точке и всякий миг. Подобно так же и Сократ, первоучитель сего божественного непонимания-«незнания ученого» (термин Кузанского), ведь как точно и однозначно поступил, когда его приговорили к казни в родных Афинах: не бежал, а научил, как принимать смерть!..

Мой вурдалак

28. IX.91. Ну, смерть моя! Эпштейн снова — впился! Вчера часов в семь вечера звонок — и сладенький такой голосок:

— Георгий Дмитриевич? Это Миша Эпштейн…

Это Юз дал ему мой телефон: хочет, чтобы тот устроил мне приглашение в его университет — в Атланту, на Юге, с лекцией выступить.

И вот начал этот меня расспрашивать — обкладывать, как волка флажками-вопросами, разузнавать: печатаю ли я и что, и почему не идет? А «Русский Эрос»? А «Зимой с Декартом»?

— Да нет, — говорю. — Большие вещи сейчас не идут.

А когда узнал, что вышла «Русская Дума», — прямо как взвился в течке-охоте:

— Ой! Не могли ли бы Вы прислать по почте? Я Вам оплачу. Это поможет и приглашению — убедить коллег… А я как раз готовлю курс по русской философии…

Высосет, блядина! Знает, у кого насосаться идей и образов. И не сошлется…

Так и чувствовал, что прицельно расспрашивает: разузнает мои силы и когда я концы отдам. Очень доволен был, когда я меланхолически сболтнул, что мое акме уж позади.

— А когда Ваше акме было?

— Лет в 35–50.

Облизывается: он как раз в такой возраст входит.

— А выходит ли у Вас что-нибудь по-английски?

— Да нет, меня трудно переводить — Вы знаете…

'Эпштейн Михаил Наумович — молодой и талантливый литературовед и культуролог. В 70-е годы пасся в моих рукописях: все нахваливал и просил еще дать почитать и… ксерокопировал. А потом глядь — по всем моим темам пошел печататься: и о национальном в культуре, и перекресток между гуманитарностью и естествознанием, и жанр «жизнемыслей» («Дневник от ца» издал за границей). И все-то у него в товарной форме и проходимо в печать, а у меня — расхристанно и в себя, в отчаянии печататься. Так и чую: вот мой Эдип, призванный отменить меня в культуре. К 1991 году уже три года в США, и сейчас там совсем укрепился. — **23.7.94.**

И доволен: у него-то все тут идет, на мази. Сидит на компьютере, шпарит эссе за эссе — и печатает свои миниатюрки, по мерке рынка и по потребе мозгов нынешних.

Потом не мог заснуть; а проснувшись в ночи, первое вонзание сознания снова — «Эпштейн!», — и пришлось читать, чтоб

заснуть. И то не мог. Так что подрочить еще пришлось — на девку из «Плейбоя», что Юз мне будто для этого дела подкинул. Хотя не мой жанр — нынешние поджарые лианы. Правда, с пышными грудями — такое ныне в моде сочетание у фрукта-плода женского…

Понимаю, как вурдалак-упырь присасывается и сосет кровь — и вся жизнь из тебя выходит. Так и этот — нетопырь.

Ишь, торопится по почте мою книгу получить: мол, поможет объяснить там, что меня пригласить должно… — хотя тут же сказал, что приглашение делается долго: месяцы, а то и год-два…

Ой, противно! Зараза вошла — и нужно мне это: еще на него тут тратить силы ума и слова, и чувства души?

Юз позвонил — ему выпалил эту свою отраву. Зовет на рынок проехаться через час. Хорошо. Я как раз Эпштейна пропишу.

Ты жизнемыслями сокращаешь себе жизнь — вдвое: мало того, что вчера час с этим хитрым дело имел, — так еще и сегодня на него час потратишь, записывая!..

Верно. Но и освобожусь так — Бог поможет. Гигиена души — очищение через писание.

Пришлось мне говорить ласково и вежливо. Поздравлял его с тем, что так вовремя ускользнул из нашего русского поля: уже два года на Западе, в Америке, с семьей, хотя и там, в Москве, квартиру все сохраняет: как бы на работе тут бессрочной. И поздравлять его с тем, что так удачно: тема русско-американских сравнений сейчас на гребне интереса — и ему тут все карты в руки.

— Да, — довольно подтвердил он[3].

И думаю: бедная, униженная, оплеванная Россия — теперь предмет для упражнений культурологических, очень уместных и доходных, для вот самозванцев русских — евреев-эмигрантов из России. Они ж тут проходят как русские и знатоки России.

Лжерусские

Вот еще одно гигантское очередное САМОЗВАНСТВО для бедной России: все время ей подкидываются то Лжедмитрии, то Лжепетры, то «дети лейтенанта Шмидта» — придумка хитрого одессита Остапа Бендера. А вот теперь и совсем лжерусские пошли — отменить целый народ!

Да, какое идет лжетворение и мистификация!

В Америке представление: что евреи бегут от коммунизма. И пришлось мне в классе своем объяснять, что сейчас антикоммунизм и антисемитизм в России совпадают — и почему: коммунизм марксистский = еврейское наваждение на Россию; и вот соблазнили — и убежали. И это было для них открытие. Я пояснил: Солженицын — и антикоммунист, и антисемит…

Но, с другой стороны: когда посмотрел вчера «Корчака» и вспомнился «холокост» — уничтожение евреев немцами в войну, — понятно стало, отчего так прибыло жизненной силы в нынешнее поколение евреев: за счет недоживших, погибших и за их страдания, нынешние: «право имеем!» — могут лезть и побеждать везде и торжествовать…

Так что терпи. Вон какая бульдожья жизненная хватка у Эпштейна. А ты — расслаблен, анемичен, обломов-онанист в писании.

— А он твое семя — распрыскивает! — Юз развил этот мой образ. — Семя-то твое!

Позвонил Питер Реддауэй из Вашингтона — прежний директор Кеннан-института русских исследований и друг студенческих лет Светланы. Чистый, высокий норманн-скандинав худой. А главный был антисоветчик — такой деликатный человек!

29. IX.91. Не дрейфь, старушка! — говорю себе, воссев за алтарь свой, после муторных мыслей по пробуждении: что снова растерял язык, общаясь вчера энергично с Юзом — в поле загребистого русского языка. Удручен был и в кино вчера: многого не понимал. Правда, и произношение у американцев грязное и плебейское, из английских низов, не аристократов, — вывезенное. И лингвисты говорят, что английское произношение XVII века и диалекты можно изучать по диалектам американства ныне.

Вчера ездили с Юзом снова на свободный рынок и «тэг- сэйл» — распродажи («тэг» — от бирки с ценой, что наклеивают). Опять поражался легкому, жизнерадостному духу и что такие приличные джентльмены и дамы сидят и распродают свое — спокойно.

— Вот страна-то! — говорю Юзу, за рулем который. — Как строили свои коттеджи на земле, фермы — так и продолжали, ничего не разрушали. И все старинное прикладывается к новому богатству. А у нас — вместе с аристократами и купцами давай и все вещи и изделия прошлого века уничтожать!..

Потом тему о евреях тут как «лжерусских» далее стал развивать. И Ирина Алешковская очень поддержала:

— Ну да: кто тут знатоки России и консультанты по русским делам — и на радио «Свобода», и везде? Евреи-эмигранты из России: они и считаются русскими.

— По месту вывоза тут всех эмигрантов считают, а не по крови, как в странах Евразии, где жители различаются тем — совпадает ли кровь с почвой (как у нарожденных в сей стране народов), или этнос где-то в другом месте, на другой почве-космосе образовался, а сюда лишь приезж. Тоже важная и для Евразии, и для Америки дифференция: в России, Германии и Франции инородцами считают нездешних, а в Америке — разноземельцами, иностранцами. Тут не важно, какой этнос у тебя, но коммуна-община твоя — по месту вывоза, эмиграции.

Но ведь русские евреи тут, — продолжаю, — и лжеевреи, по американским уже понятиям, где еврейство понимается как принадлежность к определенной религии, а именно — к иудаизму. Ибо эмигранты из России — атеисты в прошлом, коммунистов ярых дети. Коммунизм для них был распрощанием с этносом, с родом и кровью — с клеймом «жид»; он прямо был Новым Заветом: как «нет жида и эллина во Христе», так и в Интернационале и интернационализме (что есть суть также и коммунизма) нет кровей, родов и почв, а лишь классы. Городская ибо уже философия эта — германски-структурная, здание (Haus) социума, на «базис» и «надстройку» поделенное Марксом.

— Дьявол атома создать не может, а вот идеи — да! — вчера Юз умно развивал свою эту давнюю философскую мысль, ополчаясь на идеи и идеологии, на что оказались падки в России и на советчине, изувечив тем жизнь. — Ведь Дьявол ни капилляра, ни сосудика живого, ни мухи сотворить не может, как Бог-Творец, а вот идеи — пожалуйста, это его дело: подкинуть нашему умишку может какие угодно!

— А ведь верно: так и в сказках нечистая сила золото создает на ночь, на время морока, а на утро, при свете солнца, это в прах, пепел и пыль обращается.

— В России обольстились — погнались за идеею: изменять мир и человека! Нет чтобы пахать, возделывать, украшать — но преобразовать! радикально! Новую породу людей вывести — идейно выдержанных и коллективистских!

Кстати, теперь решаюсь: надо дать моим студентам «Как закалялась сталь» и «Педагогическую поэму» — для понимания самопозитива советчины, ее идеала и порыва. Как новые христиане — попытка преобразовать человека.

Вот я пытаюсь положительное понять-искать в русском и советском. Эпштейн же привел Россию и русского человека тип к «маниакалько-депрессивному психозу» — по схеме евреев-психиатров XX века — и логосом комбинаторики еврейской вывел оттуда тождество Обломова-депрессанта и Корчагина-маньяка. Красиво и эффектно получилось. Такие вот еврейские упражнения в объяснении России.

Две обетованные земли у еврейства в XX веке обнаружились — Америка и Россия. Америка — уже готовая, подготовленная англосаксами; только приезжай на готовенькое и живи — финансируй, торгуй, управляй! А в России — работать пришлось по приспособлению страны для себя: революцию делать, аристократов убивать, крестьянство раскулачивать, идеологию мрак- систскую создавать, структуру партии большевиков, террор ГУЛАГА сообразить — словом, фундаментально активничать на земле-почве России, ее под удобство свое (= всемирное, конечно, в иллюзии!) возделывать. Программа Троцкого — Сталина…

Ну и грех великий на душу был взят тем самым перед Россией и русским народом. Пока тот увалень-медведь прочухался и сообразил, что к чему, через семьдесят-то лет, уже он быстренько пообработан — обратали конягу. Изгнав аристократов, евреи из местечек быстро заняли эти «святы места» верхнего сословья — интеллигенции, партаппарата в 20—30-е годы. И руководили, пока их не стали теснить в 40—70-е. «Космополитизм» — если б Сталин его не предложил, евреи бы сами себе его выдумали: во идеологическую подготовку будущего исхода из России и очищения от греха: снять с себя ответственность — и в своей совести, и возмездие извне — от разозленных русских. И вот эмигрируют — от антисемитизма в России, хотя это уже не Россия, а СССР, сотворенное по их планам и руководству, где русские в основном исполнителями были, а не идеологами и управителями, планировавшими структуру и стиль жизни.

Бегут сейчас — от «антисемитизма» и «коммунизма» — так перевернули соотношения, тогда как коммунизм-интернационализм и был «семитизмом» в России, так что ныне антикоммунизм совпадает с антисемитизмом. «Память» — недаром так назвалась — русская национально-почвенная. А евреям память не нужна: она и долгая (про Палестину библейскую), и короткая — насчет дел своих в России в XX веке.

Помнят лишь космополитизм свежий и антисемитизм давний, с перерывом в советчину, где как раз хорошо жилось еврейству: был их культурно-твор- ческий Ренессанс, и много красоты создано.

А вот в Америке образовалась истинно земля обетованная евреям, ибо подготовлена уже для жизни подходящей — англосаксами. Тем пришлось грех надушу брать: выкорчевывать индейцев, природу, почву готовить. А уж эмигранты-евреи тут даже от греха и совести избавлены, что должны тут чувствовать и чувствуют выходцы из стран Европы, «ВОСПы» (WASP = white anglosaxon protestant)[4] — такой комбинации и закваса люди. Кеннеди-ирландцы должны чувствовать вину перед индейцами — и чувствуют, и уступают «меньшинствам». А публицисты из евреев — Норман Мейлер, Сол Беллоу и проч. — им можно быть в позиции критиканов со стороны и ужучивать ответственных товарищей из верхов английских.

Снова выгодная позиция…

Но выстрадали же! Века гонений, их холокост середины XX века. Так что примолкни…

Но ведь анализ-то путей Бытия, господних — делаю, пытаюсь. Тут не до прагматики-политики и лести тому или иному…

Ведь и страдание и крест — ценность: и нести грехи мира, что вот еврейству пришлось. Не надо только скидывать с себя грех и вину. Но и не кичиться, как я чуть не предложил, воспомня, что Иуда чуть ли не важнее Христа. Христос пострадал и славится, а ведь Иуда дал возможность Иисусу прославиться, взяв грех страшнейший предательства — на себя; и повесился, и проклинается вовеки. Вот кто «понес грехи мира» и «козел отпущения»…

Кино про индейцев вчера смотрел характерное — «Танцующий с волками». Воочию тут американский комплекс вины перед индейцами. Главный герой — ариец, нордический тип, просится служить на «границу» и там с благородным племенем индейцев сдружается: входит в их жизнь и на индианке женится. Когда же он был один в своем домике, к нему волк приходил, приручился — и они кружились в танце. Робинзон новый… Но потом приходят войска белых, истребляют индейцев — и его, как предателя…

Такой — совестливый «вестерн». А поэтика — как у «соцреализма»: своя, местная «лакировка» и идеализация.

Работать надо…

30. IX.91. Снова взошел страх насчет языка своего английского. Два дня общения с Юзом на интенсивно-густом русском опять меня выбили из английскости. И трепещу: как стану понимать споры своих студентов завтра про американство?..

Пока еще легко шло: тексты по-английски были заготовлены. А далее — об Англии, Греции, Франции, Германии, Италии… — надо будет на ходу национальные образы по-новому малевать. Так что особо-то не поездишь по стране. Работать надо.

Ну и хорошо. Чего метаться-то? Одно и то же везде встретишь: круг евреев-эмигрантов, занимающихся тут Россией. Одни и те же вопросы. И утомление переездов; а видеть-то страны не будешь: те же аэропорты да машины и лекции. Так что сиди уж лучше спокойнее тут — и работай умеренно и не нервничая. А то в каком кошмаре и панике будешь — если прилетишь, а назавтра тебе читать по-английски — Эллинский, например, образ мира, а ты не готов?!.

Нет уж, лучше поживи, как сейчас, в милом спокойном Миддлтауне; по вечерам на бесплатное кино ходи-смотри — курс старых хороших фильмов. И почитывай, и поучивайся сам.

Да и денег тебе эти лекции принесут мизер — пару сот долларов, а тревоги, мороки и разрухи организму — много.

Думал засесть и наперед насочинять лекций — да не успеваю: прошли уж три дня из моего свободного пространства. Первый день, в пятницу, просто расслаблялся, а в субботу и воскресенье с Юзом разъезжали и Ириной по рынкам; что-то накупил по его рекомендации. Хорошо, есть кому посоветовать, а то сам бы — никак не мог выбрать и решиться на что… А он авторитетно говорит: «Бери, покупай, мудила! Это девкам нужно, а в магазине вдесятеро заплатишь». Ну и покупаю.

Тоже важнейшая должность — советчик на решение, выбирающий! За тебя и вместо тебя.

Уже велит Присцилла о характере экзаменов и работ моих студентов думать: чтобы написали по 15 страниц — и проверять надо будет. А я думал слинять после 10 декабря. Нет, еще неделю надо быть здесь — работа ведь, и за нее тебе платят!

Юз меня опекает, возит, кормит часто. Неловко… Хотя и ты ему даешь: много идей бросаешь, разговариваем в поездках, он напитывается от тебя и потом в свои тексты сунет — в жанре буффонно-бурлескного философствования. Насасывается от тебя тоже — не меньше, чем Эпштейн. Только Юз — друг и не

конкурент: в другом жанре. И ему приятно свое давать: и он в разговоре вдохновляется и выдает и мысли, и слова. Так что прекрасно и обоюдопитательно наше общение. Вон как сострил на ходу: его Ирина, разгадывая кроссворд какой-то, спросила:

— Памятник русского деревянного зодчества?

— Рубль! — ответил он.

Нуда: наш деревянный рубль, ничего не стоящий…

Да и осеменять беседою плодородящую почву, как это делал Сократ, — чем не реализация себя, не посев и продолжение?.. А как лекторы, профессора — не писатели? Рассеивают мысли прямо в души и умы.

Дал Юз русские тутошние газетки — «Русскую мысль», «Новое русское слово». Письмо интеллигентов-демократов: Латынина, Гальцева, Роднянская, Золотусский, Лихачев — против интеллигентов-разрушителей, за союз с новой демократической властью; а не мешать ей воплями о новом русском «империализме» и «диктаторстве» Ельцина.

Правильно, конечно. Чувствуют себя — как Бердяев и «Вехи». Историю русского общественного сознания движут…

И все же — рыночно и пошло. Не по тебе, не экзистенциально-внутренне, не честно.

Хотя — не берут тебя в такие группы и на конференции и поездки — ты и пострадываешь и завидуешь. И твой скепсис — это «зелен виноград». Они так реализуются и друг друга умом питают. А ты в нуду нутри своей смотришь, скучаешь — а утешаешь себя по-обломовски тем, что ты — глубже, в таинственные метафизические глубины смотришь, где — неразрешимость. А они — будто знают, решения находят!

Первородный грех

Представляю, как русские евреи — в Бостоне, например, где, возможно, меня лекцию на дому попросят сделать, — будут удивляться и расспрашивать. И почему же он, один, еврей или полукровка, должен отвечать за народ, за грех какой-то? Как еще Слуцкий бунтовал:

Не торговавший ни разу, Не воровавший ни разу, Ношу в себе, как заразу, Эту (не помню, какую) расу.

Не хочет носить расу и памятовать грех. Хочет быть личностью и лишь за себя отвечать… Хотя сам-то он вполне советский человек, коммунист: по таким нотам работал. И в армии, на войне, в трибунале сидел и засуживал. А потом и Пастернака ненароком, встав на горло себе, заклеймил — и мучился, уже личный, свой грех обретя — и так углубясь и возросши в своем позднем творчестве.

Так что чувство греха и памятование его — не своего, а перво-родного = значит, и твоего, на-род-ного, — не вредно, а углубляет человека, не дает зажить в самодовольстве и вне метафизики. Памятование то о Смерти, о ее законе — в природе, в человеке и в мире сем.

А этого-то еврейство памятовать не хочет, но «быть живым и только, до конца!» И труп проклят, и кладбища не чтимы свои, разбросаны ибо, как и тут у американов нет этого чувства:

Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам.

И вот задумался над тем, что, хотя сюжет грехопадения и первородный грех прописаны в книге Бытия, в Ветхом Завете, но будто мимо сознания прошло это всесобытие метафизическое. И лишь в Новом Завете и во христианской теологии — об этом дума и проникновение и взятие на себя этого греха и памяти.

Наверное, потому, что во Христе найдено лекарство и спасение от греха и проклятия смерти, первородного. Так что можно уже памятовать: не безвыходно это…

Испорченность Бытия — законом Смерти. И это — как задание на историю и привлечение человека к труду в ней: через осознание и его вины. Динамика и мотор — любовь и вина. Любовь друг к другу и предкам — и вина за все, за жизнь на костях и прахе — и вкушение его (праха — гумуса в плодах Земли. — 29.10.95) аппетитное, как на рекламах американских облизываются сластями и новыми придуманными яствами… Полная жизнерадостность в сей жизни и в сей момент в настоящем. Его культ — у Уитмена в Третьей из «Песен о Себе».

Вот и здесь еврейство русское, эмигранты, — недовольны

либерально-американскими соплями об индейцах, неграх и мексиканцах ныне: им предоставляют режим наибольшего благоприятствования, а они наглеют и понижают уровень и университетов, и труда, и культуры. И в этих либеральных фильмах об индейцах (с этого меж нас начался разговор) Юз видит моду и потрафление.

— Но ведь воспамятование о первородном грехе американства — в этих фильмах, хоть и сентиментально-розовое, — обращаю внимание я.

Хоть чужой тут грех первородный — англосаксов, но и он еврейству отвратен и опасен: напоминает вообще о первородном — и о своем, значит…

— Зачем свой иметь, народный? — Юз. — Достаточно общего, первородного.

Но тем каждая страна и целостность дифференцируется — своей ипостасью и вариантом всеобщего первородного греха. Это, так сказать, первородный грех второй степени, вторичный. И у каждой личности, человека — свой вариант, мириадный уровень, свой осколок… Но его памятовать и осознавать надо, и эта память — ценность:

Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья!

(Пушкин)

На них и взрастает личность и дух.

— Но тогда грех глубже — в самом Бытии! — Юз.

— Вот именно об этом — Федоров и Светлана: о законе смерти в природе, в устроении бытия (в «природном порядке существования» — как это Светлана формулирует. — 23.7.94). А ты потешаешься — и не хочешь туда смотреть…

Встреча со студентами

(На этом месте заметок моих — листок-объявление от руки. Переведу с английского:)

«Русский Дом (400, Хай-стрит)
приглашает вас на наш первый в этом году
САМОВАР — СИМПОЗИУМ
во вторник, 1-го октября, в 8.00 вечера.
Неформальная беседа с профессором ГАЧЕВЫМ.
Это — ваш шанс разузнать о Русской мысли, культуре
и душе от тамошнего (туземного) ученого.
Дискуссия пойдет по-английски, так что не опасайтесь.
Добро пожаловать всем.
Освежительные напитки будут предложены»

И сверху — мне надпись: «Позвоните мне: 638-1346, если у Вас возникнут вопросы или проблемы. Светлана Кац».

2. X.91. Однако интеллектуальное переутомление вчера — берегись! Мало того, что день лекций был, да еще на вечер ты согласился сдуру прийти в общежитие студентов и там за чаем им рассказывать о России по-английски. Перенапряг случился. Бедные мозги свои пересасываю. Да и глаза: только читать да

телевизор и кино смотреть — чем еще занимать день? А глаз-то у тебя — один!

Но, конечно, интересно и мне было беседовать со студентами. Они попросили сперва: «Расскажите о себе» — и сжато вместил я себя в справку о жизни и трудах — за полминуты изложил: про отца, мать, учебу, работу и писания… А что за этим стоит — какая толща бытия и океан волнений, борений и дум!

Спросили про мой образ Америки — и устало я пересказывал, уже надоело одно и то же повторять. И понял, что совсем не хочу ездить с лекциями — об одном и том же. Гораздо интереснее тут с моими студентами читать тексты и толковать, их удивления и вопросы вместе обдумывать и обсуждать.

Так что тоже полезно было и мне: жадность умерить, познать самого себя и свои силы и что подходит им — через их вопросы. Поразило их про Америку — что нет «матери-земли».

— А нельзя ли создать ее? — мудро-наивный вопрос задали.

— Это — как создать себе Прошлое — то, чем так богаты, но и обременены страны и люди в Старом Свете.

Одна про новые религии с энтузиазмом говорила. Я скептически осек: это искусственные, худосочные создания позднего ума. Зачем? Религия не бывает новой. Чем старые не подходят? Вы их знаете? Прониклись их глубиной?

— Но ведь и они когда-то были новыми и лишь с течением времени обрели авторитет. Так и нынешние, — один сказал, логично будто.

— Американский подход в этом тоже, — я констатировал. — Изобрести новое. То, что позади, — не интересно, не говорит душе тут. Ей (американской Психее) нет предания и толщи бытия, традиции и предков; взгляд лишь вперед, в будущее, а ощущение — лишь настоящего, себя…

И потом: религия — это особая ткань-субстанция и не всегда возникает. Тут чудо — откровения, взрыв, некий духовный протуберанец. И когда случился — тогда это уже силу авторитета приобретает.

Спрашивали про Россию и нынешнее ее состояние и чем Америка может помочь. Дать технологию?

— Нет, будет валяться и ржаветь — некому взять. Надо нам в колонию на время превратиться — или, чтоб не обидно так называться, в обучение на поколение-другое кто бы нас взял: немцы или японцы до Урала?.. Но главное — что нет желания зарабатывать и богатеть. Чтобы это желание пересилило апатию и лень в работяге и крестьянине. Стать свободным фермером — на свой страх и риск? Нет уж: лучше прислониться к государству или колхозу — и воровать.

Так что ЖЕЛАНИЕ — вот ключ! А у нас принцип — довольство малым: картошка, водка есть — ну и лады, лишь бы не было войны!

— Но ведь сейчас молодые бизнесмены и торговцы есть!

— Да, но не производители! На втором уровне — перемещать готовое. А проблема: чтоб на первом уровне — создания богатства — работали, а на селе — чтоб еду производить хотели. А там, напротив, не хотят создавать избыток продуктов для торговли — зачем? Сами сыты, а из города и так ничего дельного не получишь. Так что город будет голодать, если не рассосется на землю снова.

— Что же будет?

— Не знаю. Как раб, привыкший работать под кнутом и в артели, вдруг превратится в свободного, рискующего фермера, хозяина?

Мы инфантильны, патриархальны — и сейчас чувствуем себя покинутыми, и куда бы прижаться, сгрудиться в некое «мы»? Разрозненная стая. Испуганные и толчемся. Толкуем на толковищах демократии — интеллигенты в городах. «А там, во глубине России, Там вековая тишина…»

Или то — мой старческий уже и обессиленный взгляд на вещи? Возможно. Они почувствовали некое старчество во мне,

молодые. Так что мои ответы их не утоляли. Спрашивали еще:

— А вот эти работы свои: строить мост из гуманитарности в естествознание — продолжаете?

— Нет, оставил. Надоело…

Они ждали от меня — подать идею юношеству, зажечь, а я — тушил. Вот эта идея могла зажечь, а я и ее закрыл, не рассказал о ней пылко и вдохновенно.

— А над чем сейчас работаете?

— Над собой, над душой. Национальная тема мне уж надоела — дурная бесконечность разнообразий и множеств. А надо о главном думать, сузить круг, а то не успеешь…

— А что же это «главное»?

Помолчал я. Залепетал сначала про Бога, Единое на потребу, Абсолют… А потом:

— Да просто чтоб быть добрым человеком: чтоб людям, домашним и другим с тобою было неплохо. Быть просто «гуд мэн».

Это им показалось убого и скучно. Я стал пояснять:

— «Дон Кихота» читали? Помните, как его звали?

— «Рыцарь печального образа»…

— Нет: до того, как стал Дон Кихотом, и после?

Один все же вспомнил:

— Алонзо Кехана…

— …«Добрый» — с таким прозвищем. Вот и мне таким стать — задача. А это — после того, как жизнь провел в подвигах и сверхмерностях, — трудно. После амбиций на мыслителя, философа и «гения» — просто ввести себя в статус «доброго человека» без претензий.

Им это убого и скучно, конечно, показалось.

— А чего Вы хотели, когда Вам было 20 лет?

— Любить и быть любимым.

Они радостно рассмеялись.

— Ну, и искать свой путь. Хотя его нельзя найти, а надо создать. Каждый человек создает свой путь, свою профессию… Еще искал я тогда Смысл Жизни.

— А сейчас?

— Нет, не ищу. Он мне ясен, познан: быть открытым, вопрошать (в уме) и быть добрым — душою и поведением. Сейчас надо понятое — осуществлять.

Какой же выше и лучше «смысл жизни», нежели то, что христианство и Федоров разработали, и в чем мои милые любимые девы трудятся, развивают? Тут — найдено. А мне — примыкать и любить их, и не мешать; помогать — и быть приятным и любимым ими: чтобы мое существование не было

досадно им. «…И кому-нибудь мое любезно бытие…» Задумался опять над вопросом одного:

— А нельзя ли создать себе прошлое — и как?

Я сначала отмахнулся:

— Как так «создать себе прошлое»? Прошлое — прошло. В этом его смысл. И прошло само по себе. Как же можно мне себе его создать? Это — противоречие в постановке вопроса!

А сейчас думаю: в этом смысл есть — парадоксальный!

Ведь вот Федоров и Светлана и их идеи — это и есть создание себе прошлого. Когда поворотишься душою назад, туда, к предкам, в толщу их, и залюбишь это пуще себя, — вот и подключил себя к питанию прошлым, придвинул его к себе и себя в него погрузил, как в родник и источник. Усилием установки души и ума шкалу ценностей туда вдвинул свою — и благодарное прошлое тебя оросило своим богатством.

И прошлое — не только бремя (как я про страны и души Старого Света, в отличие от американства, говорил), но и пища, толща кормящая, субстанция. Американство же растет сверху, из воздуха, из переди — в кредит будущего. В этом его свобода — преимущество! — от бремени и традиции. Но нет и питания из толщи этой. И не чувствуют и не понимают этих великих накопленных проблем Духа, антиномий и проч., в чем мы возимся, в Европе и России, все снова их переживая, к себе применяя и перерешая: «предопределение и свобода воли», «грехопадение и искупление» и проч.

Хотя не могу сейчас этот букет перечислить. Раз, два — и обчелся… И чем это так уж большое богатство, от отсутствия которого американцам бы страдать? Они — изобретатели! Вперед и в новое устремленные. И пусть: то их «дхарма».

…Хорошо музыка классическая журчит в соседней комнате по радио, питает душу субстанцией — как раз прошлого, европейской цивилизации толщей и ее душой, красотой и духом. Вливает квинтэссенцию жизни прошлых поколений, их трудов и борений, — и как это теперь пластично в превращенном виде музыки! Как будто душа прошлого поет и голосит, и как мать тебе колыбельную песню, вливая свою прекрасную душу, напевает, — так и вот эта музыка: Моцарта, Шопена, Вивальди, Генделя — и всех… Журчат они; то — как птиц райских пение — в эдеме культуры.

Да, прямо в сердце тебе вливается эта живительная влага музыки, подкрепляя силу и охоту жить, радость и разум восхищенный — в тебе.

Всплыл образ Насти — духовный, сосредоточенный, задумчивый. Как Эмили Дикинсон, кого вчера со студентами

толковал.

И странная мысль пришла: вот ты оторван в пространстве от своих — и живешь. Но и во времени мог бы: вот Эмили Дикинсон тебе бы могла заместо Насти стать — отчего же нет? Мог бы — через создание себе прошлого — ее привить к душе и возлюбить не менее интенсивно. Как вон Светлана моя любит Федорова, умершего век назад, — интенсивнейше, живейше и преданнейше.

Труд духовный

Вчера в русском классе моем разбирали «Обломова», и когда они весело потешались над ничегонеделаньем русским: пыль не уберут, а мечтают: «Подайте мне Человека!» — я вдруг обиделся и встал на защиту русских байбаков и мечтателей, вплоть до чеховских, кто мечтают «работать, работать!».

Да ведь они уже работают, работали, наработали — и интенсивнейше! В душе и над душой, тонкость чувств и переживаний, и проблем духа в себе прокручивая, выговаривая, продумывая, выписывая, — все эти Онегины и Печорины, и Лермонтов, и Обломов, и говорящие и спорящие герои Достоевского. И чем это меньше «работа», чем изобрести новую модель подтяжек или маргарин и на нем надпись: «Не могу поверить, что это не масло!»? Конечно, и это — дело, и, ради Бога, пусть делается. Но и утонченность душевной жизни, копание духом в высях сверхидей и сверхценностей — есть та часть мировой Работы, что в разделении труда между странами-народами и культурами выпала Старому Свету и России.

Так что же лучше?

Оба лучше. Восполняют друг друга — и Америка, и Россия.

А кто же еду будет создавать, кушать что?

Но ведь Эйнштейн не должен выращивать себе капусту. И труд русских думателей и спорщиков, лежа на печи или за бутылкой в трактире или на кухне, — как труд математиков: имматериальный, но — труд! Так что русские баре и интеллигенты, что вздыхали о деле и работать бы!.. — уже этими вздохами и упреками себе (Лермонтов, «Дума») величайше и наработали в Духе.

А и советские: в утопиях и мечтах, в их крахе, в муках и заблуждениях, — тоже за все народы потрудились, так что наш опыт — всем наука. Так врач-эпидемиолог прививает чуму себе, проверяя экспериментально, — и сам полубездыханный лежит. Конечно, не специально так захотели в России себя в жертву и службу принести. Но в Божьей экономии бытия объективно так вышло: будто нарочито, и призваны на то — русские, жители России и советчины…

Они были ошарашены моим патриотическим взрывом за Россию и советчину. И, видно, открылось им — иное измерение бытия, и труд там, и ценности, не подозревавшиеся ими. А то все «работу» считали созданием материальных изделий, вещей.

А культивировать душу? «Наука страсти нежной»?.. Конечно, можно — раз-два, ложись, «сунул, вынул — и бежать!», — а

французы тут наворачивают какие галантные ритуалы игр любовных, ухаживаний, соблазнений, переживаний! Также и русские — во Психее…

Один обратил внимание на то, что Обломов в халат — одежду Востока одевается, привольную… И верно: евразиец, русский человек — в просторы, как в шаровары, облекся, прямо в них, как на диване, разлегся, широкая душа…

— А имя-то! — им я раскрываю. — Все из «о», а это — гласная, означающая центр; так что Обломов — при оси Бытия: куда же ему еще сдвигаться-то? Он — шар и кругл и совершенен. К нему тянутся и приходят.

Спрашивали: почему к Обломову приходят люди? Он ведь не богат, хотя что-то от него берут…

— Да ведь он — центр бытия: О — О —О…

И так получается панорама характеров: Чичиков — ездит, Одиссей — тоже, Обломов — лежит, а к нему приходят. Но по теории относительности это все равно: кто, кого считать движущимся. Ну а итог — один: панорама образов. Хотя это тоже важно, что Обломов лежит — как бог на месте, как Перводвигатель (Аристотеля идея и термин: сравнивал его с прекрасной статуей: она стоит, но все влекутся к ней, и так недвижное производит и заводит движение в мире. — 24.7. 94): к нему влекутся и приходят, рассказывают…

…Воркует Субстанция — вон музыкой. Сама! Ее благословенное величество — как резвится! как глаголет!

Разбил очки в суходрочке

4. X.91. Разбил очки — беда! И в какой ситуации постыдной!….Досада. Правда, разбилось то стекло, которое на слепом глазу, так что можно любую стекляшку вставить, без диоптрий.

А все ж — хлопоты, доллары… Ну и — постыд…

А вернулся с какого интеллектуальства — вечером-то! В «Рассел-хаузе», доме с колоннами, еще 1828 года постройки, такой особнячок аристократический, — феминистка из Нью-Йорка читала эссеи свои, что у нее еще в работе. Присцилла пригласила. Хорошая дикция — понятно было почти все, кроме юмора. Это я для языка пошел — чтобы себя в атмосфере английского удерживать. Ну и глаза не портить, как смотря кино или телик.

Потом беседовали за кофеем, и я был представлен как профессор и мыслитель из России и что-то умное трекал…

Зачем это пишу? Да ведь это же у меня очередно болит — и «кому повем печаль мою?» Чего уж хитрить-то, коли наедине с собой и бумагой и Богом: ему-то видно. Я ж не на людей эссей пишу, как вон та журналистка, чуя публику и ее запрос, угождая и развлекая юмором и сленгом.

Она давала зарисовки горожан, наматывая их на себя — женщину, вышедшую в город лечиться от тоски одиночества — разглядыванием множеств людей и разных картин и сцен. И все оказывается целительно и интересно. Привела два варианта чувства города: Уитмена — восхищение и гордость, и Сэмюэля Джонсона, который выходил в город лечиться от тоски (как и Чайковский в программе к финалу Четвертой симфонии, где «Во поле березка стояла», писал: выходи в народ, когда невмоготу… — так примерно) и говорил: если кто устал от Лондона — значит, устал от жизни… Сюжет, конечно, хороший, экзистенциальный — для панорамы сценок. «Кто эта женщина? Зачем она ходит по городу?» — себе адресует писательница вопрос глазами встреченных — и получается живо. Серия коммуникаций, общений; и город выходит сказочен, и люди все — как персонажи из чудес…

Нормальная литература.

Ну ладно: ты тоже запиши то интересное объективное, что вчера в занятиях со студентами тобой и ими намыслилось.

Лермонтов

Лермонтова вчера разбирали. Удачно сообразил дать его после Обломова — во явление той интенсивнейшей работы духа и души, которую делает русский человек, ничего видимого и материального не делая, а даже лежа на диване. Вулкан работы открылся — в этом маленьком желчном[5] человечке в офицерской форме (ничего о нем не знали).

Я начал с «Ангела»: душа, посланная на воплощение, тоскует по небу, плохо заземлена; нет корней — все наверх обращена, в воздушное пространство, где Парус и Листок дубовый, Тучки и Демон — как и «Недоносок» Баратынского: «Я из племени духов, Но не житель Эмпирея…» Одинок — насчет «коммуникации».

Но нет: он — любит, но все далекое: природу, небо, родину; а вот коснуться живого человека, любить реальную женщину боится, — одна студентка, Мелисса, заметила — так четко и прагматически.

Да, у русских это так: легко любить дальнего, а ближнего — нет, трудно, воняет, слишком жестко и резко — материальное, телесное…

Я даже расплакался, когда перечитывал перед лекцией «Ангела», — о нем, о нас, о моих девочках — такие души присланы хрупкие на воплощение тяжкое.

И как каждое состояние души передается Лермонтовым — абсолютно, мощно, как единственно возможное. И самоубийственная тоска, когда «И скучно и грустно», и восторг, «Когда волнуется желтеющая нива»… Но то все — природа, дальнее. А невыносимы — люди, рядом, толпа, социум — «Как часто, пестрою толпою окружен…» То-то и в «На смерть поэта» и свое личное отвращение от всякого человека передал, ближнего, себе подобного. Милы лишь дальние: мужики в «Родине», солдаты в «Бородине». Еще — природа, кавказцы, демон и мцыри… Но не свои. Сплошное НЕ им.

Маша Раскольникова обратила внимание на то, что Парус и Листок — это плоскости на ветру:

— Это подтверждает Ваш СВЕТЕР, — сказала. — Еще и «Тучки»… (СВЕТЕР = СВЕТ + ВЕТЕР в одном слове — мой неологизм, каким я означаю душу русского народа. — 24.7.94).

И все ведет диалоги со своею душой: «И скучно и грустно», и «Дума»… Завод работы — этот Лермонтов: сколько наткал из материала своей души переживаний, состояний!..

Поразились они его идеалу-мечте («Выхожу один…»): ни жить, ни умирать, но быть погребенным под дубом — и спать. И

все время мечта о покое.

— Как будто устал, не живши еще! — они воскликнули верно.

— И у Тютчева «Усталая природа спит», — привел им я подобное.

Вот это отсутствие Желания — Desire, которое столь важно в Американской архетипии как мотор деятельности. (У Драйзера — Трилогия Желания; у Шервуда Андерсона роман «По ту сторону желания»; у Теннесси Уильямса пьеса «Трамвай «Желание»»… — 24.7.94.) Хотя нет: оно напирает — «Огонь кипит в крови» все же. Но «царствует в душе какой-то холод тайный». Оцепенение (Кащеево ль, Берендеево ль царство?..). Немочь бледная выходит. Паралич воли. На корню засыхает. Не плодоносит. Бесплодная смоковница. Рок какой-то бесплодия… Но опять же — бесплодия в материально-телесных, физических проявлениях. Зато жертвою сего, как в аскезе монастырской, — какая интенсивная деятельность в пространстве ангельско-де- монском — в воздушном пространстве между небом и землей, где, по Порфирию, — Князя духов царство…

Тоже — «царствует»: корень-то — от «царя». Англичанин, а американец тем более, — так бы не выразился. Ведь даже в безобидном вроде бы пушкинском «У лукоморья дуб зеленый» — сколько там царей! И «королевич», и «царевна», и «царь Кащей»; богатыри и витязи — воинство Державы: ее образ и статус просвечивают.

И — ПОКОЙ на Руси желанен. «Как будто в бурях есть покой». И у Пушкина: «На свете счастья нет, но есть покой и воля»… Будто покой врожден человеку. А по Генри Форду, работа — естественное состояние человека, первое: ему присуще — быть деятельным. А на Руси — будто лежать и ничего не делать и видеть сны… Как Иван-дурак на печи — чудеса к нему и идут.

Что это? Откуда такая закваска? Из барства — или из сказок еще? Или от Бога: проклятие труда в поте?.. Труд — как проклятье?.. Американец так не может понимать: в этом он — «атеист»: любит труд.

Демократическое богослужение

5. X.91. Ну что ж, начнем обращать беду — в победу. Если б не униженность твоя перед самодовольным превосходством Юза, разве имел бы такое острое переживание разности нашей жизни и Америки, разве ощутил бы себя ископаемым чудовищем, дивнозавром или индейцем, подлежащим искоренению?..

Да, с состраданием оглядываюсь уже на советчину и ее патриархально-инфантильный стиль (в котором я заквашен и который имеет свои благости и мудрости) — и вижу это как стиль жизни племен индейских, где Гайавата и Навадага = Федоров и Светлана, и я возле них… Ведь и Федоров — за благое самодержавие и руководство народом, как и Платон в «Государстве»; ибо сам по себе человек на благо не пойдет, а будет падать и звереть.

Однако опровержение этому вчера поразительное взвидел — нет, вслышал. Когда вышел промяться, закисши, и двинулся по направлению к кино, услышал пение в церкви. Захожу — поют хором на многие голоса гимны. Люди и пожилые, и молодые, и средние, интеллигентные, — да с такой радостью, увлечением и красиво! Поочередно выходят дирижировать. Одна — так просто ликовала, танцуя и улыбаясь: именно такой радостный танец перед Богом было это ее дирижирование. С развевающимися седыми волосами, она была прекрасна, как от земли оторвана, летела — и все с нею. Такая «осанна!» звучала… У всех перед собой толстые книги, и там на четыре голоса расписаны партии и тексты. Они поют — и душу свою изливают и питают красотой, умащают божественным миром. Будто ангелы славу в вышних поют — такими себя тут чувствуют дневные клерки и профессора, секретарши и продавщицы. В углу мальчик мирно складывал кубики на полу. Потом отец его, полумексиканской наружности (а большинство — англосаксы), взял сына на руки и понес в центр: пришла его очередь дирижировать. Он объявил номер гимна и с ребенком на руках стал дирижировать. Мальчик улыбался, и всем было так радостно! Так вот оно — самодержание личностей себя в Боге — общиной, без посредника — священника-наставника! Напрямую с Богом — и друг с другом, братия равнорадостных тружеников и в материи (днем), и в духе-Боге и музыке (по субботам-воскресениям).

Мне самому захотелось петь с ними — и я имел позыв и предчувствовал: как бы душа моя, свитая во мне и угнетенная одиночеством, расправилась, окрылилась, полетела — выпустилась бы на волю и радостно плескалась в небе и в сиянии

славы Господней! Побыла бы душа в ангельском чине — в этом пении, в процессе его. И это они все испытывали — эту купель-омовение в сиянии славы, душу свою в ангельстве, как в ванне, искупав, — и так на всю неделю зарядку Божьего питания получают.

И вот подумал: пуритане-переселенцы в Новый Свет были уже вышколены Богом и цивилизацией: не звери, а человеки с Богом в душе и потому не нуждались в ином руководстве — властей и полиции, чтоб сохранять и развивать человеческий облик в себе и вокруг — вносить его в природу, ее цивилизуя. «Молись и трудись!» — эти две заповеди вынес Конрад Хилтон из детства в семье — и достиг успеха в бизнесе: по всему миру теперь отели «Хилтон».

Да ведь самые крепкие индивидуалисты были эти плебеи-пуритане в Англии. Даже аристократы — еще коллективисты: родами-кланами жили и вокруг трона-двора-короля сплачивались, пуповину родовую не оборвали, инфантильны. А эти — самостоятельные работяги, все умеющие сами, опирались на себя и на Бога, ни на что более. И потому отважились пересечь океан и на тот свет выйти.

Такой образованный уже цивилизацией и Богом индивид — Робинзон. И его, кстати, — в модель англичанина дай…

В России подобны были старообрядцы, а и новообрядцы: баптисты, молокане… все секты. Но стояли человеки — общинами, а не сами по себе. Хотя были так воспитаны строго и высоко, что и сами по себе могли стоять достойно — и в лагерях, и проч.

А так-то лишь пастырством церкви и власти русский человек, вечный отрок, не муж, недоросль, удерживался от падений во вора и зверя. Самостоять — не мог. И на такого человека рассчитано было и самодержавие, и советская власть, и Общее Дело Николая Федорова — это высшее проявление патриархального принципа: со святой организацией людей вокруг высшего дела, а не тратя силы на новую вариацию бикини или зубной пасты, или очковой оправы… В этом возможна простота и аскеза. А в Духе — варьируйся!..

Хотя одно — к одному, связано все. Тогда эстетически-художественный подход покажется излишним, ненужными вариациями. И пойдет Савонарола жечь картины Ренессанса, а пуритане — рушить театр Шекспира…

И тем не менее по простору России, с реденьким ее населением, неестествен принцип робинзонов-фермеров, но общинами-отрядами (как деревни, села, сходы, колхозы, заставы…) присуще осваивать сей Космос. И нужна благая власть

и руководство из центра и хозяйничаньем — оттуда импульсы, направление…

А броуново движение индивидов без царя в голове — не приведет к самоорганизации рынка. Оно к этому приводит в индивидах, заряженных ЖЕЛАНИЕМ — работать, разбогатеть, делать что-то. А у нас — лишь негативный заряд: или ничего не делать, тяга к покою, забыться и заснуть, созерцать — или, у деятельных, — своровать, расхитить, разрушить…

И даже «путчисты»-переворотчики недавние — больше с типом русско-советского человека сообразовывались, нежели победившие демократы-западники, что глаголят о «рыночной экономике», которую некому у нас развивать. Просто так всем опизденело все, что на этой волне отвращения легко снова рушить все и на этом быть популярными. Но строить берутся — без учета метафизики страны и психики человека, каков он тут сложился — по космосу, психее и логосу. Это мне в удивлениях России со стороны моих американских студентов — особенно чувствительно.

Наш крестьянин в деревне — выработает на себя, но излишки производить не станет; на х-я ему уродоваться? Он себя обеспечил: еда есть, телевизор есть, водка есть, а лучшей жизни ему не надо. Зарабатывать же деньги на поездку за границу или на расширение хозяйства — ему не надо: еще рисковать, вызывать зависть и навлекать вора и убийцу?..

И вот почему город — голод получит. Ибо наш заквашенный на руководстве крестьянин избытка продуктов по своей воле производить не станет. Нет стимула и желания в психике — жить лучше. А лишь бы и абы — жить! Особенно глядя, как горожане подыхают с голоду, а все равно никакого путного товара произвести не могут.

…Что-то такое влечение к своим пронзило, что побежал звонить — и пробился сразу, однако, никого дома нет. Хочется крикнуть:

— Все чужое! Только с вами в семейке — жизнь! Хоть и подыхать вместе — обнявшись и глядя в глаза и в душу — вас, таких возлюбленных и высоких!

Так и вижу души моих девочек вытянутыми вверх — как на фресках Дионисия, удлиненными, грандиозно крылатыми…

— Не могу, МОЗЬМУ! — хочется Светлане застонать. Слово Ларисина детства употребляя: «возьму» как «мозьму» произносила.

Чувствую, что и там по папину голосу истосковались — и так же навстречу мне рванется чья-то душа из них, как тогда Лариса вскричала: «Папа! Гоша! — это ты?!»

Подтверждение существования — только в родных, семье имеем. И так все — каждый «простой человек».

А потом прошелся дальше — и там студенческий театр: легко и весело какой-то спектакль ставили. Я не преминул смотреть («примкнул» в оригинале: не разглядел слово. Но и так можно. — 25.7.94). Так мило, когда юноша играет пятидесятилетнего, а девушка — бабушку.

Да тут, не выезжая из Университета, можно страшно интересно жить. Только разгляди все афиши. Бесчисленное множество разных собраний по интересам и группам! Цветение культуры. Так что нечего тебе стремиться выезжать куда-то смотреть Америку. Тут она — в интенсивности своей и в позитиве. Только приникай и приглядывайся.

И студенты — такие свежие и легко отзывающиеся умы! Вот в английской группе позавчера занимались Генри Фордом (он важнейшая во американстве фигура, важнее Вашингтона и Линкольна), и я предложил им подумать над философией человека в автомобиле. И сразу отозвались:

— Приводит к разделению семей — сепаратизм. Можно не жить вместе.

— Все время переезды, переселения.

— Исчезло Пространство, понятие Дали.

— Ну а минусы какие? — им я. — Учитесь и негатив видеть во всяком явлении.

— Окружающая среда отравлена — воздух.

— Человек уж и живет в автомобиле: там и телефон, и компьютер, и спальня. Зарылся…

— И ног ему не надо!

«А вместо сердца — пламенный мотор», — припомнил я советский авиамарш тридцатых годов. Вместо ног — колеса. Так что обычай пионеров-первопроходцев: ноги на стол — был как бы заявка-воление американской психеи: отменить их! — в ответ на что и изобрелся автомобиль…

Но, конечно, не знают студенты европейского наследия культуры — мифов и проч. И вот что еще мне объяснила хозяйка салона в Рассел-хаузе:

— Сейчас движение к равенству меньшинств и их культур приводит к тому, что мифы Греции уравнены в правах с мифами племени — банту, например; а литература Сенегала претендует равняться с литературой Франции. И вот — калейдоскоп культур, множество мелочей…

— Да, европейской культуры наследие — как общий язык было. А теперь что же — пропасть ему из-за демократии и равенства? Нечем понимать будет друг друга.

Сейчас здесь помешались на правах меньшинств — и такие они агрессивные стали: черные, цветные, женские и проч. Последнее-то, впрочем, — не меньшинство, а «половинство» рода человеческого, так что…

Читаю Дерида.

Разбил вторые очки — уже смеюсь

6. X.91… Но тут приехал Майкл Холквист — и увез к себе в Йель на уик-энд… Но доскажу мысль, что тогда пришла.

Эти Дерида и постмодернисты — это с жиру бесение Духа: кастальские игры — сытых и пресыщенных — и благами житья, и культурой. А вот наша савейская ныне сирость и нищета — всяческая: и телом, и хлебом, и духом — побуждает нас страдать и писать; и если писать, то снова о существенном и экзистенциальном, серьезном; так что наше писание снова веско, как и тексты прежних времен. Напоены субстанцией.

Ну а теперь — о том, что меня ныне е-ет, треплет… Ведь разбил и вторые очки — запасные! А ведь подвесил их на спёциаль- ный шнурок вокруг головы, что мне Суконик дал для катанья на велосипеде, — и сидел на террасе у Майкла и Катерины и читал газеты, сняв очки. Они висели передо мной на шнурке на шее. В это время проходил их мальчик Себастиан с тарелкой и что-то замешкался у двери, затрудняясь открыть. Я рванулся помочь и — трах! — очки от резкого движения сорвались и упали на пол. Я со страхом припал смотреть — разбились! И теперь уже именно левого, зрячего глаза стекло… А мальчик тем временем себе дверь открыл и прошел. Напрасен был мой порыв!.. И тут я уже не мог страдать, а был так поражен целесообразностию ударов по мне в одно место, что увидел в этом некоей Высшей силы вмешательство — Судьбы, или, бери выше — Бога самого! — что даже некое эстетическое удовольствие от последовательной логичности сего — получил.

Напомнило это анекдот, или притчу: как некий правитель шлет брать подать с села или города. Когда первый раз пришли с податью, он спросил: «Ну как они?» — «Плачут», — ответили ему. — «Идите снова и берите далее». Когда второй раз пришли: «Ну как?» — «Ревут!» — «Идите и берите еще!» Когда вернулись: «Ну как?» — «Смеются!» — «Ну вот теперь у них ничего нет — более не ходите!»

Так и со мной ныне. Почти. Ибо еще могу смотреть в левое стекло одних очков при разбитом правом. Да и во вторых очках левое стекло так удачно разбилось, что фокус зрения не повредился в центре (а стекло в нем особое: его еще лет 5 назад в прародинной мне Болгарии с цилиндриком специально сделали), так что еще можно, если никто не видит, в темноте — кино, например, смотреть. Но — опасно: единственным глазом гляжу в разбитое стекло!..

И вот сегодня Катерина предложила поехать в мастерскую

оптики и сделать очки на «молл-маркет», там дешево, — говорит. Приехали. Подошел лощеный хлыщ, проверил мои диоптри и говорит, что он может делать только очень хорошо, и надо сразу делать новые очки на два глаза — иначе ему этика мастера не позволяет: человеку с одним глазом даже малый риск опасен… И каждая пара будет стоить — 136 долларов!..

А я как раз прочитал сегодня в «Нью-Йорк-тайме» про трех советских рабочих в Польше, кто нанялись подпольно и получают 10 тыс. злотых в месяц, что равно 128 долларов, или 4000 рублей!.. Да это же и 8 месяцев моей зарплаты в Академии наук!

Я обомлел — и отошел… Но как перебиваться? Я б и так ходил — с зиянием в оправе, да постыдно перед студентами…

Нет, эта жизнь не для пошехонца!

А что такое очки у нас были? Пустяк! Незаметность! Ну —6–7 рублей. Я и носил-то их без футляра в кармане и небрежно клал-бросал куда ни попадя. А тут — о, суки! — знают у людей уязвимые места и дерут монопольно. Какая тут может быть себестоимость стекла да оправы — при нынешней-то технологии? Смешно — небось, центы. Как у нас спирт-водка…

Вот как медики наживаются на дрожи людей за свое здоровье. Особенно еще — психиатры! Сначала запугают человека всякими «неврозами» и «комплексами» а-ля Фрейд (тоже, кстати, еврейская форма господства над сознанием и жизнью людей в XX веке, наряду с капиталом и марксизмом-социализмом) — м тогда уже человек попался: на их беседы и якобы лечения ходи — и плати, раскошеливайся! К психиатру, как к духовнику, ходи исповедуйся! Вот перекос-то религиозный христиан: вместо молитвы «да будет воля Твоя!» — ходи исповедуйся еврею-психиатру, в атеизм и «науку» впадай; хотя тут тоже мифология и морок. Сотворение себе кумира, наваждение и отвод глаз.

О, б…, как подсовывает бес «логичное» умозаключение: мол, «Евреи! Кругом одни евреи!» — аж боюсь…

Ладно, сойди с этой маниакально засасывающей темы…

Может, тебе положена какая-то медицинская тут помощь бесплатно? Завтра проверь. Хотя смеются тут над русскими, что так боятся платить долларами своими заработанными. Присцилла и Юз… Потешаются. А я себя пошехонцем чувствую и сострадаю себе подобным бедным русакам…

А с каким щегольским пренебрежением этот, в оптике, хлыщ высокий выбросил в корзину листок с данными о моих стеклах, которые, отойдя, проверил на каком-то приборе! Я попросил дать мне, он — нет! и выбросил. Ну, понятно: не давать этим мне облегчения и где-то в другом месте справить себе стекла… И все же у нас запросто бы дали — жалко, что ли? Чего мелочиться-то?

Да и не свое — государственное!

Все понятно. Однако же…

Новые уразумения про Америку

Ехали с Майклом в кино, и когда выстроилась очередь у светофора и все послушно ждали при красном свете, я понял: так вот почему так законопослушны американцы и математико-логичны! Потому что ежесекундный тренинг на законопослушание проходят, дрессируются, сидя в своем автомобиле. Тут уж железный закон и смертная казнь за непослушание. А также в кровь и подкорку и автоматику им вгоняется бинарно-компьютерная логика; «да — нет». Ибо так правила уличного движения, «трафика», построены: на два лишь варианта.

Так что и правосознание, и логика американца во многом — функция его жизни в автомобиле в качестве нового кентавра: «человек-в-машине» — man-in-a-car. А ну, как прозвучит новообразование это по-русски? МЭН-ИН-Э-КАР. Неплохо. Заморски…

И мышление их вышколено на прямолинейно-бинарные ходы, а не по бокам глазеть и причудливо петлять, как по тропам и ложбинам природы и в лесу русаки еще чудесят, где «у нас дороги плохи» — вечно: от Пушкина до наших дней…

Кстати, Катерина Кларк сейчас взяла тему «ПРОМЕТЕИЗАЦИЯ ЯЗЫКА» — об учении Марра и в ладу с Троцким — о едином новом языке: чтобы там, как и в сознании и в человеке, переделать все, и логично и ясно мыслить и говорить, без крестьянских диалектов и мата. Тут и Горький был согласен — пурист. Чистки партийные — и в языке!.. Взыскание единодушия и единоумия.

И тут я понял, почему так барочно пишу — с инверсиями и неологизмами и образами, и витиевато: да убегая от прямолинейности идеологии и советского воляпюка казенного. Порезвиться на пажитях языка вольного, как на лужку природы, на воле — конь гулял! На незанятом пространстве слова. Сбоку от шоссе и магистралей.

Американский футбол

Потом ходили на американский футбол, и дивился я. Стоят команда против команды, набычившись, и даже как орангутанги: длинные руки-конечности спустив к земле, как на старте для бега. Потом бросаются на мяч, наваливаются друг на друга, кучамала. Если кто успеет с мячом вырваться и убежать — на него бросаются, валят за ноги. Задача — продвигаться поступательно с линии на линию на поле противника.

— Да это ж бульдожья хватка! — говорю.

— Верно: и патрон этой игры — Бульдог, — сказал Майкл. — Видите: на нашей стороне, где команда Йеля, — черный бульдог: это человек в маске и шкуре. А на той — белый.

Прямолинейное упорство в достижении цели — шаг за шагом. Но не маневренная игра с пространством, как артистичен в этом европейский футбол. С воображением. Английским, русским, итальянским. Как и войны в Европе маневренны. Наполеон…

Тут же — обезьяньи членистоноги, как у Линкольна узловатые конечности, — в цепком ходу. Много динамики, напряжения энергии — и меньше кинетики, движения. Ну да: человек тут = мотор, электричество, воля. А движение — это уж не ему, а машине…

— Спорт вообще очень большое место в американской жизни занимает, — Майкл отметил.

Ну да: тренировка упорства в достижении цели. И школа брутальности и соперничества — не мягкости, галантности и взаимности, как любовная игра во французстве, например…

Но как перерабатывают! Переутомляются в работе. Об этом кино, что вчера смотрели: «Кинг Фишер» — о том, как Чашу Грааля сумасшедшие искали в Нью-Йорке. И видишь, как перенапряжены нервы работой у них. Стрессы. Сгорают — до видений и чёртиков, до психопатии и наркотиков.

О, американцы — это люди-огни. Языки пламени. Заряды. Тото с легкостью снимаются с мест переселенцы и преодолевают тягу матери сырой земли в Старом Свете, а в Новом она уже им не мать, так что легко орудуют с нею — без священства и пиетета. И легки, веселы, бессовестны, энергетичны, заряды…

А русский человек — понял! — не может преодолеть ГРАВИТАЦИЮ = притяжение Матери сырой земли — и гасится: не хватает огня взлететь — лишь «рыцарь на час» (Некрасов), «проблеск» (Тютчев), «недоносок» (Баратынский). И тянет к покою — сразу: «забыться и заснуть»…

И европейская механика закон инерции априорно приняла: стремление тела к покою или равномерному (монотонно-сонному) движению, тогда как американская механика бы по крайней мере в аксиому равноускоренное движение положила: ибо человек тут за жизнь разгорается на работу — разрастается его дело в объеме.

8.30. Позвонил математику из России — Саше, и он обучал меня: как тут чеки и страховки и что вряд ли мне за очки заплатят. Вообще — темный лес для пошехонца, но все-таки прояснил что-то.

А когда я сказал, что собираюсь заработанную сумму — в 9, ну — в 7 тыс. долларов ввезти в Союз, он:

— Да там же криминогенная обстановка! И где хранить? Дома? Узнают — ограбят, убьют… Во всяком случае, пусть Вас встретят с машиной, а то таксисты или ограбят, или наведут на след, и к вам потом придут…

Ой, страх!

Но вот включил музыку классическую — и снова питание чистое получил, страхи разгоняются. Вот где все без обману — среди этого лживого и криминального мира — что тут, что там…

Ну, давай лекцию сочинять садись.

Где вы, мои любимости?

[6]

7.*X*. **91**. *Вчера — как к горлу подступило: позвоню! МОЗЬМУ!*

И вот услышал вас — где вся моя жизнь и место. А тут — чужбина. Таким нелепым пошехонцем себя тут чувствую — особенно с разбитием двух очков подряд за три дня, за два даже! Очки, о которых и не думаешь: кладу в карман или бросаю-забываю, где угодно, — ведь у нас 6–7 рублей будут стоить, — тут 100–136 долларов! То есть 15 тысяч на наши! Я взмаливаюсь: я одноглаз, и, слава Богу, в одних очках разбилось стекло перед глазом, которым не вижу. Оно и было-то простое, без диоптрий, — так вставьте стекляшку просто!

Нет, так не берутся, а лишь очковую пару делать! Ну, по снисхождению один кореец — за 35, потом — за 27 долларов. Наконец, сегодня в одной оптике мастер взялся за 20 простую стекляшку вставить — просто чтоб дыра не была перед глазом, чисто декоративно-косметично. И за это заплачу 700 рублей по-нашему, то есть полтора месяца моей академической зарплаты!

Как тут не рехнуться и не заугрюметь?

А местные, привившиеся, как Юз, еще и потешаются над тем, как я жмуся. И чувствую себя постыдным и одиноким.

А так-то мне ничего не нужно — лишь бы девочкам! мамочкам!

Несколько раз Юз возил на распродажи, и купил джинсов, джинсовых юбок, рубашек, свитеров. Но главное — впереди. Хорошо, что помогают выбирать. Еще Суконики в Нью-Йорке помогут.

Ой, еще два, почти три месяца!

А работать — приходится. Перечитывать произведения — и писать английские тексты. Можно себе облегчить, если заранее заказать ксероксы текстов студентам для чтения и разбора, но по русской неорганизованности запаздываю, и больше нагрузка на меня ложится — рассказывать. А так бы — прочитали и сами что-то бы говорили. Завтра попробую поисправить…

С русской группой легче. Позапрошлый раз «Обломова» разбирали. И я вдруг разобиделся за лежащего и ничего не делающего русского: Вы что думаете — только вещи делать материальные — это работа? А в Духе, а в чувстве — в этой «материи» гигантскую работу сделали русские. Давайте на следующий раз — Лермонтова почитайте!

Подобрал им десятка полтора стихов — и, кажется, проняло их: поняли, какой труд тут может делаться, какие энергии и

перенапряжения. Завтра «Ревизора» будем разбирать. Давал «Грозу» — купечество почувствовать, «Хоря и Калиныча» — для русского мужика и «Мороз, Красный нос» — для крестьянки. Хочу дать положительный русский Завет — почти школьный набор. Еще «Отцы и дети», «Что делать?» (отрывки) и из «Записок из подполья».

И советчину хочу в позитиве ее чтоб поняли — ее миф о себе. «Как закалялась сталь» и «Педагогическую поэму» дам. А то тут все воспитываются на Пастернаках да Набоковых, Ахматовых и Солженицыных — ругательно.

Сегодня понедельник. В субботу в 12 заехал Майкл и привез к ним на «уик-энд» — месяц с лишним не виделись. Все более оцениваю их — и Катю, честную труженицу и мать. Постарался минимально их собой занимать — просто побыл при их жизни. Правда, вот очки у них разбил, и Катя возила в оптику…

Да, отдал ей твой долг — 100 долларов. Она сказала: «Не надо». Но я настоял и оставил. Мало ли что в будущем будет надо — тебе или мне!..

Вчера в полпятого Катя привезла меня сюда, и с тоски я взалкал — и позвонил вам — у вас ночь, 12. И сразу прорвался — аж не поверил! А ты и не узнала сперва…

Еще возникла идея: поездить мне по разным городам-университетам в эти 4 дня мои между классами, почитать лекции и еще заработать. Попросил меня рекомендовать — но и забоялся: не помешает ли моим тут регулярным занятиям? Пока лишь их и успеваю без натуги делать… Питер Реддауэй звонил и устраивает мое выступление в Кеннан-центре. Еще у Майкла в Йеле прочту.

Однако оторвусь. На завтра надо досочинить. 9 вечера уже.

9. X. 91. *Ну вот — сообразил устроиться: подложил еще экземпляр под копирку — я так и письмо вам, и записюрьку себе стану сразу писать. Давно бы так! А второй экземпляр буду вам посылать, потому что там бумага легкая — под ихней копиркой, что специально с бумагой соединена, — так что больше страничек в конверт войдет.*

Ой, снова немного успокоился. А то вчера лекция и занятие с английским классом было мало удачное. Я им не подготовил текстов на предыдущем занятии, так что они не читавши пришли, и пришлось мне больше вякать; а потом, когда попросил их высказывать мысли, и они начали, — они опять забыли мне медленнее и отчетливее говорить, как я просил раньше, — и торопились, и комкали слова, да еще и сидели в разных местах отдаленных просторного класса; я подходил к каждому и не все понимал, — и было у них разочарование, что я не всегда реагировал, а у меня — угнетенность… Так что я под конец устал

душой.

Зато через час взял блистательный реванш в русском классе: разбирали «Ревизора» — и вместе думали, и хохотали, и я на ходу нападал на новые уразумения и увлеченно развивал.

Но тоже выдохся под конец. И решил теперь сделать, как тут профессора делают: подобрать книги, из них нужные мне страницы указать, отнести на ксерокс — и там сделают, а студенты придут и купят, как и было с текстами Уитмена, Адамса, Форда, — и тогда занятия хорошо проходили: у них копии были исчерканы их пометками, они рвались говорить — и с меня нагрузка спадала. Так что минут 45 обсуждали, и минут 45 я им новое читал иль говорил. Так легче.

Вот с утра уже сходил, подобрав книги со вчера, — на ксерокс. Буду Россию в английском классе на нескольких занятиях давать. И даю им переводы на английский: «Медного всадника», из «Обломова» главу I и «Сон», «Ревизора», набор стихов Пушкина, Лермонтова, Тютчева, Блока, «Легенду о Великом инквизиторе», «Челкаша». Песни о Соколе и Буревестнике и «Двенадцать» — да почуют благородный заряд советчины. А из мысли русской — нашел тут кусок из Федорова в Антологии «Вопрос о братстве» — страничек 30. Раньше собирался давать Чаадаева, «Письмо к Гоголю» и Речь Достоевского о Пушкине, но раз выбирать (а много им давать нельзя, времени мало), то что выше и характернее?.. Так сделаю и в русском классе потом. Так что я тоже ваш и наш — и свой (Федоров тоже мне уже свой!).

Успокоился несколько насчет комплекса пошехонца тут. Вчера уроки проводил с одним стеклом в оправе очков (второе мне мастер, разбитое, вынул подальше от греха, пока найдет замену и вставит — сегодня должен…) — и забыл про это, и они, может, не заметили.

А вообще неприятно — и мне: какой-то взрыв — жадности или растерянности? Но еще об этой моей «проблеме» узнала вся кафедра, и, верно, смеялись над очередным советским русским, или, как Юз презрительно называет, над «совком» («совок» = советский человек). А я, напротив: сначала пострадав, начинаю облекаться в «у советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока!» И все более себя чувствую НАШИМ и задним числом восцениваю бедную советчину, так уж наповал поруганную, которой я ведь — сын! С этим ведь родителем провел всю жизнь. И пусть он промотался и вышел дурак и пьяница, да так ведь и сын может быть вор, а мать его любит, и тот выкалывает «не забуду мать родную» — на руке.

1.20. *Ну и жизнь! Прервался в без десяти 12 и пошел по приглашению на ланч профессоров с докладом одного историка на*

тему: «История — описание или «нарратив» = рассказывание»? А там — ланч сервирован: вино, соки, сыры, булки, фрукты, виноград… И я набрал и ел, и слушал их умности. Пришлось и представиться: «Я — приглашенный профессор из Москвы, читаю курс «Национальные образы мира»».

Сейчас вернулся к себе по лужайке: все тут рядом. Выпил кофе — оно в свободном доступе в офисе для сидящих там; но я не сижу, а захожу из домика рядом. Вот выпил — и к себе, и тюкаю.

Но как эти холеные ученые шутят, улыбаются, свои профи-игры разыгрывая! История реальная их не касается — американцев вообще (они одни и те же, уже двести лет, лишь заполняют и совершенствуют структуру; история — занятие Старого Света. **— 28.7.94)** *и профессоров гуманитарности, в частности. А у нас-то! Чтоб шаг практический сделать, надо историю понять, историософию: где мы? на каком витке и какой траектории? Экзистенциальный интерес имеет для нас история, а там она — случайно прагматиками делается, реагирующими на просто жизнь, — и хорошо получается; историкам же — лишь играть в свои кастальские игры. У нас же решит один волевой правитель: что виток истории именно такой и вот что надо делать, — и пошел корежить страну и людей! И Петр знал, чего хотел, и Ленин, и Сталин… — а что вышло?..*

Да, у нас все равно сверху и державой история делается: иное — не по русскому космосу, броуновым движением ему не упорядочиться, как вон в Америке вышло. Так что идея нам нужна — понятие, чего хотеть, делать и как… И тут сразу — конфликт с чудесной реальностью России: какой-нибудь фортель непредсказуемый да выкинет.

Тут вот студенты удивляются: у русских что — нелады с логикой? И у Пушкина нашли бунт против нее.

Вчера толковать «Ревизора» начали, и они нашли, что все там — «имморал» = безнравственны.

— Да, конечно, — говорю. — И все забавны и прекрасны — эти плуты и мошенники — как гномики из Диснейленда, живчики!..

Стали искать все же положительных там персонажей. Одна нашла:

— Марья Антоновна! У нее ясный взгляд, и не дала соврать Хлестакову: «Маменька, «Юрия Милославского» господин Загоскин написал!»

— Она моральна, потому что молода, еще не успела… — я, было.

— Нет, она и потом маменьке умно перечит, — настаивала дева. Она же нашла, что и Осип — положительный, умный, в нем здравый смысл. И тот учитель, что про Александра Македонского

со страстью рассказывал.

Я восхитился этим американским наклонением ума, видения. Я сам включился искать тут положительное. Напомнил, что сам Гоголь сказал, что СМЕХ — вот главное положительное «лицо» в его комедии.

Но еще и так понял: ведь в этих плутах жизненная сила, витальность, они чего-то хотят, они живчики. А это в русском космосе роковой усталости и анемии с детства, где паралич воли — от земного тяготения матери сырой земли, — любая жизненность тут есть ценность. Хотеть чего-то — уже плюс. В Америке Желание — великая категория. А у нас она — в отпаде. Эти же, в «Ревизоре», мошенники, бутузы — как детки: чего-то хотят, пусть животного и примитивного. И в том городе — кушают люди! Завидноупорядоченное то гнездо-утопия — в сравнении с нынешним-то хаосом, энтропией и выморочностью. Полножизненны!

Кто-то обратил внимание на то, как много и разное у Гоголя едят. Я припомнил, что и в «Мертвых душах» им отмечено, как кушают «господа средней руки», какой у них аппетит. То у Гоголя, возможно, — оральный секс, детский, так как женщины, похоже, он не знал. И тут же припоминаю, что умер-то Гоголь — оттого, что заморил себя — голодом! По идее-науке-вере! И это — он-то, такой поэт яств!

Характеристику Гоголем Хлестакова — как «без царя в голове» перевели по-английски: scatter-minded = «с разбросанным умом». Вникнув, я понял: «без Царя» = Свободный! Свободный — от личности, от центра «я». Но все же свободный человек — вот он!

Припомнил, как моя жена прозвала Горбачева «помесью Чичикова с Хлестаковым» (такой же хитренький-обтекаемый прагматик, как Чичиков, и такой же розанчик-балаболка, падкий на лесть, зарапортовывается, как Хлестаков. **— 30.7.94,),** *и о сегодняшнем поговорили. И завиден предстал их, в том городке, «застойный» порядок и жизнь. Ведь даже чудаку — учителю истории жить давали (как мне, интеллигенту, в брежневские, нежестокие времена).*

— А отчего же все боятся друг друга? Страх?

— Может, потому, что лгут?

Я тут было попытался углубить: в подспуде — первородный грех, метафизическая ложь человеческого существования вообще, так что Совесть — главный Ревизор… А потом попроще понял: ведь в причудливом российском складе бытия — прямолинейность не работает. Вот и приходится всем изворачиваться, то есть, кривить, лукавить = лгать по-разному. (Жизнь есть ЛЖИЗНЬ — такое словцо-понятие у меня на этот счет изобре- лось. **—**

30.7.94.,) *Вот и я всю жизнь лгу: обворовываю Академию наук — ничего-то на нее не делаю, пишу — в себя, а зарплату беру… И вот эти забавные живчики — хотят чего-то, интересы имеют; да ведь не жестокие они: не убивают, а лишь плутуют — ну и ради Бога! Они — милые!*

На это одна меланхолично:

— Вы говорите: «Милые»! А каково Лермонтову жить среди таких вот «милых»?

И с этого новый виток споров пошел — весело, интересно!

Полезно, конечно, в старости и закисании выйти на цепляния молодые и обратную связь идей… Но сил уж мало — преподавать, и поздно. Опять придется засесть дома — и старое делать, а не новое… Ну ладно, пока. Надо очки ехать чинить. 2 часа уж. А потом — к завтрашним лекциям готовиться: «Отцы и дети» освежить, а главное — буду начинать Россию по-английски рассказывать, и надо написать про нее — людям, которые ничего не знают: ни о варягах, ни о Петре Великом и проч. Попробуй-ка! Только о Горбачеве что-то слышали… Зашел в «офис» напротив — сделать один ксерокс. Встретил Юза. Матюкается — артистично. Понял: МАТ = Логос Матери сырой земли. Мы матом греемся, как водкой = огневодой.

Ну, обнимаю. Отошлю. А то заложу — и будет лежать.

У-м-м-м-у-у. Целую. Ваш Па-Гоша.

Передумываю россию американцам

11. X.91. Дорвался, наконец, — до излияния души: ее попитать на своем просторе. А то — переработался эти дни. Вчера аж чуял, что жизненная прана стала меня покидать. Это не шутка — выкладываться перед студентами — как актеру, музыканту-импровизатору на ходу. И не выходит обоим классам быть хорошим. Вчера английский был удачен, а русский победнее — с «Отцами и детьми». Надо самому напирать, источать идеи — тогда и они загораются. А тут я, выдохшись на английском классе, ждал от них удивлений — и лишь реагировал, а не заводил.

Но удивил позавчера и самого себя: настроясь на американских студентов, написал вечером некое Введение в Россию — 9 страниц, и шпарил, как по-русски почти быстро — так расписался. Конечно, слова — примитивные и без игры ума, но мысль удавалось выразить. Аж жаль, что этот текст — на английском: там естъ идеи и построение, что на русском бы хорошем пошли…

Войдя в класс, попросил я теперь их задавать мне вопросы о России и советском, их удивления и непонятности. Посыпались:

— А что: Советский Союз и Россия — одно?

— Да, Союз — продолжение России.

— А как с рыночной экономикой?

— Как с КГБ — что это такое?

— Почему у вас говорят: «Они (власти) притворяются, что нам платят, а мы притворяемся, что работаем»?

Им непонятно нежелание зарабатывать.

— Да ведь чтобы ЗАработать (= за работой, после нее хорошо жить. — 30.7.94) — работать надо, усиливаться! — говорю. — Быть беззаботным — тоже радость, не меньше, чем быть богатым: ведь с богатством заботы связаны. А русские предпочитают быть беззаботными — эту форму удовольствия жизнью выбирают. Ну, скорее, за них так выбрали История, склад и судьба России, с кнутом власти и государства.

И вот сейчас допираю: русским присуще было самоудовлетворение: производить лишь сколько нужно на себя, свой дом и семью. Без излишка, так что даже не товарное хозяйство. Как вон в Обломовке или в провинции, где «Ревизор». Самозамкнутые организмы — не открытые наружу, в мир, на обмен и любопытство, и обогащение.

Значит, городам и власти, и культуре, и литературе невозможно было бы тут возникнуть — при самотеке. А лишь при

нажиме и форсировании — со стороны государства, при его цивилизующей роли.

Сейчас распустили Государство, играя в демократию и Запад, — и будет голод и воровство, и смерть. Позвал меня русский студент из Иркутска Алексей, что по обмену тут, смотреть программу «Время» — ужас! Голод, а силы тратят на отделение республик: взяли у Ленина принцип «самоопределения» и шпарят в эту дуду, все силы наций на одоление сил сцепления тратя, а не на вертикаль — производства. Столько веков создавалось Государство — как орган цивилизации и культуры в России — и вот все в кашу.

А все более — еще и сравнивая с Америкой и ее основанием на самостоятельном активном индивиде — вижу, что нуль этих качеств сейчас в советском мужике и работяге; даже не нуль, а минус, ибо запуган и изувечен веком советчины, так что хуже, чем в начале века, — много хуже и бессильнее, и растленнее. И потому: чтобы не погибло все, а медленно переходило на новые рельсы, нужно постепенное воспитание — при сохранении сильной власти и ее роли в экономике и культуре. Это — по Русскому Космосу.

Да, это важнейше: русский человек на земле и на заводе сейчас — минус-работник и добытчик. Уже хорошо, если себя и семью-то прокормит. А то и того нет — у пропойцы и вора. Как вон Васька Воробей (мой сосед в деревне. Ну, не вор он… — 30.7.94). И никакого избытка и товарного производства, что будто накормит города и индустрию, от него такого ждать нечего…

Так что то, чего хотел неудавшийся ПУТЧ, — правильно, по стадии России: прекратить полный развал и смерть переходного периода в его самотеке, а приорганизовывать. И естественно партии и аппарату, где все же самые дельные и работящие организаторы сосредоточены, стать капиталистом государственным — и основывать предприятия, и становиться бизнесменами. Но это разрушили: отняли у партии капиталы и роль, дискредитировали — и теперь в асах ходят хитрые торговишки, а не производители.

И похоже, что мягкая диктатура неудавшегося путча скоро заменится жесткой диктатурой — после дикого развала и прекраснодушной болтовни демократов-западников, которые хорошо устроились в перестройке и вечно бы раскачивали бедный корабль России.

Да, невольно перехожу на сторону русофилов.

Хотя надо было дать демократии и националам поиграть в свое — чтобы узрели и свою бесплодность, способность лишь разрушать — тут…

Итак, передумывая для американов русскую историю всю, вижу, что если бы дать нормальным темпом (без подстегиваний) России жить и себя осваивать — при малом населении центральной Руси, где она зачалась, в ее лесах и прогалинах, при мало пассионарном населении, довольствующемся малым, не много производящем и не много рождающем, — то чтобы заселить натуральным расширением и охозяйствить этот бесконечный простор, понадобилось бы тысяч 50 или 100 лет. Но такое — не по темпоритму окружным народам и странам, и они стали нападать и тем стимулировать организацию и структуризацию Руси — в социум, государство и цивилизацию. И так и пошло: под ударами извне и нажимами — и при форсировании уже со стороны Государства мощного.

Так что если американское развитие — искусственно-ургийно, то есть не по органике-воле матушки-природы здешней, то русское развитие тоже искусственно-усильно; но не через Труд, а через Власть. Не через Злато, а через Булат. И это — наш стиль, и ничего тут не поделаешь. Только меру, конечно, надо тут находить. Но с принципом МЕРЫ у нас слабо всегда: заходим в раскачке в крайности…

То есть очередная эпоха СМУТЫ пришла. И как раз после жестокого Грозного мягкий Годунов-Горбачев — и развал. И та же ситуация нечистой совести — только теперь у Партии, у Власти. И потому ослабла в нажиме и руководстве.

Но в этот период нам — не созерцать, а жить, выживать, как последней инфузории, придется, глодая лебеду. Так что запросишь Власти — чтобы не бродили орды воров и грабителей тебя, и убийц запросто, на понравившиеся ботинки позарясь.

Так что и на «подпольных человеков» Достоевского с их персональностями и гонорами: не хочу быть вошь и инфузория! — у нас ныне контраргумент de profundis (= «из глубины» — жизни. — 30.7.94). С голоду ведь вы не дохли! Да, придется выбрать Великого инквизитора, ибо хоть хлеб при нем будет… Лучше все ж быть — хотя бы инфузорией и вошью (Бог и в этом состоянии даст тебе ощутить Божий мир и его благо), нежели с высокими своими гонорами и запросами: считаться с моей личностью и левой ногой и ее капризами, — не быть вовсе.

Разумная теократия (о чем и Соловьев, и Федоров) — вот что подходит как режим для России.

Да, для России. Не для Грузии и Казахстана — пусть отваливаются. Там другие принципы и типы человека и его психики.

Гулял вчера после русского своего класса и смотрения удручающей программы «Время» (тут в 3 часа дня) нашей — с

Алексеем. И он, юрист, опасается, что не провезти мне денег-долларов в Союз. Или на таможне налог возьмут огромный, а таможенник даст знать таксисту, тот завезет — и ограбят, и убьют. А и дома держать — приманка: слух разнесется, что человек из Америки приехал и у него могут быть доллары, — ворвутся, ограбят, убьют — запросто. И детей…

Вот и зарабатывай — на чужбине. Думаешь сделать хорошо своим: на обмен квартиры заработать, Ларисе на мастерскую, — а выйдет хуже: приманка на убой и смерть — всем.

Он, Алексей, из Иркутска в Москве проездом, свои впечатления рассказывал: крысы бегают! Что этот демократ Попов сделал хорошего?

Да, в России — не до жиру демократии, а быть бы живу!

Худо ли, хорошо ли — тот порядок, при «застое» — работал…

Вон и Форд — про американскую власть и денежную систему: все ж работают и как-то справляются. Так что — не ломать, а усовершенствовать, точнее — исправлять постепенно. Так и хотела партия, начав перестройку: поисправиться; но не удержала руль — и вот все летит.

А тут публицисты — с логикою: или-или? Рынок или наше?

«Нельзя быть немножко беременной». Давай вали на всю катушку — и сразу!

Базаровщина, нигилизм.

Но ведь и подпольный человек Достоевского — тоже нигилизм, антикультурность, чистый бунт — уже из самолюбия и «я».

«Я» иметь хочешь, а кусок хлеба?.. И нечего Достоевскому потешаться в «Великом инквизиторе» над человеками, избравшими хлебы. Ибо до предельного голода при Христе не доходило, а «хлебом» символизировался избыток и материальный уклон души.

Американские студенты

12. X.91. Да, куда тебе разъезжать?! В эти четыре дня между лекциями: только успей очухаться — в первые два дня. А потом подготовиться. Так хоть — не прогоришь. А представь: после полудня занятий еще скакать на аэродром, куда-то лететь, нервничать, не понимая: туда ли едешь, в то ли окошко, проход и самолет?.. Нет, это не по нервам моей уж изношенности.

Атак — ничего… Сегодня уже вроде бы пришел в себя. Вчера с утра пописал, потом сходил в банк — взял 100 долларов, собираясь вечером в магазин «Гуд уилл» («Добрая воля»). Потом на ксерокс ходил — забрал книги и отнес в библиотеку. Набрал там четыре тома «Войны и мира» — юбилейное издание. Надо подобрать минимум на чтение своим — вот с приятностью займу время этих дней. И Монтескье «Дух законов»: им главу надо на ксерокс выбрать — о влиянии природы и климата на законы и устройство.

Пришел в 2 домой, обедал: две сосиски сварил, а то все — по одной. Нечего себя мучить. Правда, несчетное количество яблок ем. Потом подремал. В 4 зашел в наш «департамент» — выпил дарового (для членов факультета) кофе — и пошел в магазин. Там рылся медленно: синие вельветовые брюки подбирал девочкам и свитер. Вроде выбрал, но боюсь сейчас: не тесноваты ли? Но — по пятерке. И кеды — кроссовки себе и пару носков — все на 19 долларов.

Но хватит дешевое покупать. Надо им что-то уж и дорогое.

Потом в 7 ужинал, а затем — в кино (тоже даровое) на «Шута»: американский простодушный юмор — от неловких телодвижений, от примитивного клоунства смех.

Рассказывал мне позавчера Алексей из Иркутска про студентов-американцев, с кем вместе живет, как проводят день. Встают в 8.30. Классы — в 9, но немного их: обычно два в день. Потом много спортом занимаются — часа три. После ужина, в 6–7, принимаются за чтение — под музыку. Но тут же телефоны, долго говорят. Потом друг с другом общаются, смешат, могут брызгалкой поливать, шутить — развлекаются так. Главное: ищут и делают «фан» — что-нибудь смешное. Готовы откликнуться на все: простодушны, инфантильны. Потом — в кино. После полуночи начинают слоняться просто: ни спать, ни делать что. Засыпают в 3 ночи.

Самое влиятельное у них — феминизм! Девушки — как мужчины, да еще мужественнее хотят быть. Знакомятся сами. Ухаживаний не принимают. Вообще все весьма пуритански, хотя

могут и изнасиловать мужчину. Нас стараются презирать. Ничего романтического, ироничны и к любви. А — товарищество, дружба. (Наверное, как и на советчине в 20-е годы, думаю.) Но занимаются мало, и непонятно, какое добудут образование.

— Так их японцы обгонят, что старательно штудируют, — говорю. (В английской группе у меня студентка была: Ямаширо. Она написала курсовую работу на тему «Уитмен и Ницше. Два национальные варианта Сверхчеловека» — сама тему предложила и ярко сделала! — 30.7.94.)

— Тут, в Весленском университете, — оплот либерализма. И студенты что хотят, то и выбирают: классы, курсы. Но и могут выйти отсюда совсем без фундаментального образования. Например: запишется на курс классической музыки, сидит и слушает симфонии — без анализа и музыковедения. Другой курс — какую-нибудь генетику он же возьмет. Конечно: причудливые сочетания — и это интересно. Но ведь дети поступают — и что могут выбирать?..

— Выходит, наше государственное программное обучение все же некий фундамент общей культуры лучше дает. А затем — разнообразь сам. Тоже разница: тут сызмала, сразу, человек себя отличным формирует. А у нас лишь потом: как вариация Единого «мы».

Хотя разве здесь не унифицируют друг друга — общением компаний? То же феминистское движение…

Вчера, проходя по дорожкам «кампуса», вижу расклеенное везде: «Если хочешь лизать мою «пусси» (п…), надень гондон». «Если хочешь сосать мой «кок» (х…), намажься помадой». И прочие веселые. Объявления везде сами клеят, спроса не нужно.

Еще раньше, после предыдущего русского занятия, гулял с Машей Раскольниковой (у нее отец — тоже профессор литературы — в Индиане, кажется; но тут стиль — отдельно от родителей учиться и жить). — Тут, в Весленском университете, — она говорила, — все элита, так себя считают. Это очень привилегированный университет, высокого класса и дорогой. И все — личности, высокого мнения о себе.

Две Маши после моего русского класса со мной два часа беседовали (поодиночке). Одна — Маша белая (Штейнберг), что лишь три года назад из России, в возрасте 15 лет выехала, никак не может одолеть тоски и критична к американцам. Эта, Маша черная, положительное во всем находит. Та говорит: какие разные — американцы и русские; эта ищет равное, единое: чтоб все понимали друг друга.

— Потому я настороженно к Вашим лекциям отношусь, где Вы так резко различаете народы и психики.

— Да, конечно, я утрирую — для выпуклости. Да мне и самому это надоело — разное усматривать. Но все же — и то, и то правда. И не только две, но и больше частичных истин о всяком можно высказать.

— Так что не противоположности, а плюрализм? — она.

— И более того. Знаете, в «Бхагавадгите», индийской философской поэме, есть «явление тысячеликой формы Брахмо»: зараз предстает тысяча вариантов Бытия; это невыносимо смертному зреть и понять…

И все же возможно и разное, и единое. Вот гобой и скрипка, и орган — все разные по тембру, а все — музыка, согласное друг во друге слышат и производят.

Говорила, как мои классы им интересны:

— Вы нестандартны — это нравится американцам. А мой отец — более «профессор»: лекции читает, академичен.

Сетовала, что не знает своего будущего: не светит оно тут гуманитариям. Не чтут их (в отличие от нас — и доныне…).

— У нас и «неудачник», — говорю, — поэт или художник, чтится: как за высокое взявшийся, избранник, хоть и поражение потерпел. И его любят женщины. А тут — лишь признание и успех, и чековая книжка… Та Маша, белая, недавняя тут, — вообще в меланхолии. Утешаю:

— Ну ничего: женский организм гибче. Полюбите, выйдете замуж, детей родите…

Да, тут о праве на аборты споры — средь феминисток особо! Даже в классе английском я с ними обсуждал это, толковал:

— Ну да: это — по американской ментальности: знаю только настоящее и мое «я». Без отношения к предкам и потомкам. Без «гонии»; не даю на себя смотреть, как на сосуд-передатчик рода, природы. А — личность. И «ургия» хирурга, аборта — мое орудие самоутверждения в настоящем…

— Ладно, — говорю им далее. — Но хоть грех-вину в совести помните, вырезав возможную жизнь, убив. Ведь эти чувствования — греха, вины и страдания от них — тоже богатство человека, а не только чеки и машины… Вот русская душа и литература, Достоевский, — это очень чувствуют; это богатство и развиваем мы. И ныне — катастрофой своей и новыми загадками и биениями духа и ума…

Вижу: задумались. У меня в классе английском — больше девы…

Русское снова обдумываю

Продолжаю проталкивать умом Россию, советчину и нынешнее. Да, я на верное напал — о темпоритмах истории. Коли своим бы, натуральным России, прирожденным темпоритмом — сто тысяч лет бы подтягивалась к миру: пока-то размножится народонаселение — естественным расширением распространится — на Сибирь и тайгу, и тундру!.. Вот тут-то, как орган всемирной истории, у нас — Государство. Оно мотор и толкатель, и кнут («России нужен царь и кнут»). Народу и человеку на труд тут и усилие. А так, коли сам по себе, — спал бы на печи и производил только на себя, самодостаточно… Так что излишек производить — уже на это приходилось заставлять: собиранием дани, барщиной, оброком: ведь раз отобрали, то приходится усиливаться и больше работать — на себя чтоб что-то было. А коли дадут только на себя — собой и ограничится: на х-я усиливать- ся-то? НА КОЙ? — вот русский вопрос («На х-я попу гармонь?»), основной, рядом с КАК? англосаксонским, ПОЧЕМУ? (немцы), ЗАЧЕМ? (французы)…

На кой? — внешне похоже на французское pour-quoi («для чего?», «к чему?»), которое выражает заинтересованность в будущем, туда обращенность (откуда Эволюция, Прогресс — французские идеи и сверхценности). Но русский задает себе этот вопрос, заведомо отвечая отрицательно: «Ни к чему», не стоит, ничто не светит, нигилизм априорный, наплевать. Лучше не будет. И потому — нечего и усиливаться и стараться-то. И так хорошо, а точнее — НИЧЕГО (тоже из оперы НИЧТО слово, из nihil): терпимо, подходяще…

Итак, чтобы расшевелить и подвигнуть на расширение производства и поприща жизни, — усилие извне потребно, тогда как в американце оно изнутри человека-трудяги: desire («желание») англосаксонское, Streben («стремление») немецкое, elan vitale («жизненный порыв») французов. А у русских если и есть стремление в даль, то это — убежать («от самой от себя у-бе-гу!») — от дома, порога, брега, дела, ответственности — в бега, в поле широко и чисто, в волю. То есть — быть «беглым», «вором». Прочь от усилия труда и от тяги вертикали матери-земли. Такой — холостой: в дружбу, гомосекс мужской, «братва» и «артель», а не гетеросекс…

Значит: нет двигателя и мотора расширять себя в русском человеке. И потому — извне кнут и мотор: Государство. И они уже срослись в симбиозе, друг на друга ориентированы (как категории рассудка у Канта — на возможный опыт). Они, Народ и

Государство, — как арка: только вместе, упершись друг во друга, стоять могут, не падать…

А вот теперь, когда разрушена одна опора, колонна — Государство, — рассыпается и Народ, его структура и ценности.

Полагают: зато Личность проснется, возникнет Желание — и образуется западный индивид-фермер…

Х-я! Вся психика — уже в индивидах — на такой симбиоз ориентирована: быть в «МЫ» трех: Родина-Мать, Народ, Государство. И теперь — нет упругости, а шаткое состояние: как в невесомости будет русский человек, не зная, за что и как взяться. Дитя растерянное. Безотцовщина снова. И ясно, куда такой естественно клонится: не к труду, а к грабежу и воровству. Так что снова придется через некоторое время Власть укреплять и недоросля кнутом воспитывать. Стержня-то нет, не развилось.

Ну да: стержень в человеке — свой — развивается в эпохи исторического затишья: когда перестает больно активничать Государство и политика (войны, революции и проч.). Так и стало после Реформы 1861 года в России. И у нас — в эпохи нэпа и застоя. Да, в эти двадцать лет, когда — коррупция. Но она и есть — проявление желания людей обогащаться, жить лучше, что-то начать производить — излишек, при покое инертной, призаснувшей и насосавшейся уже власти.

В «Жизнеописании Эзопа» — пришли родосцы спрашивать его: следует ли им свергать тирана? Он им — басню. Стоит Лисица в пруду. Ее сосут пиявки. На берегу Еж: «Дай отдеру от тебят пиявок. Тебе легче станет!» — «Нет, — отвечает Лисица мудрая. — Эти, что меня сосут, уже насосались, стали жирны и не так уж сосут. А коли отдерешь их — видишь: там плавают тощие, множество. Они присосутся — и тогда мне уже каюк».

Так и у нас: не следовало «свергать тирана» = партию и советчину (коли рассуждать материально-бытово, а не духовно-метафизически, где уж другой расклад ценностей и пружины, где страдание и голод — нужны: как аскеза или что еще…), а дать им постепенно коррумпировать (с советски идеологической, «нравственной» точки зрения) и близиться к капитализму. Насасывались бы партийные бонзы, капиталец пускать начинали бы в дело. В народе тоже бы постепенно разворовывали государственное имущество и колхозы — и так органически и медленно переросло бы савейское — в государственный капитализм, а там и во что иное…

А теперь у нас — Смута, распад. Что-то выкристаллизуется, конечно. Но когда и какими жертвами — меня и моего поколения…

Душа русского индивида даже не на нуле — с точки зрения

рынка и демократии и умения там ориентироваться — а на минусе: еще хуже не умеет и не знает, чем перед Революцией.

Тут Федоров вспоминается, его мысль, что русский народ принял христианство без оглашения, т. е. без предварительного воспитания, обучения в Законе. Вот и сейчас снова «без оглашения» — к рынку и демократии. Там-то, на Западе, к сему шел пуританин, с Богом-совестью в душе, саморуководный мог быть, самостоящий и самосделанный. А наш привык держаться подпорой извне, тычком власти, оттуда иметь упругость — и так не падать. А вот убрали оттуда нажим — и человек-народ падает…

Интеллигенция = третий мужик

Но — теперь это отчетливо понял: в России, при ней — Бабе, не только два главных мужика-соперника: Народ и Государство, — но и третий проклюнулся и затесался, зашебуршился, а именно: Слово, Интеллигенция, Литература. Поэт-пророк, учитель жизни, идеолог. Как голос Общества, что есть прослойка между Народом и Государством. И хочет, чтоб ее пуще всех любила Россия, Баба-Родина, и претендует быть ее чаяний выразителем.

А ей бы, Интеллигенции, Слову России, — только порассуждать о вечных проблемах — на полигоне России и народа, страданий и судеб личности.

Но это пока так и есть самое общемирово ценное, что вышло из России в мир: опыт страданий, поисков и его осмысление.

Достоевский. Вот и теперь много — урожай большой будет миру снят с краха советского эксперимента над человеком и бытием.

И перестройка главную положительную пищу дала именно интеллигенции: ей поприще для толковищ и для базара — «базарить».

Кстати, задумались мои студенты над именем «Базаров»: не от «базара» ли? Толкует, торгуется, «базарит»… Я посомневался и привел просто к фонетической звучности — тюркской, как и в «Карамазов». И что тут полемика с Пушкиным: даром, что ли, назвал его Евгением? Чтобы Тургенев не отдавал себе в этом отчета — исключено.

И как они по звучностям распределены интересно:

Евгений Онегин — «не белы снеги» = даль-ширь-горизонталь, СВЕТЕР, демон, дух, летуч, как пух, мягок, нежен…

Обломов — все на «о», звук центра бытия и оси. Никуда не двигаться. Все так кругло, шар, нет достаточного основания переваливаться в ту или иную сторону, так что — на месте, на диване, лежач камень.

Базаров, Карамазов (звучности конца века) = вертикали «а», трудово-ургийное «р», страсть жить в них, особенно в Карамазовых, сила-воля-энергия. И в Достоевском — цепкость, живучесть — после казни-то, и Иван — про «карамазовскую» живучесть и «клейкие листочки». Но это в нем — истерично, самозаклинание, а на самом-то деле — тоже головное горение в них. Ну и упырье-страстное влечение к женщине — как у того, кто — дух, недочеловек, недовоплощен, вурдалак. Как и Достоевский прит сосался к молоденькой Анне Григорьевне. Как и Карамазов.

Как и все вокруг Настасьи Филипповны.

Ну, пожалуй, хватит — и мне умствовать. Солнышко. Давай на велосипед…

Так что садомазохистский комплекс — в отношениях между Народом и Государством: кнут — Пугачевщина, русский бунт и вор — против начальника-понукателя, руководителя. Но оба гребут друг друга.

Гольф и футбол

13. X.91. О, перешагиваются числа! Близится дом.

Правда, что тебя ждет там, дурень? Пыль твоих давящих на душу рукописей, беготня по магазинам в поисках еды… Но зато — свои, своя судьба — и любименькие, и если трата сил — то на свое дело, неотменное. А тут расплескиваю силы в — куда?.. Да ведь и им тоже полезно, и мне: на них настроясь, мир иначе видеть — и Россию, и Америку познавать, и многое… Нет, все — благо. Да и вот записюрьки свои продолжаю писать — и интересное в них появляется: новая сюжетика жизни и мыслей, которая у себя дома, в закисоне и монотони, не родилась бы, не оживила твои писания. Так что все — путем и нормалёк!

Кстати, это народное выражение: «все — путем» выявляет, что «путь-дорога» в русском Логосе — символ и правильности, нормы бытия.

Вчера воскрешал себя: целый день на велосипеде по холмам окрестным ездил, с 12 до 6. И внял тутошнюю прелесть и благодать. Выехал на лужайки для игры в гольф — на холмах, зеленые, выкошенные, с дорожками для специальных открытых машин для переезда туда, куда шарик забросили: чтоб ножки не утомлять!

Аристократическая игра! Ведь для нее кем-то должны быть так выкошены лужайки, чтобы шарик пингпонговый катился по траве, как по асфальту, и попадал в лунку = вагину. Тоже эротика сублимированная в этой игре.

Гольф — антипод плебейскому футболу. Тут шар большой и грубые физические движения — ногой, головой, беготня — не для голубой крови. И — индивидуальная игра, не командой. Можно и самому с собой играть.

Да, чудо диспропорциональности! Малюсенький шарик, для столика пингпонгового, — и по грудям земли, по холмам летает, катается! Как корабль — по океану. Умение — щегольство им — одолеть Давидом Голиафа природы: малым — большое. И тоже — как праща Давидова. Ветхозаветный инструмент. То же и в бейсболле: вид лапты-пращи и бег.

Играя в гольф, плебеи Новой Англии себя в аристократию производили.

А почему в карты не играют в Америке? (Не знаю, но предполагаю.) Как и в шахматы. Наверное, потому, что — не прагматическая трата сил мозговых, комбинаторных. Сидячая игра — шахматы. Так лучше изобрету что полезное: телефон или компьютер — а потом побегаю в спорте.

Карты же — европейская игра: с королями, дамами и рыцарями слугами-валетами, феодальная. А и игры с судьбой, расклады-преферансы; гадания цыганские. Тоже комбинаторика, как и шахматы. Из Индии идея. Как и цыгане = ромеи…

И шахматы, и карты — эстетика, бескорыстный интерес. Впрочем, в карты и на деньги играют.

Интересно бы историю карт узнать, игр вообще…

Но уж шагреневая кожа срока жизни сокращается, не даст тебе праздно любопытствовать дальше. И американское расширение понятий — тебе излишек, гратис: да, новое узнал, понял — да в воздух расплескаю это, в слова студентам, силы последние тратя. Раньше бы.

Но не ропщи! Что за привычка — оспаривать текущий момент живота? Будто Бытие тобою не так распорядилось, а ты бы знал и мог — лучше…

А почему сказал «Бытие», а не «Бог» или «Господь», или «Судьба»?

Да потому что «Бытие» — наиболее нейтрально из сверхсил, сверхсутей. Все остальные нагружены дополнительными смыслами, требующими веры и приверженности тому или иному выбору. Скажешь «Судьба» = тупой фатализм несвободы будто исповедуешь. Скажешь «Господь» = больно уютно устроился, как вон Юз тут все свое адресует в писаниях к Богу: будто так возлюбил Бог его персонально и устраивает сласть и удачу его жизни. Без вины и страдания, и совести.

Подобны тут и проповедники. Слушаю их по радио (так как четким языком говорят, — тренировка мне). И все талдычат: «Спасены мы верою в Иисуса Христа, потому что Он пострадал за нас, грехи принял, так что мы уже избавлены. И когда умрешь и тебя призовут на суд-ответ, тебе уготован рай, коли ответишь, что веровал в Иисуса». Гарантировано спасение!..

И так живут, будто право на все имея. Без вины и чувства первородного греха и вообще, и что он и через меня проходит. Себя чуют лишь личностью свободной, а не потомком и предком, через кого и род людской шествует. Не задумываются, что жизнь-то получили — даром и что долг имеют ее и передать дальше, сию эстафету. Вообще Долг чувствуют американцы, но на горизонтальном уровне — к себе подобным, к работе, к властям и обществу, к законам. Честные. Не совестные. А в России — «больная совесть наша» (Горький о Достоевском). И Толстой, и Федоров…

Все-таки чту атеизм — за смелость стоять самостоятельно, ответственность брать и самодержать себя, а не Богом держаться. А то ишь: «Если Бога нет, то все позволено» может быть! А вот я

себе — не позволяю все: из самодостоинства и благой воли.

Хотя такое тоже узко. Пожалуй, наиболее богатая установка будет: «Верую, Господи! Помоги моему неверию…» Как шатучая позиция, на волнах, в тревоге и в страдании — и оттого в усилии себя поднять за волосы самому; а на крайний случай, убедясь в

Сократовом своем ученом незнании, припасть к ногам Божиим. Но — не в начале, не будучи инфантом сладеньким и нахлебником, клиентом и иждивенцем, но усилясь и исчерпав свой талант и данные человеку силы — до предела. Таковой — угоднее Богу как сотрудник в благообразовании и испытании Бытия.

Взгляд нелестный на меня со стороны

Что-то Юз не звонит — уже около 11. Сегодня воскресенье, и к нему должны приехать — на обед? — Борис Парамонов и Лев Лосев (так Ирина сказала) и что меня тоже позовут, если я не уеду на уик-энд куда-нибудь. Вот я тут, не уехал, а не звонят. Не думают ли, что уехал, нет меня? Может, вчера звонили, а я весь день катался, так что решили, что меня нет. Не позвонить ли самому, объявиться? Но и напрашиваться?..

Вот у меня уже — местный сюжет психологический тут затеялся. Явно, Апешковские охладели ко мне — разочаровал их: проявив себя как «совок» — в неприспособленности к тутошнему, так что еще нянчиться со мной! Водить за ручку! Учить чекам да что тут тратить деньги надо по-иному. И что даже стиральной машине не могу научиться, а стираю сам в раковине. Небось запаршивел тут и не стрижется, доллары экономя!.. Велел Юз постричься, а я как раз коротко остригся перед приездом, так что ращу и отвечаю ему, что мне, при носе большом, нужна копна волос, для гармонии. Но он усмехается, трактует: жадничаешь!..

И на что мне, в самом-то деле, деньги, если и провезти не смогу, а привезу— так станет наша семья приманкой и убьют?..

А с другой стороны, шикарничать мне и тратить на себя, на выгляд для людей, на вне, стараться? И так хорош — натурален. Своей мерой живу. Не хочу денег ни иметь-зарабатывать, ни тратить. Тоже — забота. Не моя.

Думают Алешковские, что я и не ем тут путем, деньги экономя, и только жду от них приглашения, чтоб у них отъесться, на дармовщинку.

Хотя какая ж «дармовщинка»? Я ему сколько идей и ума подал! Прочитал у меня рукопись «Еврейский Космос», рукопись, 200 страниц выдержек; «Американство», «Фантасмагорию об организме», «Русскую Думу» вот читает, про Тютчева из книжки «Национальные образы мира». Да и когда ездим и обедаем, в разговорах я идеи щедро выдаю. Кормят же Сократа и Сковороду.

Но все равно неприятно: даже интонация и нюанс нахлебничества и приживальства…

Не выдержал — позвонил. Ирина: «Ты здесь? А они уже приехали. Приезжай. Они пошли гулять». Я изображаю, что позвонил Юзу спросить про «играют ли американцы в карты?» Она: «Да, любят».

Так что я не туда понесся в размышлениях.

Тоже обидно: гуляют, выговорятся сами. А меня начнут расспрашивать.

Ладно, не форси. Собирайся — и поезжай. (На велосипеде к ним минут за 18–20 доезжал. — 2.8.94.)

Сексуальное приставание

14. X.91. О, спал сплошным куском — с 12 до 7. А то вставал чуть ли не через час в ночи (раза три-четыре) отливать. Понял: то от охлаждения крестца, ибо голый спал. Хотя и в три одеяла покрою, а тело все равно в холоде. Вчера же лег в рубашке и трусах — и вот тепло прилегло к тазу, и не бегал я, как собака, помалу отливать, но смог спокойно накопляться пузырь…

Да, техника проживания нужна — на старости лет это понимать начинаешь. Считаться с организмом и вдумываться в его нужды. В расслаблении — тоже. Хорошо проводил эти три дня после лекций той недели — прийти в себя дал существу своему. Сегодня начну полегоньку напрягаться: готовиться к завтрашним занятиям — успею. Нет, никуда ездить нельзя мне. Хорошо, что вчера сам свет приехал сюда, к Юзу — гости у него: Борис Парамонов и Леша Лосев с женами.

Сидели, слушали-смотрели по телику разбор дела кандидата в Верховные судьи Кларенса Томаса, негра, кого его секретарша прежняя обвинила в sexual harrassment — что склонял ее к сексу, намекал предложениями. А всего-то, оказывается, делал ей некоторые легкие комплименты, говорил: мы подходим друг другу — и приглашал в кафе; но она не пошла.

Когда же президент Буш выдвинул кандидатуру Томаса в Верховный суд, лобби демократов развернуло бешеные поиски компромата на Томаса — и вот склонили эту секретаршу. Есть и негры-демократы, лютые враги Томаса (как Джесси Джексон и др.), так как он — консерватор и против искусственных привилегий неграм при приеме на учебу и на работу, как это сейчас распространяется: привилегии — меньшинствам; и так понижается общий уровень культуры…

А сама эта секретарша Хилл — сейчас 35 лет, одинокая; тогда звонила кое-кому из знакомых и конфиденциально сообщала, что ее шеф к ней сексуально пристает. Это было 8 лет назад — и она не замужем до сих пор. И потом говорила случайным людям, что ушла с прежней службы, потому что шеф к ней приставал…

И очень похоже, что это льстило ей, давало самоутверждение — и потому рассказывала об этом даже случайным людям, повышая свои карты. Так это бывает: знакомство с кем-то важным становится тем единственно, что в определение своего «я» может сказать человек. Так, я вчера, например, в застолье хвастливо подавал себя как человека, который уводил жену одного известного (мимоходом вспомнил: как прелюдию-причину своего ухода на флот тогда, но — важничая…).

И эта негритянка-секретарша Хилл может так себя «дефинировать»: «Аз есмь сексуальное приставание Томаса».

И вот уже полмесяца вся Америка только и спорит об этом: было это приставание или нет, и в чем заключалось, и можно ли легкие намеки и комплименты, заигрывания — считать «принуждением к сексу»? По телевидению, в газетах — непрерывно и часами.

Правда, тут сошлись разом два кардинальных сюжета: феминистское движение, которому этот звон о сексуальном неравноправии важен, и негритянское — как расистский подкоп под судью-негра. Айв негритянском тоже свои струи и соперничества.

Но в какой мелочишке роются — носами и вопросами! То, что есть элементарный, легкий — даже не флирт, а просто комплимент, на взгляд европейца, француза, например, простая галантность, — тут тупо и всерьез как прямо секс — трактуется! И в этом — ментальность! Не понимают «амуров» — любовной игры; а раз комплимент — то сразу практичен, к цели, ибо не могут себе представить бесцельного комплиментирования женщине. Работяги утилитарные — и в этом.

Борис Парамонов, Лев Лосев, Юз и я

Борис Парамонов, ведущий «Русскую идею» по радио «Свобода», оказался большим, рыхлым, как Пьер Безухов или купец русский; не злой и желчный, каким по голосу интонации представлялся мне, когда частенько нападал, на его передачу в своей деревеньке Новоселки. И жена, Таня, тоже большая женщина. Они, оказывается, совсем русские. И выперли его из Ленинграда — пристало КГБ — за диссидентство его политическое: уматывать предложили. А он и не собирался — и так бы и жил там. Когда я рассказывал о своей неработе в Академии наук, они завидовали: тут — вкалывать приходится. В нем меланхолия проскользнула: тоскливо им в Нью-Йорке. Оказывается, не выезжал и страну не видел. А город — тяжек, и распри среди эмигрантов.

Ко мне — весьма почтителен (передача была года два назад по «Свободе» его про мою книгу «Национальные образы мира», 1988, и статья «Вариант Гачева (О новом почвенничестве в советской культуре)» — в «Новом русском слове» от 3 ноября 1989 г. — 2.8.94). Сказал о впечатлении на него моей статьи о Болотове «Частная честная жизнь» в «Литературной учебе».

— Вы заметили? — я удивился. Даже не указал ее в списке избранных статей тут для «резюме» о себе.

— А как же: «Альтернатива русской литературе» — хороший там подзаголовок. И против героизмов. Я эту идею использовал в своей статье (не помню, какую назвал).

— А вот с женой Вашей я спорю, — он. — Раз шесть уже выступал против ее Федорова. Сначала, когда прочитал его — аж звенело в мозгу.

— Наверное, от оригинальности и смелости? — я.

— А потом, когда перечитывал… — да он же гомосексуалист! — понял.

Постепенно выяснилось в разговорах, что Фрейд — его главный учитель (как и я назвал троих: Гегель, Бахтин и Юз Апешков- ский: Бахтин освободил от Гегеля, а Юз — от гипноза серьезности. Парамонов: «Запомню, это серьезно?..» Я подтвердил — «Да»). Стали они с Лосевым перебирать деятелей «Серебряного века» с этой точки:

— Мережковский был педик или бисекс. А Зинаида Гиппиус — лесбиянка. Но тогда они не были еще образованы на этот счет, и она сочла, что у нее хороший роман может получиться с мужчиной-гомсом. И попробовала с Философовым. Но оказалось — бяка, не вышло. Потом к Берберовой на Капри приставала — к

молоденькой. Так что Ходасевич не знал, куда деваться…

— А Бердяев кто же, — спросил я, — по сексу?

— Конечно, скрытый, латентный гомосексуалист.

— Вообще творческая одаренность, замечено это, — Лосев сказал, — связана с какими-то сексуальными ненормальностями.

— Ну, тогда я не одарен. Нормален. Разве что — онанизм отроческий. Но у кого его не было? Это — нормально. (Последнее, про онанизм, я тогда не сказал, а сейчас досказываю.)

— И я, — Юз присоединился, — нормален: бабу хочу.

— Да и Пушкин нормален был, — я вспомнил.

— Ну, у него было влечение к Деве Марии: «Гавриилиада» и «Рыцарь бедный», — Парамонов. — И верно: мать его не так любила, не утолен. Эдипов комплекс. Правда, слабый.

— Это распространенное явление — Эрос к Деве Марии — у средневековых монахов, — Лосев.

Потом я запустил другую тему:

— Как сейчас обсасывают все детали жизни и идей людей Серебряного века и диссидентства советского, — так скоро, с уходом советской эпохи в «преданье старины глубокой», она станет вырастать в своем величии, монументальности и интересе, и станут раскапывать ее деятелей. Целая ж цивилизация!

— Культура, — уточнил Парамонов, по Шпенглеру дефинируя. — Верно! Я уже вместо надоевшей мне «Русской идеи» предложил 20 передач о советских. И вот одна будет — про Гайдара, Аркадия.

— Я ищу: как дать студентам понять советский миф изнутри, как ценность: как он виделся теми, кто вдохновлялся им. Вы кого, что посоветуете? Например, хочу «Как закалялась сталь» дать — это же советское Евангелие.

— Андрея Платонова — вот гений единственный тогда.

— Кстати, Федоровым вдохновляем был. Не читали статью Светланы (Семеновой), моей жены, в «Новом мире» о «Чевенгуре»?

— Читал. И сам писал о нем. (Что-то назвал…)

— Но Платонова не поймут: слишком тонок. Надо что попроще. «Педагогическую поэму», может?

— Все хорошее в советскую эпоху — со скосом, не правоверно.

— А мне нужно, чтоб и советский вполне, и художник настоящий.

— Отсутствие сего, — тут Юз, — доказывает, что червоточина в ней.

— Может быть, в поэзии, а особенно в песне — такое хорошее, — Юз.

— «Гренада» Светлова, — Парамонов.

— Верно: песни сильные есть, их много было, душа пела, — я.

— «Широка страна моя родная», — Юз.

— Стану петь им. Я уж и пел, сравнивая «Тристана и Изольды» германский мелос и дуэтАиды и Радамеса — итальянский…

Было приятно, не натужно — выпивать, есть, толковать… Но, видно, у них уж усталость на сверхтемы в свой уик-энд еще спорить!.. Ведь для Парамонова это уже просто профессиональная работа — не то, что для нас и меня: экзистенциальная проблема, как для «русских мальчиков». Я думал: мы сойдемся — и так заспорим! Но у них не горит, и задор повыдохся.

Про Юза я:

— Ишь как уютно устроился с Господом Богом и женой! Какой мальчик-бутуз, огурчик кругленький! Нуда: каждое вхождение в жену = новое рождение. Так что он всю дорогу — как новорожденный…

Несколько фривольно по отношению к Ирине, но улыбались. — Так что ты его возрождаешь.

Однако позвонил Суконик: приедет сегодня сюда днем. Так что надо написать лекцию на завтра, а то времени не будет.

Продолжить про Россию…

6.30. Слава богу, не приехал Суконик. Это было бы такой перегрузкой вдень накануне занятий и во время их, если бы остался ночевать. Сорвалось у него приехать с его черной женщиной. Позвонил, говорит: как в России домогался простой бабы, так тут — негритянки. И — вышло, стал у них своим в офисе среди большинства «блэк».

Так что веду свою жизнь: поел, подремал, поездил полтора часа на велосипеде. Сейчас стану читать и дописывать завтрашнюю лекцию. Как хорошо — не переутруждаться!

9.10. веч. Ой, как тяжело, надоело — мозглячитъ тут — на чужих, на чужом языке! А мозги-нейроны и глаза-взгляды уходят на это.

Читал по-английски «Легенду о Великом Инквизиторе» — странно, отвлеченно зазвучала.

15. X.91. Против ожидания день прошел легко — особенно в русском классе разошелся и импровизировал, и смеялись.

Прошла ли америка стадию Сократа — Декарта — Канта?

16. X.91. Жизнь мозглявая: только ум гружу да глаза мучаю — даже в развлечениях. Вчера глазел телевизор много: голосование в сенате по Кларенсу Томасу в Верховный суд — после обвинения его в «сексуальном принуждении» своей сотрудницы.

Молодцы — американцы: отстояли независимость от толпы, от давления прессы. Достоинство власти. Хотя кругом ревели феминистки, негры и демократы, раздувая страсти.

Даже у меня в классе, когда «Что делать?» Чернышевского разбирали, об этом заговорили, и мои студентки доказали мне серьезность этого дела для Америки.

И даже в том контексте, что я им развил применительно к Достоевскому: что он в России = стадия Сократа, Будды, Декарта, Канта: поворот в «я», во внутренний мир и отворот от внешнего.

— А в Америке как? — Маша Раскольникова спросила. — Был ли такой период, процесс, и кто его осуществлял?

— Эмерсон, Торо? — начал прикидывать я. — Нет, то еще европейские слепки. И вообще молода страна для этого, в ней оптимизм еще; а для подобного поворота нужно сомнение в основных ценностях, пессимизм и критика. Так, может, ныне как раз женское движение, обрушиваясь на ценности американской брутально-мужской цивилизации, этот поворот колеса дхармы и осуществляет?..

Ну да: тут было затронуто «я». Ведь Томас был начальник, босс своей секретарши Хилл, что подняла голос протеста, — и его ей комплимент — не просто нейтрального человека с улицы, а по субординации, и, естественно, мог ею восприниматься как нажим власти и принуждение. И эта щепетильность «я» и достоинства личности (в самой мелочи — легкого заигрывания) аналогична чуткости Декарта и Канта к ощущениям наружи, влияющим на самостояние разума; так что вопрос для них острейший встал: как его (разума и «я») самость отделить от помех и иллюзий наружи?

Звучит квартет Бородина. Как обмывает душу и крепит благородством русской культуры — в ее богатырско-цветущем состоянии!

Но какие американцы все же милые пуритане — при том, что так много индустрии секса тут! Вон и студенты мои: когда я мат затронул и стал его артистизм иллюстрировать, — так засмущались… А я поясняю, что на Руси мат — как водка: греет и

сушит среди мороси матери сырой земли. Водка = огневода. Мат = ог- неязык: как перец и приправы в пище, иначе безвкусной, так и мат в речи…

Маша говорила:

— Мне по душе устремления героев «Что делать?» — к хорошему, к добру и морали, делать-работать. Но как-то скучно в их мире! А вот с Достоевским, с человеком из подполья не соскучишься.

— Да, какие миры и замки выплетает человек тут из себя! Если американец творит из внешнего материала: машины, вещи, дома, — то русский — из материала имматериального: из души переживаний и проблем духа.

Но с другой стороны: ведь все, что наплетает человек из подполья, — это все ответ, ре-акция на какое-то предложение идей и решений извне — тем же Чернышевским или Западом. В нем своего — лишь этот родничок «я», его свободной воли и духа противоречия. И на этом импульсе — все перетряхивает и передумывает, что наработано историей идей и созданием ценностей.

Тоже по схеме Русского Логоса: «НЕ ТО, А… — ЧТО?..»

Однако читал я накануне этот текст, да и «Великого Инквизитора» по-английски (не было русского под рукой) — и вдруг в иной оптике завидел: «не х… собаке делать — так она яйца лижет» (так старший матрос Пилипенко отозвался, прочитав мои флотские записки летом 1963 года. — 3.8.94) = от безделья да на готовом откуда-то хлебе, «по щучьему веленью» — как Иван-дурак сидит на печи, так и герой Достоевского в углу и думу думает, не работая и издеваясь над умом и озабоченностью рассудочных «братьев» = людей Запада.'

Да, это важное уразумение: Иван-дурак продолжен в герое Достоевского — человек из подполья, Князь Мышкин и проч.

Ну, а ядро личности, «я», свободы воли, «различение добра и зла» — ведь от Змия, в соседстве с диаволом, с чертом это все рождается. Пришлось и Грехопадение вспомнить и толковать, и диавола: как слугу Бога принять — или самость?

— От Природы человек — никакой (как и тигр — не злой, а просто такой) или зол, по Канту; да и по Федорову: закон смерти — от Природы. Зато реактивно от нее — шанс человеку свободного усилия ко Благу, в Дух, в совершенствовании себя и бытия. Да и Адам — никакой, просто двуногое животное; ну — хозяин над ними, пока был в руках Бога. А вот поступив на испытание к Змию, узнал добро и зло — и получил падение = разность потенциалов образовалась, а с тем и импульс для истории рода человеческого, чей смысл и призвание — одоление

зла и падения.

И все же снова взирая глазами американцев на всю эту мудню разбирательств, что из выеденного яйца устраивают русские, валяясь на диване или сидя в углу, отворотясь от мира и дела, — их никчемность узреваю. Горячечность воспаленного мозга — в Петербурге, в этом климате и фантастическом городе белых ночей и бессонниц. Гофманиана…

Кстати, не забыть — о Гоголе и Тургеневе. Когда читал «Отцы и дети», прицельность характеристик, рассудочно выверенная, бросилась в глаза. У Павла Петровича, у Базарова жесты, одежда, слова — все в лад с собой. И подумал: нет, не гений — Тургенев, не то что Гоголь, у кого брызжущая роскошь непредсказуемых деталей, слов, жестов…

А потом — контрмысль: но ведь Гоголь ни одного нормального человека не нарисовал — все уроды. Не мог. А вот Тургенев — нормального рисует, среднего, позитивного, в чем — своя трудность…

А «Легенда о Великом Инквизиторе», с предпосылкой о человеке, выбирающем хлебы и жертвующем свободой воли, — да это чисто русская проблематика: подачками от власти и свыше, а не сам стоит работник и себя кормит, своей свободной волей трудясь. Тут психика толпы, стада — и героя. Великий инквизитор — как Данко Горького: вызволитель и спаситель — жертвой спасения своей души, сердце вынув, — так возлюбил! Как Христос…

И это, конечно, искусственно; явно в нем не любовь, а гордыня и презрение к стаду двуногих, кого он кормит и спасает — так же как и в сверхчеловеке горьковском — Данко.

Да, надо будет в чтение студентам эту легенду дать. Во всяком случае, оба: и Достоевский, и Горький — берут тут человеков скопом, не персонально, что странно американцам = самоначальным индивидуальностям.

Сейчас в России попытка — искусственно пробудить индивидуумов из массы, сброда, во что превращен народ: не в органическое единство-образование, а разрозненное множество.

В своем английском классе, объясняя Россию, пояснил пару: Народ-Власть аркой: падая друг на друга, укрепляют арку. А вот в период советчины Власть разрушила Народ. Теперь Народ (уже не народ, а люмпены и интеллигенты) разрушает Власть — и все в развалинах.

Во всех странах шло за историю накопление богатства и культуры. У нас же каждая новая полоса начинает с разрушения предыдущих накоплений ценностей. Как у Щедрина — бросать с колокольни очередного Ивашку. И страсть переименовывать… Но

и подтверждает она силу и волю Слова в России.

Кстати, если уж по фонетике русского языка слушать, то название «Ленинград», с певучими носовыми, гораздо подходящее, чем жестко германское «Петербург».

Переименовывания — как магические действия: чур меня! Как когда Смерть идет за больным, то его переименовывают: она идет за Иваном, а вот — уже Петр на его месте…

Что говорить по «Голосу Америки»?

Позвонил Фрумкин из «Голоса Америки», Владимир. Хочет провести разговор со мной и Лосевым, когда буду у него в Дартмуте лекцию читать через неделю. Просит дать сравнения Америки и России и прогнозы.

Боюсь, что придется выступить как консерватор и защитник линии, которую брал «путч», — государственный вариант перехода к рынку. Как в XVII–XVIII вв. в Англии через «джентри», а в России — в конце XIX в. через дворянство шла капитализация страны, так и тут через боссов партийного аппарата: пусть они разворовывают имущество государства и основывают предприятия, — все же в их среде более сильные и ответственные и производящие люди, чем в просто махинаторах рынка торгового, что сейчас перенимают капиталы.

Но вообще-то несколько неприличным слышится мне: отсюда выступать и поучать, когда там идет тревога, развал и поиск.

С этого, пожалуй, и начни свой разговор: неприлично и что сейчас сколько людей — столько и советчиков и поучателей. Так что неловко мне — отсюда что-то соображать и вякать. Но ничего: вернусь домой в конце этого года и буду разделять судьбу. А пока — вот какие соображения, на что меня надоумило смотрение на Америку и контакты и анализы на занятиях со студентами…

Ну да: сейчас демократы предлагают «американский» путь, как и Чернышевский век назад в тогдашней Реформе. Но он не мог состояться; лишь при Столыпине отчасти дозрели до него — хутора. И нэп.

А теперь именно медленная коррупция = обволакивание механизма — органикой, камня — мхом и лишайником — подходила бы; что и шло при Брежневе-«застое». А ныне — снова обвал и снова механика, не органика предлагается.

Также и русский нынешний крестьянин-механизатор: дайте ему полуворовски, работая в колхозе, обогатиться, приворовывать, приторговывать — и так постепенно переходить к рынку, как ему органично, приучаться, не сжигая корабли, не рискуя, не в пустоте, но подстрахованно.

И надо будет сказать, что советчина была все-таки цивилизация высокого стиля. Сейчас она уходит в миф и все более вырастать станет в ценности. Как дворянская культура — при переходе к разночинской.

Ладно… Там — как выйдет. Однако пикантно будет — отсюда латентным сторонником идей «путчистов» выступить — и кому? Мне, интеллигенту-либералу, демократу…

И, во-первых, надо будет предварить признанием, что я — ничего не понимаю, а только буду вопрошать, соображать на ходу…

Сравнение языков — русского и английского

18. X.91. О, уже полсрока почти! Скоро — к своим. И в наш развал. Чего торопишься-то? Ведь все интереснее тебе становится со студентами — перепонимать все. Даже с английским классом, хотя там еще дети почти.

Вчера сравнение русского и английского языков производил в русском классе. Задал им и себе вопросы: что англичанину трудно в русском, а что русскому в английском, — и что бы это могло значить? Разделил доску пополам и стал собирать от них реплики. Благо, ко мне все народ прибывает ходить, и студенты из России: Алексей и девица из Узбекистана.

И вот: англичанам в русском трудны — падежи, виды (совершенный и несовершенный), частицы, «бы», роды, безличные предложения, суффиксы, смягчение согласных.

Русским в английском — артикли, времена глаголов, произношение r, th; удивляет бедность пунктуации.

Накануне, готовясь к лекции, я попросил побеседовать со мной профессора Роберта Уитмена из Калифорнии, кто тут русский преподает: чтобы рассказал, что трудно дается в русском студентам. И так он стал говорить:

— У русских — более физическое отношение к языку: всем телом, нутром произносят, грудью и животом даже. А американцы — лишь горлом, верхушечно. Не имеют склонности вкушать (savour) слово, говоря его, а лишь бы передать значение, и мямлят монотонно.

— Да, я удивился, слушая американцев, — встрял я. — Ведь в английском, когда я его учил и как слышу из Англии, — развитые «тьюны» (тона), вертикали вознесения и падения в интонациях. А тут — так ровно и мало красочно.

— Верно; не так эмоционально говорят. Лишь у негров, на Юге вообще, — более глубокое отношение к слову и произносят грудью и диафрагмой живота и медленнее. Вы послушайте негритянских проповедников — прямо поют!

— Да, я тоже заметил: теплое, грудное звучание их речи.

— А белые американцы — для них язык «транспарантен»-прозрачен, функционально-инструментален. Произнося предложение, могут остановиться, не договорив: или смысл уже передали, или просто устали говорить. Не чуют воли в предложении — совершиться, закончиться. В русском же есть некая химия между словами и частями в слове: между корнем и

суффиксами, — а тут слова просто прибавляются друг ко другу, плюсуются — в четком порядке. Так что и лишняя пунктуация не нужна: смысл воспринимают прибавлением слов-знаков, а не через соотношения внутри фразы в целом.

— Ну да: потому у нас возможна инверсия, и смыслы глядят через голову блоков речевых, так что нужна инструментовка пунктуации: двоеточия, тире…

(— А многоточия у них нет, — потом мне Алексей из Иркутска заметит.)

— К тому же русские слова — живые, в них чувствуются корни. И более длинные слова, певучие. Вот я прохожу Лермонтова, из «Героя»: «туман разливался». У нас переводят fog spread — односложными словами и теряя образ. А там ведь — «лить», и надо бы перевести poured, а «раз» = «вокруг», во все стороны. Так что в русском живее сохранен образ в словах.

— И вообще там много читают, — продолжал он, — как я видел: в метро, поезде, и читают — книги, стихи. А у нас — лишь газеты. И когда поэты выступают — у вас на стадионах, а у нас лишь специалистов узкий круг их приходит слушать.

Я его благодарил — милого Боба Уитмана. И потом стал переводить на свои термины и философический лад эти его наблюдения.

И так вчера говорил в классе:

— Тут капитальная разница — языка гонийного, естественного, природного, синтетического (каков русский и другие на материке Европы, в Индии) и аналитического, ургийного, инструментального, каков английский.

Начнем с падежей, склонений. Вслушайтесь в корни: «падеж» — от «падать» (как и в латинском casus от cadere, откуда и английский термин case). И «склонение» = клониться. Все — к низу, где Мать сыра земля, природа. Тут— ГРАВИТАЦИЯ, притяжение Логоса к Космосу, к Природе. Как это и естественно в культурах Евразии, где народы рождались на землях и постепенно стали работать и затевать историю, и где ургия продолжает гонию, культура — натуру.

Смотрите: в самих названиях падежей — сколько природы, души, эмоций! «Родительный» = рожать: родителей поминает — падеж гонии. «Дательный» = давать. «Винительный» = обвинять. Везде переживания, Психея, отношения! «Творительный»= делать. «Предложный», или «Местный» = уважение к локусу, месту, к Пространству — ему кланяются, изгибаются слова — в поклонах, как в менуэтах-реверансах, — Земле-женщине.

Когда же язык был взят в оборот Трудом, ургийным отношением к бытию, всему в нем, то он стал обтесываться от

природ- ности и эмоциональности в нем — в сторону рациональности и знаковости лишь. Подобно тому, как срубленное дерево обтесывается от коры, ветвей и выпрямляется, так и слово стало укорачиваться в обработке от «лишнего» — до совпадения с корнем. Таковы английские слова стали — односложные, как правило. А то, что выражалось внутри живого слова суффиксами и прочим, стало выражаться приставляемыми к слову перед ним и после — операторами, указателями функции: артикли, предлоги… Слово же само стало некоей стандартной деталью, которую можно переставлять и к нему приставлять разные операторы, так что оно будет то именем существительным, то глаголом, то прилагательным. Например, слово work: a work — работа, to work — работать, work-shop — рабочий магазин (инструментов).

Итак, разница: слово-организм и слово-механизм. В русском — субстанниально-экзистенциальное отношения, переживание слова, а тут — инструментальное, функциональное.

Отсюда — и порядок слов. В русском возможна инверсия, ибо слово живое само с собой несет пучок своих смыслов и отношений внутри себя, так что его поймешь в любом месте: и в начале, и в середине фразы. А в механическом языке функция обеспечивается соблюдением порядка, четкой последовательностью приставления слова к слову и к оператору (пророча компьютер…). Тут фраза-сложение, а не фраза-умножение, как когда блики идут от слова к слову («химия»-магия слов, о чем Боб Уит- ман, взаимовлияние).

Но, конечно, язык аналитический (от греческого «аналюо» = развязывать, разделять — и таким образом властвовать: как и в империи, как и в разделении труда между операциями индустриального производства) более приспособлен к работе, к быстрому пониманию команд, без лишних слов и эмоций, к массовому производству товаров и слов.

Путь всех языков: от синтетического типа — к аналитическому. Английский прошел этот путь далее всего, менее — французский, еще менее — немецкий, еще менее — русский… Но и в английском, как языке живом, все равно черты гонии, природ- ности есть — хотя бы в написании традиционном, в массе «исключений»…

— Значит, русский язык — примитивный? — спросил один.

— Да, как примитивна Библия — перед компьютером.

— А что, так и есть — примитивна…

Тут я не нашелся сразу, что ответить. Надо будет подкатить и развить: что в разных отношениях. И про прогресс = регресс (Руссо). И что позже — ведь ближе к смерти, к разрушению.

Примитив — здоровее. И Бетховен — «примитивнее» в сравнении с электронным джазом…

О гонийности в языках и роды говорят: отнесение предметов к мужскому или женскому. А английский от этого обстругал слова. Слово в Англии словно преодолело гравитацию, всемирное тяготение (недаром тут его понимать принялись первые — Ньютон), и оно стало самостоятельным вертикально джентльменом, «сэлф-мэйд» который. Как мачта на корабле-острове Англии.

А и языкознание разнонациональное — интересно. В Америке — семиотика, Пирс. Тут отношение к слову — как к знаку, а не как к живому существу из плоти. И важны — отношения, на уровнях горизонтальных, в настоящем времени. А индогерманская лингвистика искала родословное древо языков и праязык, язык-предок, родитель, от кого все прочие, как дети, ответвились. Взгляд — в происхождение, в генезис.

И в американском стиле — слова-обрубки, cut-words, и тяга к аббревиатурам: называть по первым буквам: Си-би-эс, Ю-Эс- Эй и т. п.

— Но это же — и в советском языке! — мне из класса. — СССР, КГБ…

— Да, американизм этот пошел по свету. Все — скорости принцип; время = деньги, так что некогда произносить целое слово, коли и так понятно. А до Революции не было сокращений в русском языке.

Сейчас додумываю: не семитский ли тут еще уклон и вкус — во всех этих ЦК, ЧК, ВКП(б), КПСС?.. Там ведь слово — по согласным означается. Так что еврейство коммунистов в России и на язык повлияло… Русский же язык, слово — держится гласными.

И раздольность протяжного слова, как песня. И ударение — на втором и третьем слогах, да и далее. А в английском — на первом норовят скорее, ибо время = деньги. Потому и система времен развита в языке — как оттенков трудовых операций. Continuous = сейчас вот вещь изготовляется. Perfect = сделана в прошлом — и вот налицо она, результат и т. д.

Определенность и дифференция большая. А у нас в этом — неопределенность, не жесткость. Вот и артикль нам трудно дается. А это = вычленение индивидуума из рода, из класса имен. Персонализация.

Тут Бернадетта — о безличных предложениях мысль подала:

— Мы говорим по-английски: I think(я думаю), а в русском: «мне думается» или просто «кажется». Это говорит о безличности Космоса и Логоса, о невыделенности достаточной индивидуума.

— Верно. У нас как бы само Целое так глаголет-думает.

— И у нас «я» пишется с большой: буквы — I, а у русских оно — последняя буква в алфавите.

— Хотя была первая тоже — Аз в старославянском. Но потом в русском пришел йот и отпало «з» и откочевало слово на конец…

Да, еще Уитман напомнил, что Сепир говорил, что слова в английском — islands = слова-острова. Ну да: а в синтетическом языке слово — континент, материк.

И вот парадокс: синтетического языка слово — более самостоит: ибо все свое носит с собой. А слово-остров-обрубок — потенциальное: его значение — в зависимости от места и оператора.

Однако и минус в синтетических языках и словах — изобилие, неэкономия, щедрость, избыточность: одно и то же отношение выражается на несколько ладов. Например, женскость — через окончания и в имени, и в глаголе, и в прилагательном, хотя достаточно бы лишь в имени его иметь: «Умный Лисица спросил Ежа»… Хотя сказал так — и пропала плазма слова и предложения атмосфера.

«Нет проблем!» = нет и мыслей

19. X.91. (Ишь симметрично как дата построена! И ровно два месяца, как тут). Начинаю день в жанре слабого существования. Напугался, проснувшись в ночи: в боку колет волнами — не аппендицит ли? Тогда операция сожрет весь мой заработок. Старался заснуть; утром лежал — укротить нутро. На зарядку не выходил: боюсь сейчас двигаться. Есть — не ел: поголодаю, почищу себя. А то вчера еще перепил и переел, наверное, на обеде у президента университета.

Кстати, оказывается, лекции мои имеют успех — студенты умные ему доложили. Он меня посадил полевую руку (справа — дама) и тост подымал. Разговаривали с ним. Правда, я пару ошибок допустил: сказал, что никогда не преподавал, а лишь изучал, писал. Он рекомендовал поездить по Америке — увидеть Калифорнию, на что я: приходится готовиться к занятиям, чтобы быть интересным. И что, если пригласят лекцию читать — можно бы; да на короткий срок — утомительно: ведь 62 года мне. Он: «Не может быть!» — выгляжу-то я черноволос и легок. Но в Америке такая искренность глупа: человек такого возраста уже бесперспективен…

Ну, ладно: не жить с ними. Да именно искренность — оригинальность и составляет мою. И на лекциях-беседах потому так живо…

Димка (сын от первого брака — 4.8.94) только звонил из Турина. Предлагает брать право на жительство — «зеленую карту», поскольку сын — американский гражданин.

Вроде рассосалось, успокоилось в боку.

Давай начинай Русскую часть послезавтрашней лекции в Дартмуте — впиши.

А может, кофе тут слишком много пью, даровое ибо (в департаменте рядом с домом) — вот и колет в боку какая-нибудь печень. Хотя все путаю: на какой стороне аппендикс, на какой — печень. Сколько раз уточнял — и все забываю.

Вчера (в ночи то есть) представлял разных женщин, студенток тут… И все равно ни на кого лучше не распаляюсь, как на Светлану — жену, ее представя. Вот это — да!

3 ч. Неусильно день провожу. Два часа посидел на солнышке, написал Россию для лекции. Потом слегка обедал, лежал; теперь поеду часа на два-три на велосипеде: прекрасная теплая осень; на поле гольфа заеду — смотреть. Так — не особо весело, но безусильно и здорово, сохраняя армию (= себя) для жития, — препровождаю время живота… (Кутузовской тактикой, которая —

русский стиль выживания и победы: тянуть время, уклоняться от клинча сражений — и так само собой. — 4.8.94.)

8 ч. Кажется, подвоскресил себя. Три часа на велосипеде по осени ездил, на огород-сад выехал, наелся малины и помидоров, груш набрал. Приехал, поужинал, дремануло. Сейчас вечер — мой. В животе — кайф. За окном шум-шелест. От дождя? Нет, от сухой листвы…

Теперь допишу кусок про Америку в лекцию.

20. X.91. Да, жизнь спасенная тут идет. Воскресший я. Организмус юн и свеж. Праздную утро. Птичечка на солнышке крылышками щебечет, к окну моему подлетев. Из спальни кларнет благородный с оркестром свои игры с бытием выводит. Выспавшийся в холодке, промялся в зарядке, душ принял; сейчас яблочков пару очистил. Присел у теплой батареи отмыслиться. Благодать! Жизнь!

Ничего не мучит. Нет проблем.

Но нет и мыслей… И вот уже это — завязь на мысль: требует себя расхлебать. Хотя это ясно — уже сотни раз такое расхлебывал я: из страдания Дух завязывается, растет.

Но так это и для стран-народов-эпох. Отчетливо про Россию мне это ясно. О том — пророчество Тютчева:

Всю тебя, земля родная, В рабском виде Царь небесный Исходил, благословляя.

Россия — сестра Христа. Страдный крест несла и снова вынесла в XX веке под советчиной. И из сока страданий — Слово России, дума, литература… И сейчас будет.

Хотя что это я так — преувеличиваю? Толстой — не страдание. Пушкин — не страдание. Это все под Достоевского подстроено — «страдание»! Ну и, конечно, — под советчину. Чем оправдать и восценить позор самоистребления, которому Россия предалась в веке сем? Вот и приходится святить страдание и славу ему посылать. И цветы из крови превозносить. Россия вся — храм Спаса на крови, как в Ленинграде на месте убийства царя Александра-Освободителя.

А почему называли себя цари так монотонно: Петры, Александры, Николаи?.. Так что «Вторыми» и «Третьими» себя приходилось уточнять. Правда, последнего цесаревича назвали Алексеем, но — и не вышло… Мало, что ли, русских имен: Сергей, Семен?.. Да, еще Иваны были — перед Петрами…

Но пора и позавтракать.

Корнфлекс с молоком. Кофе с медом. Поешь ты такое дома, в Москве голодной? Так что наедайся — в аванс… В животе и во рту — комфортно.

Юза Алешковского дочитал «РУРУ (Русская рулетка)»: как

пьют самогон в деревне и на спор и на слабо всаживают в барабан пистолета одну пулю. Стрелялись Степан и участковый милиционер, а умер другой — Федя, просто от перепоя самогону..!

Ну и травлю давали обычную, Юзову, барочную.

А главная интонация (чувствую) — ликование человека, который вышел на счастье, дорвался до нормальной жизни — и лично счастлив. Как и я: я ведь тоже дорвался до живой вагины, до любимой жены, до нормальной семьи, чего уж и не чаял! И все — ликую: «Ликуй, Исайя!» — моя главная интонация. Потому и вписываю этот быт и будни счастливого на Руси человека — как чудо и невидаль и небываль. И право чувствую так писать — такие «жизнемысли».

Но вон и Юз миниатюры в китайско-японском стиле милые выдает:

«В холодном нужнике императорского дворца
размышляю о совершеннейшем образе домашнего уюта.
Зимним утром, в сортире,
с шести до семи,
присев на дощечку,
уже согретую фрейлиной И,
газетенку читать,
презирая правительственную печать, и узнать,
что… накрылась династия — Ах, Юз-фу, бесполезно мечтать о гармонии личного и гражданского счастия».

Прелестно! И эта «дощечка, согретая фрейлиной И»… Дорвался до нормальной жены и семьи — Юз, богемой бывший…

И вот здесь, в Штатах, в нормальной не жестокой стране, как сладко отсюда все припоминать и восписывать готические романы из савейской жизни ужасов на дне бытия!

Так что у него — положительный герой, мечта советской критики, осуществлен: счастливый человек!

— Просто нормальный, — поправил он, когда я ему в порыве позвонил. И ему было приятно — встретить «разделение» чувств и позиций.

— Как бездарно всякое критиканство! — он сказал, и я вполне согласен.

Испугался выступать по радио

22. X.91. Вернулся из поездки в Дартмут: Юз и Ирина возили меня туда лекцию читать к ихнему другу Лосеву Леше и Нине Моховой. Милые, тонкие люди. И лекция мне удалась — чувствую. Некоторые ошибки в артиклях и в произношении греческих слов на их манер. Но дикция у меня ясная, и текст интересен, и читал я с некоторым артистизмом интонаций в голосе… Но — так мало вопросов. Представляю, какую бучу бы моя концепция Америки, России и Еврейства вызвала у нас! А тут — академично послушали, пару профессиональных вопросов задали, улыбались — и разошлись.

Потом ужинали — пировали. Разговорился с ними. Однако переел свинины — не было гарнира, картошки или вермишели, а одна запеченная свинина с вином — хоть и нежная, но давило в ночи. Сегодня ел и пил мало, очищался. Но все равно — утомление. Дорога назад— тоже три часа. А главное: когда видишь их две семьи, уже тут спаявшиеся в здешнем образе жизни, в заботах своих и сюжетах, чувствуешь, насколько ты иной, не ихний, отслоен…

Особенно — в следующем сюжете. Накануне мне звонил из Вашингтона Фрумкин Владимир и, зная, что я буду у Лосева в Дартмуте, предложил нам с ним провести разговор, а он запишет, передаст по «Голосу Америки» на Россию и пришлет чек…

Переночевав у Лосевых, я с утра сегодня отходил от вчерашнего и освежался, готовясь на эту беседу днем и на встречу за ланчем с профессорами-русистами Дартмута. Юз с Лешей ездили куда-то к немцу, готовящему какие-то исключительные сосиски, зальц немецкий и колбасы, запасать себе. А я сел почитать в их доме «Огонек» после путча, сентябрьский. И там — про преступность в Москве. И вдруг дошло до меня: что же ты делаешь? Наведешь на себя, на след: что ты сейчас в Америке и возвращаешься к Новому году — так ведь собирался начать, чтоб не подумали, что я тут застреваю, остаюсь, но что возвращусь делить судьбу: это я собирался сказать во извинение, что стану что-то говорить-соображать про нынешнее, хотя и не знаю, что, да и неловко отсюда поучать: сколько людей — столько сейчас и поучателей, и потом что-то вякать?..

Да ведь чудак-человек! На заметку возьмут там услышавшие: на семью, на жену-дочерей наведу след, засвечусь. Мы-то в доме от соседей скрываем, что я в Америке, а тут во всеуслышание — нате вам!

И Светлану спросят: «Так Ваш муж в Америке —

зарабатывает? И когда приедет?..» И какая этим Ларисе и Насте свинья будет подложена — девочки же боятся! И вот я отсюда засвечу всю семью; приглашу: грабьте нас, убивайте, у нас доллары есть, привез!..

Когда дошло до меня это и каким идиотом и гадом меня мои девочки обзовут, если такое совершится, — то понял, что никакие 200 долларов не возместят возможных страхов. И когда они приехали с покупок, я вышел и сказал: прошу извинения, но я боюсь и говорить не буду. Надо отменить. Они посмеялись, но позвонил Лосев в Вашингтон, отменили разговор, и мы сидели, тихо обедали, беседовали.

Но этот казус, конечно, меж нами водораздел дал ощутить: они тут, в безопасности, а мы там — в стране преступности будем жить и в голоде. И так мне жалко и мило стало все НАШЕ, тамошнее: ибо там мои девочки русские, и никуда они не тронутся, и я с ними. И какое-то благородство и возвышенное пре- терпение отделило меня от Юза, тут все покупающего и меняющего и даже меня слегка наебывающего, хотя — ласково и умеренно. Вон сказал по пути, что Гачеву надо Лосеву бутылку поставить и что он бы сам, но лучше от нас всех я — и на 15 долларов купил бутылку ирландского виски. Ботинки свои сношенные мне за 5 долларов сбагривает, говорит, что раза два всего надевал, а там подметка от стертости потоньшела. Но все равно возьму, хотя и тесноваты…

Чужеродность моя — и им неприятна: как бы некиим укором их благополучию…

Да, как тутошние, особенно Юз и Борис Парамонов, заводятся бранить и потешаться над всем советским и над нашим несчастием — от глупости. Юз говорит: «ВЫ там это наделали. А еще воскрешать умерших (это он над Федоровым и Светланой потешается) — вместо того, чтобы хлеб растить да картошечку, падлы!» И когда я пытался охладить его, объяснив, что это (концепция воскрешения у Федорова — 30.10.65) — как у Канта: «регулятивная идея разума», так что не делает пусть карикатуру, — он так уцепился за этот термин и стал вертеть на лады всякие и сокращать: «РеИРа», как «РуРу» — «Русская рулетка», его рассказ, что только прочитал. (Сейчас вслушавшись, нахожу, что аббревиатуру-то Юз сделал как бы транзитную, промежуточную между американством и русскостью: сократил, но с сохранением гласных: талант и слух поэтический навели его так сделать. — 4.8.94.)

С ожесточением поносят и издеваются — как бы совесть свою не совсем чистую успокаивая тем: что тут они в холе живут, а все темы и сюжеты — там, где мы, про что их критиканство,

поношение и сатира, — и с того они живут и зарабатывают…

Но ты тоже не будь ругателем неблагодарным. К тебе относятся хорошо, вот лекцию устроили, довезли, кормили, ночлег дали, заплатят. Но и Юзу, что привез меня, надо будет отсыпать 70 долларов. Так что и себя не обидел он.

Да, хорошо, что не стал говорить по радио. Такая сейчас раздраженная обстановка и так ловят неудачное слово! А у тебя они бы были наверняка; потом пережег бы все нервы ты от раскаяния.

Ведь твое сейчас размышление — что «путч» был прав и более подходил к нынешнему этапу и психологии народа, чем фанфаронная «победа» демократической общественности…

Да, потешили себя интеллигенты в эти года, ругая государство, партию и историю. И все это — тешенье себя в своей значительности, но совсем не ответственность положительно строящих деятелей.

И факт: «крестьянин» корма-еды производить не будет, если его не заставят так или иначе. С барщины — да на рынок? — не тот опыт и психология. Надо постепенно: на оброк переводить. А буржуазию выращивать — из партаппаратчиков, что все же активны и практичны, хватка деловая и уже опыт власти, и накопленные капиталы — без пустых перетряхиваний в другие руки того же решета — пошли бы: в дело. А так — у них отберут, а схватят — еще худшие, мошенники… Не производители (как все заводчики и аппаратчики), а перепродающие все то же самое мизерное «богатство» производства.

Так что будет голод и вымирание горожан и интеллигентов — и это именно нас, с семьей. Потому доллары, что тут заработаю, — не тут оставлять, чтобы рост в год давали еще 500, как Димка советует: на его книжку положить, а когда нам нужно будет — перешлет. Нет, именно сейчас нам будет нужно — чтобы не сдохнуть, перетянуть год-два…

Вот тебе и культурология и твои интеллектуальные игры и национальные космоса! Тут на жизнь-смерть ставка…

И чую безнравственность счастливой жизни тут — их. То-то они так выебываются, Юз особенно, доказывая наш «мазохизм» и идиотизм «культа страданий». Бесит Федоров и память предков.

— Предки — во мне! — настаивает Юз. — Вот в руке моей, в ее клетках; они мною живы — и все!

Значит, ради того, чтобы он жил и наслаждался, они жили и умерли.

Почитаю-ка Платона «Федон». На Элладу настраиваться надо.

Плебс ты жалкий!

23. X.91. Ну, благословляй течение дней — ибо близит к любименьким и к своей тарелке. А тут не к своей все присоседиваюсь — и нелеп.

Конечно, и к смерти близит это течение. Но чуешь — ближайшее.

А раз ближайшее, то отчего бы не вникать в сиюминутное благо? Что ты с утра здоров, зарядку сделал, под душем стоял, ел. Сидишь у окна при солнечной погоде снаружи. Звучит-мурлычет какая-то классика XVIII века.

Однако сиротливое чувство у меня от посещения Лосевых в Дартмуте — к ним. И почему? Не понятно. Ведь так хорошо устроены в своем доме-имении двухэтажном с садом, на берегу реки. Оба хорошо зарабатывают, дети устроены; машины… Себя бы тебе жалеть, а не их. Ездит по конференциям по всему мира, а ты — нет.

И все же — островок русскости в Гэмпшире, в Новой Англии, на севере…

И что за «русскость», когда он — еврей, она — русская?

И куда ты возвращаешься? По радио: Украина отделяется, забирает армию на ее территории, Черное море и Черноморский флот…

Так что просто сиротство людского жребия — и своего — в них тебе предстало, отразилось. То же и Юз: хорохорится тут и уговаривает себя, как он счастлив… Но как держатся за свой круг — среди кружков других маленьких! И тут уж не задень — его Бродского, например. Да и друг другу надо лишь хорошее говорить и ласкать. Ибо узок круг — не плюй в свой колодец…

С другой стороны, все — под Богом. И здесь Он не дальше, а ближе даже, чем в родном Космосе, что перенимает на себя любовь и отчего, в близкодействии блага и родности, — язычество усиливается, заземленность — от Дуба, Березки… «среди долины ровныя…»

Понимаю пуритан — переселенцев лишь с Богом в душе и в небе.

А с другой стороны, у эллинов, греков в малых космополисах их, где все так рядом и одушевлено, где близкодействие божеств, многих, — там демократия в Божестве. Ну да — вот что такое политеизм и язычество. А монотеизм = деспотизм, монархия…

Однако до Греции тебе надо еще Россию-СССР кончить.

Но как уж надоело, как омерзело — «моделировать»! Будто сытые игры и забавы — над стонами, кровью и смертью. Сколь

благороднее занятие Светланы и Насти и Ларисы, кто смертный жребий наш не упускают ни на миг от сердца и ума…

Толстой — перечитывавшийся («Война и мир») — засел в душе и уме: положительная жизнь! Не паразитарная — на выедании наработанного, как даже у Достоевского.

И думаю дальше о Роке русской и советской истории. Лезут— в зону предпосылок, условий: сначала расчистить, условия создать, а там уж и абсолютное будем хорошо и по-настоя- щему делать!

А другие народы и люди, каждый индивид, — сразу делают свое дело, вертикальное — жизни и богатства, без-у-словное; а из этого постепенно, для координации этих усилий и творчества в безусловном, образуются и Общество, и законы как медиаторы их — самостных и абсолютно творящих ценности индивидов.

У нас же — все вбок, вкось, не на то.

«Иди туда — не знаю, куда. Принеси то — не знаю, что!» — вот формула Русского Логоса в сказке — гениальная!

Чего-то хотят, хорошего, но не знают и не понимают, чего. В то же время пытаются делать — вслепую. ДЕЛАТЬ НИЧЕГО. Активничают.

И сейчас: вместо работы каждого на себя собираются на митинги и советы — рвать силы сцепления с Россией и Союзом. Будто индивиду под властью домашнего сатрапа легче будет. Прежде хоть могли апеллировать к центральной власти. Личность легче давить в малом государстве. Хотя индивидуальность развивается там сильнее, энергичнее, во все стороны, и телесность. Больше удельный вес на единицу — в малом целом.

1.15. Но что за пугливость? Вот ходил на гуманитарный ланч — с сыром, вином и фруктами — и с докладом о том, как в XIX веке фотографами формировался образ классики — Афин и Рима. Молодой человек легко и с юмором рассказывал и показывал — Афины, Рим, где легко и неоднократно бывал: и люди все — в курсе дела: бывали. Ну, даже и я в Риме был. И все же какую ущербность я, сидя, чуял! То ли — от скованности в языке? Толи от того, что вообще я — русский «совок», забитый человек, а они — раскованные хозяева мира? То ли моя личная это сви- тость пугливого в обществе человека?.. То ли оттого, что, придя раньше других, нарезал себе сыру и наложил масла в булку, стакан вина налил и дыню с виноградом взял — наесться на халяву, казенного, — и как, сравнительно со мной, мало брали они: чуть сыру, стакан воды, кисть винограда?..

И по всему по этому так натянут я сидел, и к интересу интеллектуальному, к любознанию добавился обертон — и даже тон, и основной то был — душевного неудобства, исторической

униженности. От судьбы.

Но ведь так всегда бывало. Разве плебей третьесословный, приглашен будучи в салон аристократии, — не так же униженно себя чувствовал? Жюльен Сорель и проч… Это давало пружинность и динамику — и для внутреннего сосредоточения в себе, и на уход в себя, как главного собеседника и друга, понимающего (внутренние монологи Жюльена Сореля и героя Достоевского; да и мне — как хорошо прийти домой, уединиться!), — и для распрямления и раскрута наружу: в действовании, в империализме на мир. «Желанье славы» (пушкинский стих. — 7.8.94) и самоутверждение. Как еврей, как Эпштейн… (Вчера у Лосева проговорился: когда — об Иакове, как он обманом отнял первородство у наивного Исава, я сказал: «Эпштейн — Иаков», меня тут же усек Лосев и спросил: «А что, Эпштейн у Вас что-то похитил?» — и пришлось мне в ламентации унизительные вдаться…)

Ой, как тяжело среди людей!.. «И притворяться не погибшим»…

Как хорошо прийти в свою тишину — к раскрытому Платону и Монтескье!.. Глянуть на красное дерево и желтое, и на зеленое за окном. Сразу снимаются социальные натуги и перенапряги отношений. Нет отношений. А есть Истина и Красота. Не вклинивается помехою самочувствие «я», «не-я»… Психология. Политика. Дипломатия.

Но какие американки раскованные! «Чиирфул»! Бодренькие.

А евразиец — окован: немецкая рефлексия, русская стеснительность, французский страх быть смешным, английская сдержанность, китайские церемонии…

Надо будет про это — в лекцию добавить.

6 ч. Такой ты плебс жалкий! только вернулся с велосипедной поездки. Рюкзачок захватил — на всякий случай. И наехал на убранное кукурузное поле. Там вижу — кочаны валяются. Стал ходить-набирать. Приехал домой — вот варю. Но — не то: жесткие. Небось уже для свиней на корм. А ты взялся себя кормить. Свой желудок мучаешь. Вон валяются груши и яблоки. Так ты хорошие кладешь в холодильник, а обрезаешь и ешь плохие. Когда их съешь — уже те, в холодильнике, становятся плохие. Так ел бы сразу только хорошие!..

Мужик! Без широты. Так и в писаниях своих: не умеешь лучшее выбирать — и кучу-малу устраиваешь, где сор перемешан с добром.

Однако завтра надо завершать Россию — и объяснить Революцию и Коммунизм — с великодушной точки зрения.

Записка от Присциллы:

«Дорогой Георгий! Имейте в виду, что Вы приглашены на обед с Станкевичем — не с тем (= не нашим политиком из молодых, а профессором Йельского университета. — 7.8.94) — 24 октября, у нас дома, вместе с кафедрой.

— Присцилла.

Вы неправы насчет нашего Томаса!!» (кандидата в Верховный суд, обвиненного в «сексуальном понуждении»… —7.8.94).

Портятся отношения с Алешковскими

25.10.91. Но как не владеешь собой — рукой своей жадной! Вчера у Присциллы на ужине спросила она, что мне налить, и я для тонуса: «Виски», — сказал (потому что предстояла лекция лингвиста Станкевича после этого ужина в 8 часов, а от вина я раскисаю). Она предложила мне достать бутыль с виски и самому налить. И я — плюхнул, слишком. Но не выливать же назад! И вот к лекции — прикосел, а такая была она прекрасная, мне же пришлось все время себя усиливать, чтоб что-то понимать. Такая жалость!..

И какое глупое саморазрушение: окосение от виски пытаешься нейтрализовать крепким кофе. И все на печень иль на что там нагрузкой ложится — и в ночи болит.

Так вот падаешь. От плебейства своего, несамовладения.

Вообще противен ты — в повадках своих, автоматических реакциях.

Вон вчера Ирина Апешковская подъехала на машине к департаменту, а я с зарядки возвращался. Она открыла дверь машины и сказала: «Вот тебе суп Юз передает». Я гляжу: суп в сумке с яблоками двумя. Беру сумку. Она: «Нет, только суп…» Конечно, яблоки она себе взяла на день — любит грызть, обычное ее дело. Но как постыден был мой жест — загребущий и унизительно ее меня удержание!

И чувствую, как постепенно тонкая антипатия начинает занимать место начальной симпатии меж нас — как раз из-за моих нежеланий тут раскошеливаться, тратиться… С презрением начинает она видеть во мне не «гения», как со слов Юза подавала меня американским знакомым, а свинью, которую посади за стол — она и ноги на стол.

Ошибка последняя была — просить ее подшить штанину у джинсов, что внизу стали отходить у одной брючины. Пустяк, полминуты. И Юз мне все говорил: дай Ирине — она тебе из джинсов шорты в два счета сделает. А тут — совсем меньше работы.

И все же — что она, жена мне? По какому праву прошу? И вообще нагрузка опекать меня, тут не приспособленного, начинает, чувствую, досаждать им.

Ну и во мне взаимно назревает — легкое охуждение их, ропот:

— Вот, мол, устроились, мещане — от культуры! Юз —

практичный торгаш — и вещами, и своими произведениями: отработал прием — и выдает вещицы на рынок, на его потребу…

А она — довольная, спокойная, эгоистическая бюргерша, Без сверхидей, не то что мои женщины…

Вот видишь, как уже по-свински за добро тебе платишь: охуждением втихаря. Прекрасные, добрые люди, щедрые, дружественные. Нормально, в меру эгоистичные. А ты что — нет, что ли?

Однако и тут у тебя психологические отношения начали завязываться — как мох-лишайник органики на камнях и льдах стерильных, когда только высадился на этой новой планете… И вот уже через два месяца — завязь органики. И она — гнильца, вонь- ца, смрадец-душок, грязнотца, перегной-удобрение…

Одно хорошее (как было в начале: улыбки, приветы, симпатии) — это еще не органика, это всего лишь один слой, моно- тонь, одна линия. А вот когда эта волна вспять пошла, себя же обвивая и погашая, — это уже минус, смерть — ее перца добавок, отрицательности, — и это уже стоячая волна, уплотнение, плоть; и это уже — жизнь, погуще замес и настой.

Там, у Присциллы, были два русских художника — пожилых: Евгений Расторгуев и Тамара Гусева — с 1920 и 1918 гг. рождения. С выставками своими тут ездят. Сразу так домашне разговорились. И — Федорова чтут: как же! Достали зеленый том Светланина издания, читали! Голубоглазые. Светятся души русские. Написал через них письмецо Лариске и Светлане — через 5 дней будут в Москве.

24. X.91

«Дорогие, любименькие!

Случайно в застолье у Присциллы встретился с русскими художниками: Тамарой Гусевой и Евгением Расторгуевым. И сразу мысль: послатЬ вам скорый привет — с оказией.

Слава Богу, уже полсрока прошло. Сегодня в 3 часа тут смотрел программу «Время» и понял, что хлебные бунты уж в Москве. Но все равно скорей домой!

Тут отказался выступать по «Голосу Америки». Что я могу сказать? Да и безнравственно: вякать что-то и «советовать» и соображать отсюда.

Своим студентам я даю Федорова — как главную русскую мысль.

Выпивали тут у Юза с Парамоновым; поклонник Фрейда и во всем видит «гомсов», так что трудно было мне его понять…

Обнимаю. Позвоню.

Папа Гоша».

Мы — советские люди

Маленький островок советских мы у Присциллы были…

Не знаешь, как и называться теперь: «русским»? — ты не можешь, ибо какой же ты «русский» по крови? А по державе? Она еще не созрела. Так что «советский» — это как раз подходило к тому образованию геополитическому, что из разных этносов за этот век сложилось. Неплохое и слово — «совет», «союз»…

Мы с ними, конечно, уже старые люди, обломки прошлого, где вся жизнь прошла, — и той структуры. И сразу поняли друг дружку — по роптанию на резкие перемены.

И как по-ленински поняли Свободу ныне! Как право наций на самоопределение, а не как свободу Личности. Как свободу сбиваться в животные стада по породам! Какое падение — даже после советского «интернационализма» — провозглашаемого и все же соблюдавшегося! При нем личности — внутри большого Целого — легче, чем в сбитом стаде из своих вонючих, животно-пахнущих плотей и кровей. А сейчас — такая «свобода» пошла, идет. Такая, что философу Мамардашвили из его родной Грузии дает понять новый диктатор Гамсахурдиа: что его возврат в Тбилиси нежелателен, — и он, узнав, умирает на аэродроме Внуково от разрыва сердца.

…Звонил Юз — заботится, спрашивает: как харчо, что мне передал? И Ирина: «Зайди, я зашила тебе штаны».

Видишь, гад-мерзавец ты, уж начавший шипеть-вонять охуждением!

…И эти, взбесившиеся сербы и хорваты, палят друг во друга и разрушают старинный Дубровник, чего даже немцы-фашисты не делали. Или у нас — чечены и ингуши, молдаване и приднестровцы русские. Теперь Украина — отделяться и прихватить Крым да с Черным морем. Так что уж и не поедешь туда и в поход на Кавказ! В чужие державы…

Ну что ж: как на развалинах Римской империи и эллинизма — разные государства образовались — Египет, Иудея и прочая Сирия… Но для Духа, конечно, светлая эпоха была — в большой империи: когда обмен идей, мирная жизнь и далека центральная слабая власть.

Так и на советчине было — в эпоху «застоя», тихую, органическую, где живая плесень стагнации = органика лишайников коррупции — нарастала, и стал трансформироваться «коммунизм» в некий «капитализм». Так бы и шло — постепенное превращение и приручение народа к торговле «народным достоянием» и к рынку — органическое и умеренное воровство. И

его сподручно делать — именно партаппаратчикам: присваивать имущество и в уже частные предприятия производящие превращать. Они все же — ответственные товарищи, привыкли делать. Ведь наиболее активные элементы социума шли в партию — и через нее делали. И теперь бы — так. А то отбирают сейчас у них, а кто получит? Уже чистые воры-махинаторы, только спекулянты, не производящие, а перепродающие наличное уже «богатство».

А интеллигентский карнавал гласности и обличений — безответствен перед страной, народом и хозяйством. На голод и наведут всех, отчего и обратный поворот — к диктатуре и перевороту; но уже гораздо более жесткому, чем собирались мирные- милые «путчисты» — как персонажи из «Ревизора», умеренно коррумпированные и патриархальные. Не жестокие еще. А придет какой-нибудь Гитлер-Жириновский…

Если только Ельцин не поймет, что надо самому закручивать гайки… Но его советчики-«демократы» сразу — вопить! Да и идет он пока на разрушение партийно-государственных структур старых, а ему бы затормозить и на них пооперется, откуда и сам-то он вышел такой-сякой…

А то — за правду, чистоту и «жить не по лжи»!

Да как же в таком перепутанном и ЛЖИЗНенном государстве, которого «умом не понять», — добиваться рационалистической логичности всего происходящего и устроения законов? Тут — кривить и жить! Только поспевай подделываться под извороты живые бытия! Переходный ведь — вечно! — период…

Главный простой очевидный факт: «крестьянин» не хочет производить лишнее, а лишь на себя. Вот и все — и просто. Значит — вымирание горожан и культуры, и свободы, и общества, и законов…

Должно быть частичное принуждение. А то из барщины колхоза— прямо на свободный рынок, который им и на х… сдался. Без стадии «оброка», который бы дал и городам жить, цивилизации, и крестьянам постепенно на рынок воспитываться. А то захотели сразу Ваську Воробья, моего пьянчугу-соседа милого, — в американского фермера превратить!

Вот утописты-то! Хуже коммунистов!..

Прагматики и эволюционисты были нужны России. Таковые и были в «застое»: и Горбачев — прагматик, и Лигачев, и «путчисты». Консерваторы полезнее радикалов — всегда так на Руси. Так нет: консерваторы — в реакционеров имеют тенденцию, а радикалы — в революционеров превращаться. И пошла очередная разруха! Перетасовка всей колоды карт. Без традиции и накоплений. И прерыв — и беспамятство. И не знаем: в каком

городе и на какой улице ныне живем — и в какой стране?..

Играю в куклы

Все продолжаешь малевать свои куклы — образы мира и «модели». Вон для России — набор из трех персонажей: Мать сыра земля, Народ-Сын и Государство-Муж. А вот и третий лишний затесывается — Интеллигенция. Общество и как бы средний класс: «А вот он я!» — тоже мужнина!

Но у Государства и Народа — одна косточка (ныне). А эта — из вестернизованной стороны Государства, из цивилизации Запада, оттуда наросла. И ничего не поделаешь. Все чужие модели несет-предлагает. Даже славянофилы и Достоевский — все равно из Запада выросли (Киреевский и др.)

Кстати, разбирал вчера «Великого Инквизитора» — три искушения Христа в пустыне. И так объяснял предложение стать царем земли:

— А разве плохо было бы? Бог — он же и царь на земном шаре. И нет многих государств, из чего войны и растрата сил на горизонтальные экстерминации наций — как вон сейчас. Об этом и в псалме Давида, № 80, кажется, что Державин перевел как «Властителям и судиям»:

И будь един царем земли!

Всем бы оттого лучше, а вот Христос отказался… Обрекши на глупые трагедии истории. На эту динамику взаимных масса- жей — и массакрей (от франц. massacre — бойня, истребление. — 7.8.94).

О теократии как идеальном мироправлении — и В. Соловьев мечтал… Во главе с Россией…

Русский вопрос — «кто?»

Понял, что у нас — этим интересуются: «Кто ты?» (= с «нами» или против «нас»), «Кто я?» — вошь или Наполеон? Самоидентификация. Так же и «Кто виноват?» — это уж вечно: причину в человеке искать — и свергать. Тут же — и анкеты: «А ваши кто родители? Чем они занимались до Семнадцатого года?»

И интерес к человеку и его нутри — Достоевский, и вообще в русской литературе этот акцент: не что сделал? а кто сделал? И кто подумал и сказал. От личности — краска главная и на мысль.

(Это я все ГЛАВНЫЙ ВОПРОС додумываю. Для греков — «Что есть?» Для немцев — «Почему?» Для французов — «Зачем?» Для англичан-американцев — «Как?»)

(Позднее я пришел к выводу, что главный вопрос для русских — ЧЕЙ? К чему принадлежу? И фамилии отвечают на этот вопрос: Чей? — Иван-ов, Берез-ин… —7.8.94.)

…Но все же — прекрасно и нормально! Кто же не падал и не просыпался в отвращении к себе? Блок, Есенин? С похмелюги-то… А постепенно в себя приходишь — и взвидишь свет и благо вокруг — и даже в себе.

Сейчас вот пойду — книжки с ксерокса возьму. Потом — в библиотеку: надо на Италию уж будет тексты набирать. Приятная ж работа!

Но каково! За час лекции — куклу Греции, куклу Италии потом намалевать! Как это нелепо тут выглядит — среди узких тем и специалистов! Тот же лингвист Станкевич, когда меня расспрашивал о моей специальности и я назвал — «культуролог», он: «А, это — как Аверинцев? Или как тот, кто Бахтина критиковал… — Лосев? Вот был культуролог. Но это у вас — широко. Мы — поспециальнее».

Но хорошо и точно себе ниву прокладывают. Вчера один историк России (забыл фамилию) рассказал, что его тема — «Субкультура — в политике». Как идеи: дарвинизм, марксизм, фрейдизм, ницшеанство и др. опускаются в субкультуру — и оттуда выплывают наверх лидеры харизматические: они уплощают идеи, но и делают по ним. Также и нигилисты в России. И вот уже тема для пожизненной специализации — хорошая. Как производители помады или маргарина или оправы очков — мастера своего ремесла! В разделении труда проложили стезю своей фирмы.

7.10 веч. Как хорошо одному! Не напрашиваться на общение и развлечения, в которых — натуга, все время шанс сделать faux pas — ложный шаг, слово не то сказать, жест…

Катался на велосипеде — два почти часа по холмам, среди пиршества осеннего. Потом долго ел дома: кукурузу, набранную позавчера, еще жесткую все же, дожевывал; суп клейкий в подмогу, вермишелевый, варил, радио слушал— язык двигал. Что еще надо? Вечер — мой. Книги тут— прекрасные.

26. X.91.

Любименькие!

Вчера опять подступило к сердцу: невмоготу без вас! Как пуповиной потянуло — и вот прозвонился! Свои голосики! Как Ларисы волосики, что где-то, отрезанные, храню. Маммушкино «МУ-у-у-у…» Получила психея моя еще питание — подлиться.

Какое же это чудо: что мир так велик, а держишься в жизни лишь вот этим «Му-у-у…», сердечной привязью к такой же малости и хрупкости, как ты сам… Вот и сейчас чувствую, как из сердца что-то вырывается и тянет-несет — к вам, к нам, на кухоньку — позавтракать (хотя было б, чем?) с Маммушкой долго, протяжно, с говорением и миловзорами… И как Маммушка, уев свое, уже мне помогает с тарелки… — как белая медведица, владычная сих мест госпожа. А я, инородец, сладостно покоряюсь. Правда, временами рыпаюсь прекословить… — но поднимается большая белая лапа — и… я улыбаюсь — перед Абсолютом. Ибо лишь его душа взыскует — нас обоих, и белая лапа стирает случайные черты моей мелочности — и помогает и мне воздыматься превыше себя, своей протагоровой меры. О, восторг и восхищение!..

Кстати, уж перехожу Грецию им промышлять на следующей неделе. По дню на космос — щелкать образы в панораме. Портреты писать — как в «Русской Думе». Но облегчил себе — из опыта прежних занятий: даю-выбираю им по нескольку страничек из текстов — для анализа в классе. И мне легче — время идет; и они втягиваются рассуждать и понимать. Для «Греции» выбрал из Антологии мировой поэзии пару «гомеровских гимнов», Эсхила из «Орестеи» хор о Судьбе, Архилоха — о Ритме, а главное — мифы из Платона: «пещеру» из «Государства», «анд- рогинов» из «Пира», продушу — какупряжку из двух коней и возничего из «Федра», про мир как котловину, где люди = лягушки из «Федона», и из «Тимея»: как Демиург закрутил два колеса- шара навстречу друг другу. Всего-то вышло 15 страничек, а какие!

Но главное событие вчера — письмо из Дартмута, отклик на мою лекцию там: читал 21, написано письмо — 22, и вот уже 25 пришло. Надо будет его перевести. На лекции сидело 5 взрослых мужчин, человек 12 студентов и еще, как оказывается, пожилая дама, которой я и не припомню. Когда я кончил лекцию и воззвал к вопросам и обсуждению, было два-три вопроса задано, но не

обсуждали, хотя я взывал, говоря, что я ведь провоцировал — резкостью… Удивила подпись — не совсем мне разборчивая: «Ульрика фон Мольтке». Кто это? Как мне разъяснил Лев Лосев, кто меня представлял там, и я вчера ему звонил выяснить: кто это? — это оказалась жена сына маршала фон Мольтке, кто был казнен Гитлером за участие в заговоре 1944 года. Они **с** *мужем,* **Конрадом** *живут у них в Дартмуте.*

ПИСЬМО ИЗ ДАРТМУТА

Октябрь 22,1991

Дорогой Георгий Гачев, как один (в английском нет родов, так что, читая, я не сразу понял, кто пишет: мужчина или женщина. — Г.Г.) из слушателей Вашей лекции вчера, я сожалею, что не заговорила сразу после нее: я медлительна в артикуляции. Ваш страстный доклад заслуживал действительно сильной реакции. Но, может быть, безответность нашей группы могла быть частично обязана факту (люблю переводить буквально, не сглаживая неуклюжести: тогда прямее проступает чужой склад мышления. — Г.Г.), что это очень трудно — войти извне в этот тяжело сложенный дом идей. (Прямо германскими архетипами мыслит: «извне — внутрь», «структурированный дом»! — Г.Г.). И я тоже чувствовала, что мне нужны были по крайней мере все мои энергии, чтобы слушать, удивляться, стараясь схватить. И только позднее вопросы и сомнения медленно возникают. Сомнения также фундаментальной природы, касающиеся Вашей ошеломляющей систематизации и детерминации мира. Это очень сильно, как каменные скульптуры, но мне сдается, я предпочитаю мелодии (снова германский ход: от пластики — к музыке! — Г.Г.), когда приходится описывать изменчивые пути народов сквозь время (опять Время! — германский акцент в паре: Пространство и Время. — Г.Г.).

Что же до специальных вопросов, я недоумеваю: правильно ли я расслышала, когда Вы говорили о первородном грехе белых поселенцев — в том, что они вырезали индейцев, как деревья, вместо того, чтобы **сделать их рабами,** *а потом смешаться с ними и образовать общую культуру? Да, большее количество индейцев могло бы остаться в живых, но… Что хорошего могло когда-либо выходить из рабства? Но и помимо этого: можем ли мы представить себе симбиоз белых и природных американцев, в котором бы европейская культура не подавляла индейскую?..*

Но вопросы и сомнения — в сторону; я очарована неортодоксальным способом, каким Вы стягиваете связи (очерчиваете отношения), соединяя широкое разнообразие аспектов, чтобы осветить национальные характеры. В Вашем прибегании к «более широким параметрам, чем ваша (= наша)

бинарная манера мыслить», а особенно в том, как Вы даете языку вести Ваши проникновения — die Sprache ist kluger, als der sie spricht («язык умнее, чем говорящий на нем» — цитируется изречение того, о ком дальше. —Г.Г.), — это мне напоминает и в этом я вижу некоторое родство между Вами и Юджином Розенштоком-Нюсси. Он тоже не давал себя «категоризировать»: философ, историк, социолог, теолог, профессор права, он был всем этим и чем-то другим и превыше всего — вдохновенным страстным человеком. Мне интересно: знаете ли Вы о нем? Я посылаю Вам его книгу, которая, я полагаю, созвучна Вашей речи, отдельно по почте. Вы можете найти его провоцирующим, но, конечно, заслуживающим Вашего времени.

Дорогой мистер Гачев, я ободрена узнать, что есть такие сильные личности, как Вы, в России сегодня, чтобы противостоять Западной тенденции постоянно производить и работать, удовлетворяя желания, со все возрастающей скоростью, — за счет других…

С наилучшими пожеланиями Ульрика фон Мольтке.

1.40. *Фу, устал. Еще Питер Рэддауэй позвонил — спрашивает: как дела, пригласили ли меня в Кеннан-центр по его рекомендации? — Пока нет. Спрашивал про Москву, и я сказал, что вчера звонил.*

— Как Светлана? Процветает?

— Ну, работает. А с едой… — там не попроцветаешь.

Ладно, пора подвигаться. Поеду на велосипеде, что мне Суконик, слава Богу, дал, по холмам и по осени — и пособираю какой фрукт: яблоки, груши, кукурузу — подножно подкармливаюсь тут.

10.30 веч. *Бесконечно кушаю тут: яблоки, на дороге набранные, кукурузу развариваю — вместо хлеба хорошо идет с сыром и маслом из земляного ореха. Будто в аванс ем — и читаю с печеньем жестокий анализ Питера Рэддауэя (прислал свои статьи) нашей экономики и перспектив — голода, и похваливаю: как точно и трезво, в отличие от прекраснодушных демократов и прочих ихних советологов. Похваливаю, будто страшную сказку читаю, под чай с тортом на сон в постельке: будто про других, будто не мне, не нам подыхать придется, скрежетать-бегать в поисках мерзлой кукурузы. Добро бы еще — из мерзлой земли выкапывать. Но ведь на асфальте она не растет…*

27.10.91. *О, какой это яд — читать про Россию отсюда — американские газеты на английском и русском языках! Особенно на русском — «Новое русское слово», которое, конечно, — еврейское слово на русском языке: голос вовремя уехавших и спасшихся от нашей разрухи на готовенькое милое американское житье, — и с*

удовольствием смакующих бедствия тамошние, откуда и чего избежали, даже сгущая: подкармливая тем свой уют и блаженство — зрелищем избегнутого ада. И все похохатывают, трунят над дураками и России, и советчины, и весь век сей двадцатый у нас освистывают. Будто не поимели тут еврейского культурно-творческого Ренессанса в 20—40-е годы. Да и сейчас — откуда же, разве не из атеистических и коммунистических семей чада-деятели нынешнего расставания: Аксеновы, Ерофеевы и проч.?

А наши газеты, наверное, — мазохистское расчесывание ран…

Что же делать и как жить? Мы, конечно, все равно остаемся в России: наше дело там и вся структура психики — тамошня. Но вот Димка предлагает «зеленую карту» добывать для всей семьи — на основании, что у меня сын — американский гражданин: чтобы имели возможность на время сюда приехать — работать и пожить. Это — стоит. И Св. по телефону одобрила. И для этого мне надо бы себе тут побольше сделать рекламу и прозвенеть. А у меня уж нет Эроса на это: все пути тут перекрыл Эпштейн: он прекрасно вписался по жанру и быту. Печатается везде. А я уж — архаичен, и мне трудно даже компьютер освоить, и в ужасе непонимания — перед всей техникой их счетов, чеков, машин…

Кстати, подумал: вот они потешаются над развалом советско-русской империи и хаосом в быте и корме. Да: оттого, что развалились опоры, стержень, на чем жизнь и быт держались. Ну а вот — прекратись, исчерпайся нефть в мире — что они будут делать, как жить, коли их «кары» замрут, окажутся хламом? А ведь весь их быт и инфраструктура страны на аксиоме вечности автомобиля и бензина построена: все эти расстояния и отдельные домики. Придется все бросать — и сжиматься в стайки деревень на земле, где ходить пешком и лошадей снова разводить.

Ну ладно. Пока целую. Эти два листочка отошлю письмом. А надо уже наперед лекции наготовить. И ответ даме Мольтке переписать, что вчера накатал. Тоже — работать приходится. Только и успеваю в эти четыре дня перерыва отойти от предыдущих дней работы — и подготовиться.

Обнимаю. Ваш Гошка.

Экзистенциальный трепет

Однако неплохо я пристроился с кормом тут, набрав кукурузу на поле и яблоки у дороги: забит ими холодильник. Вот и завтрак из яблок и каши кукурузной и кофе с молоком — и хлеба не надо. И живот не болит: пища здорова, примитивна — не то что их «бесхолестерольные» яйца да сосиски и сласти: чтоб жрать избыточно — и не жиреть. О, как много лишнего производится — и на что ум и изобретательность интеллекта тут тратится!

А ты (размышлял об этом на днях, катаясь на велосипеде и созерцая пир красок осеннего всплеска природной красоты) — уже вышел из стадии-ашрамы самоутверждения в мире сем: что мог — уже сделал, имя кой-какое имеешь, а суетиться на большее пробивание и впечатывание себя — уже не стоит, нет Эросу-энергии, как она вполне есть у 30—40-летних ныне идущих в гору (Эпштейн, Ерофеев и проч. — подфартило им с эпохой…). Хотя у них не будет того качества, что само собой сложилось у меня: они рыночны, продажны, а я — нет. Так что успокойся: и продолжай жить и мыслить-писать, как жил: прослеживая со вниманием происходящее в тебе и вокруг — в ключе положительном, не ругательном, в разуме восхищенном и адресуясь внутрь, к некоей благой сущности Бытия, а не к читателям тем или иным и покупателям из мира сего…

И в этом плане — кукурузка да яблочки, подножным кормом обхождение — это как про Робинзона нам вечно интересно читать, как и Розанов про мучицу стенал, чтоб прислали умирающему в 1918 году…

А культурологические диагнозы и модельки — Бог с ними, надоели — сии тщеславного интеллекта порождения и игрища на ярмарке культуры.

Экзистенциальный трепет и самоощупь — вот что вечно серьезно. Хотя название и слово «экзистенциальный»— тоже из культуры стибрено. Как бы попроще это выразить? «Трепет жизни? жизнепрохождения»? Можно, да не то, и не звучит, как парадоксальное сочетание загранично-латинского слова — со искоренно славянским.

А зачем тебе звучание? Тоже ведь — тщеславное красование.

Как честно и серьезно у Толстого («Войну и мир» перечитывал на днях немного) — домогание до простого выражения сверхидей! И о главном пишет: умирание, влюбление, мышление, охота, война, вальс, опера…

А ты, мерзавец, все собой занимаешь страницы! Нет — описать хотя бы быт Весленского университета: этих студенток,

что в шортах босые сидят и попивают из большой кружки на лекции…

Как взбунтовались твои студенты в английском классе, когда их ты вынудил покупать ксерокопии русских текстов — отрывки из «Обломова» и «Челкаша», которые сам же не использовал на лекции, а им 6 долларов трать! Теперь, боюсь, не купят нужные мне наперед отрывки из Монтескье и Платона.

Вообще — как волчата смотрят уже, разочарованные: и зачем это им мучиться слушать мою косноязычную речь и фривольные (= «вольно-вольные», ибо «фри» — тоже «свободный» значит), не методичные, образные ассоциации и фантазии? Чему они научатся? Как им писать мне экзаменационные «тезисы»-рабо- ты на 15 страниц? Я и сам не знаю и увиливаю, а они уже подступают в тревоге и хотят консультаций… Надо сообщить им часы, когда я буду сидеть в офисе и их консультировать.

Но надо им все же доказать мою ценность: развитие их мозгам даю.

И вот на Греции — шкалу иную ценностей явить: МЕРУ, нестяжание, что не надо больше, чем надо… Демокрита и Сократа, Диогена и Антисфена (как тот, ступив на ковры Платона грязными ногами, сказал: «Так я попираю гордыню Платона». — «Но другой гордыней», — так же хорошо ответил Платон). И восславить созерцание, его превосходство над работой.

Вот и начинай, заведись. Кстати — и к России и русской шкале «нестяжания» привести от Греции-Византии можно…

11.30. Однако погода обещает портиться. Пока сухо, съездика снова на кукурузное поле и набери рюкзачок: будет тебе на два месяца, до конца пребывания тут, — основной корм хлебный и кашный. Да и устал уже умствовать — часа полтора с утра. Перерыв пора.

12. Нет: постирал носочки — солнышко подсушит, пока езжу.

Мера и перебор

28.10.91. Как сладостно вчера было про Грецию соображать-писать! В 4 часа, после поездки за кукурузой, взял бумагу, словарь и, на спортивном поле на солнышке усевшись, накатывал текст на завтра. Прямо как по-русски, с тою же почти скоростию писал — правда, примитивным, конечно, языком. МЕРА предстала как главный принцип Эллинства: на ее страже и Судьба (Ананке), и мойры, и эринии — карают за преступание в чрезмерность. И ею осуществляется гармония, справедливость, демократия даже среди богов — права меньшинств: Эрот не слабее Зевса.

Однако сам ты меру преступил — с кукурузой своей: перешел на нее, вместо хлеба, и на яблоки — и вот в ночи живот побаливал: небось засорил грубостью. ПЕРЕБОР (как в игре «в очко») — твоя как раз ошибка в жизни и мысли: заносишься в чрезмерность— в каждом образе и идее, в уравнении-ассоциации. Ну и — в поступке, в деле.

Но это и вдохновляет и питает. Ведь и у Платона «неистовство», одержимость в «Федре» хвалится — как Эрос и его действие в человеке. В влюбленном, в поэте вдохновенном душа летит горе и производит высшее, что в нормальном состоянии ей неподъемно.

Чрезмерность — преодолевает гравитацию, тягу земли и смерти.

Потом и свой регулятивный механизм есть в чрезмерности — диалектика! Когда зайдешь в мышлении дальше меры в некую одну сторону, как раз и выходишь к самоабсурду — и получаешь импульс назад или в иную какую сторону: ослепительно ярка тебе становится односторонность предыдущего хода мысли, — и раскручиваешься с той же энергией в противоположную сторону и реализуешь потенции этой иной точки зрения, обратной… Пока и тут не зайдешь дальше меры — и тебя понесет уже в иные идеи. Так в итоге и осуществляется МЕРА в познавании данного явления — через переборы, выходы за его границы. Но, значит, при этом не только изнутри его, но и извне его, со стороны получаешь возможность глянуть, его же тем самым ограничить и об-мер-ить. То есть самокритикующим развитием мысли познающей — теорему Гёделя превзойти: что будто невозможно изнутри явления его познать, а надо выйти к более широкому уровню, объему.

Да, механизм Нового времени во всем: мера — через чрезмерности. Так и страсти, и история, ее колебания и течение

жизни — устроются. Так что ПОКАЯНИЕ в захождении за меру, что зарвался, — необходимый исправительный механизм. Преступление — и наказание.

Но в общественном мнении чрезмерность возносится: величие! В гении и преступлении: что посмел! «Вошь я или Наполеон?», «Житие ВЕЛИКОГО (обязательно!) грешника» — замысел Достоевского.

Да и у Христа: против умеренных он, «тепло-хладных», за крайности и превосхождение меры: «О, если бы ты был холоден или горяч!..» Атак — «пройди — и мимо!»

Но помеха покаянию и мере — «я»: оно срастается с импульсом чрезмерного превосхождения в данную одну сторону — и это становится как мой состав и амбиция. И ослепляется человек: маньяк, параноик, одержимый, бес входит — как винт, мотор и штопор в идею — и тебя несет…

Потому обсуждения и конференции требуются — как обтачивание темы, уточнение меры в каждой вещи.

Но твое дело — идею подавать, будить мысль, будоражить, провоцировать на ответную реакцию. То есть — первый и энергичный ход мысли давать, функцией которого и следствием будут всякие возвратные умерения и поправки — уже автоматическим путем. Тебе ж — родить идею. Дело гения — генезис. Ошеломить неожиданностию и яркостию. Сгладить-то потом — это пустяк: тут автоматика заработает «умеренности и аккуратности» — редактура других умов-людей.

Так что дорожи даром одностороннего проникновения.

Однако тщеславно и рыночно это стало. Ницше: «сверхчеловек», «человек должен быть преодолен»… А и всякие приемы в искусстве — характерные, рекламно-торгашеские односторонности: кубизм, дадаизм и проч., что так легко усваивается частичным индивидом-профессионалом односторонним: по его умишку…

А мудрый — сам себя осаживает, знает меру.

То не благородно — все эти кричащие односторонности «гениев»: заявления своей «манеры», «оригинальности»… Дешевка.

Нет, продолжу: припаду к грекам — за мудростью. Как там политеизм, так и в философии все возможные первоподходы, принципы, точки исходные разработаны и уважены. У того же Платона разные диалоги = разные яркие персонажи и системы философии: Парменид — Единое, Протагор — софист, Тимей — креационист… и прочий Теэтет с теорией познания… Также и Аристотель: честно всех пересказывает…

Эту мысль, пожалуй, надо будет сейчас в лекцию подать-

вписать.

Обида = болезнь

30.10.91. Да и начинаю день болезно, ненормально для себя: на улицу не вышел зарядку делать, а — в ванну: голову мыл, потом ячмень промывал на единственном здоровом глазу — опасно, застудил. Так что решил не выходить на утренний холодный воздух.

Ну и в животе какая-то неприятность не проходит.

А обида — что оставили меня знакомые на себя, перестали опекать. Но с какой стати им тобою заниматься? Что за инфантилизм российско-советский, чающий «ЗАБОТЫ партии и правительства», к патернализму и семейности привыкший «совок»? Такой подростковый рессантиман — и в человеке на 7-м десятке!

Вон Катя Кларк и Майкл Холквист так и не устроили мне приглашения выступить с лекцией у них в Йеле, престижном университете, где оба работают. Казалось бы, проще пареной репы: сказать там обо мне, дать рекламу… Но — забыли. И понятно: он весь — в конференциях, она — с детьми одна, хлопоты, все понятно. Однако в тебе яд упрека нагноился: вот, мол, «друзья»! Не могут простейшего сделать! Или не уважают, не считают меня персоной достойной? Вроде нет. Или чем им не понравился?.. Так и хочется спросить — но не надо… Это — аберрация. Просто люди заняты, и им не до тебя, как и вообще американцы: каждый сам по себе делает свои дела энергично. А ты, по российской обломовщине и коллективке-коммуналке, ждешь, чтобы тебя подтолкнули, вывели, вспомнили, за тебя твое усилие бы сделали!..

И от вони своей и слабости — начинаешь приписывать дурные помыслы к тебе, а потом и дурные качества вообще людям, с кем имеешь дело и в психейные отношения вступил.

Вот вчера пример. У Присциллы был обед в честь «тэньюра» (утверждения на постоянную работу) Сюзанны Фуссо, члена кафедры тут русской. Она пригласила меня за два дня. И этого в общем достаточно: люди знают срок и час и сами приезжают на своих машинах. Но у меня-то нет. И меня надо или захватить кому-то по пути, или сам я на велосипеде подъеду, но о том тоже мне надо сказать, что машины не будет, езжай сам. Непросто забыли, ибо особый случай. А я сидел и ждал звонка. Уже вечер идет, уже 7, поесть-выпить хочется. Поехал сам. А там уж середина обеда, все веселы, смеются, стоя группами беседуют, стол «а-ля фуршет». Я мрачно один наедаюсь — ну и слава Богу: все группами заняты, и вроде никто не смотрит, как я хаваю —

семгу, белую рыбу, маслины и проч.

Но главная неловкость — одет-то я не на прием, а на велосипед: кеды, джинсы. Белая ворона и нелеп. А тут еще и президент университета Чейс — с бабочкой на шее, ласково приветствует, меня заметя. Раскаты хохота в кружке, где Чейс, Присцилла, Ира Апешковская. Но я туда не иду: боюсь не понимать юмора — самое трудное на чужом языке.

Американец не растекается мыслию по древу

Но вообще заметил, что «мэйк фан» = делать смешное, забавное — вот о чем забоятся американцы в разговорах и даже в лекциях. Вот на днях была лекция англичанина Джерри в Расселхаусе о постмодернизме. И главное, о чем заботился лектор, — сострить, чтоб посмеялись. Не о глубине мысли и инте- ресности, а вот чтоб приятно было людям слушать, понять без усилий, легко, посмеяться, себя при этом чуя превосходно — как американцев. Ибо априорно в них уже некоторое высокомерие к Старому Свету, к старью Европы и Азии и России, с их вечно «серьезными проблемами» в жизни и духе и в философии, что и яйца выеденного не стоят — на их взгляд (легкий, плебейский, все упрощающий…). Где так все просто — там что-то выдумывают, турусы на колесах! Особенно в России: берите землю и все в частные руки, переходите к рыночной экономике — и все будет о-кей!.. И почему-то не могут, какие-то затруднения находят — эти нелепые русские!..

…Итак, обиженный сидишь. Полежал сейчас с яйцом крутым на глазу.

И еще что понял в американцах: короткими четкими отрезками действуют — и в делах, и в разговорах. Сказал то, что нужно именно сейчас и для ЭТОГО дела — и кончил разговор. А русский подступает обиняками к главному зерну, а если с него начнет, то продолжит: «ну как вообще?.. У тебя. И что слышно?..» — и тянется нескончаемый разговор обо всем, о целом. Разговор-континуум. А у тех — дискретность. Ты только разговоришься, а те молчат, им уже не нужно длить беседу. Как вон Питер Рэддауэй тебя обсекал: сам тебе позвонил, по делу поговорил твоему же, ты оттаял и начал про «вообще…», а ему это странно, не нужно, а нужно уходить…

Таков и Американский Логос — не размазня, а корпускулярен-дискретен: четко знает, какую часть дела сейчас надо сделать — и делает. Так же — и что понять. Так что представляю, как непривычны мои занятия и лекции студентам. Но ходят: чуют интересное…

Так же и ученые: прицельно-профессионально нацеливаются на частицу культуры и ее досконально изучают — в отрыве от Целого. И — не понимают в итоге, ибо текст вне контекста берут. То же и «советологи» и специалисты по русской истории и литературе. Возьмут какую-нибудь носящуюся в воздухе, модную

ныне европейскую или американскую схему культуры, понимания — и прилагают к этому отрезку, ими знаемому, — и плетут исследования, с доскональными описаниями часто, а все мимо понимания, не о том… Живца не хватают, ядра…

Кстати, то-то им из русских писателей более всего ко двору и понятен пришелся — Чехов, с его рыночным жанром коротких рассказов. Где им читать полотна-фрески Толстого и Достоевского? Нет времени.

Но зато какая производительность труда — в тех областях, где они гении: в изобретательстве, производстве! Как мне говорил муж Присциллы Билл-физик: сделать автомобиль — на это ныне уходит 5 человеко-дней. Вот себестоимость! Так усовершенствовали-упростили производство! А кормят страну всего 3 процента населения — сидящие на земле «крестьяне»-ферме- ры. Да и миру всему, и нам продают излишки… А у нас — голод. И на «трудодень» 200 грамм ржицы получал крестьянин в сталинские годы. Тут же — за 5 трудодней — автомобиль, что продается за 10–15 тыс. долларов, ну — за 6–8. Дешево купить, раз заработки большие…

Что значит — страна не знала войн и революций = разрушений! А только накопляла добро, аккумулировала труд и ценности предыдущих поколений и структур. А в России, что накопила дворянская цивилизация — сметено советской, и снова-здорова… А ныне, что накоплено советской цивилизацией, сметается вместе со структурами — и снова-здорова начинать, на пустом месте, заботясь о «расчистке»…

«Противоположное общее место»

Почитал вчера газеты советские в библиотеке: «Известия» три часа читал — и как отравленный вышел: хоть вой волком. И поплакаться не с кем: Юз только злорадствует над бедами глупых «совков», вот, мол, до чего себя довели — ВЫ! Он уже дистанцировался.

Только русские студенты тут: Алексей из Иркутска, Малика из Ташкента — свои души и понимают и страдают. С ними вчера душу отвел слегка. Говорил: Ельцину самому надо сейчас диктатуру вводить — и он мог бы. Но ведь пришел на волне демократии, и они теперь ему не дадут: помешают вопияниями о нарушениях! И доведут до кровавой диктатуры. Вон там Скурлатов и Жириновский собирают силы, заседают… Власть ослаблена, а русский человек ныне, во-первых, люмпенизирован, не работает, а во-вторых, ворует, грабит, убивает. Так что уж захочешь какого угодно порядка от власти, чем природного зверства.

А евреи тут в «Новом русском слове» еще и подзуживают американцев не помогать России — даже «гуманитарной помощью». Какой-то публицист обратил внимание на то, что самораспустившийся Съезд народных депутатов СССР бывшего назначил всем двум тысячам депутатов депутатские зарплаты и привилегии до 1994 года, на срок, на который выбраны. «Так вот куда пойдут наши с вами денежки, американские налогоплательщики, если будем помогать!» Подсчитали…

Да, конечно, рабы и воры… Но не помирать же…

А почему нет?.. Миру-то что? Становитесь враз — как мы! — советуют. Но разве это совет — с пониманием?..

Да, Перестройка = опять «разрушенье до основанья, а затем…» что и как?..

Только интеллигенция попировала — в свободе слова и разоблачений. Тоже разрушительное дело делав, а не созидательно-ценностное. Наша «общественность» и Общество российское снова свой паразитизм и люмпенство доказали и далекость от народа и хлеба и понимания России. Похохатывали, западными моделями пробавляясь и применяя их к нашему — «нелепому»…

Да и литература времен «перестройки» вся в «застой» создана — и тогда имела смысл и страсть: ее таковой создание — как выпускание пара и гноя. Но вообще-то она — «противоположное общее место», как говорил герой Тургенева. Сказать, что советская власть — хороша, это официальное общее место. А

сказать, что советчина — плоха, это зависимое от первого «противоположное общее место». И — не творческо. А тем и заняты — осмеятели и разоблачители: Аксенов, Алешковский и проч.

Вот ты уже выражаешь обиду России, рессантиман русского народа и человека там: «Братцы! Мы ж за все человечество коммунизмом перестрадали — и за вас тоже, американашки и евреи! Что же покидаете? Поматросили — и бросили?..»

А эти — самодовольны-то как! Капитализм победил — тихо, терпением. Американские левые, социалисты тоже страдают: идеалы и их разбились…

Тут как раз про Маркса на днях лекция всерьез была — под названием завлекательным: «про постмодернизм».

В чем была мысль лекции англичанина Джерри? Он взял идею Соссюра про язык и речь: что язык — структура и относится к «референту» реальности: привычка у нас так полагать и соотносить. А на самом деле референт исчез, и постмодернизм в эту щель вклинивается и там создает свое искусство. И показал фотографии одной женщины на разных фонах: вот она — завлекательная особа; вот — неприглядная прачка в кухне; вот аристократическая дама в вилле с пейзажем. Все делает антураж…

Очередная перетасовка культурологических карт, как делают Дерида и проч., на кого ссылался. Без экзистенции и боли и жизни, которую не чувствуют, и из всего делают — «фан» = забавное.

Тоже и понятно — для стиля послевоенной культуры и еврейского отпечатка на ней: после жуткой серьезности «холокоста» и его невыносимой экзистенции — требуется отсмеяться, легкость жизни испытать.

А на Руси во советчине — опять серьезность и экзистенция! Сколько же можно? Вот и над нею хороший повод смеяться без конца — над экзистенциально влипшим русским дурачьем!..

Читал в «Нью-Йорк ревью» от 7 октября 1991 г. рецензию на книгу «Революционный антисемитизм в Германии от Канта до Вагнера» Поля Лоренса Розе. Рецензия называется: «Идеалисты против евреев». Там автор: что Кант и Вагнер еще со средневековым и грубым евреем-ростовщиком боролись, его имели в виду. А за полтора века свободы, когда евреев приняли в европейскую культуру и сообщество, — какой совершился взлет их творческий и вклад в цивилизацию! Верно. Реванш за два тысячелетия подпольного существования изгоями в диаспоре. А силы-то накоплены какие!..

Русские же все растрачивались впустую — и на чужие, не

свои дела и идеи… Вот яд-то и обида ныне!..

Свобода!.. «Как, Вы — против свободы?!»

А ведь коварное понятие. Сейчас свободу поняли — как свободу стад, малых народов — от большой империи. А не как свободу личности. Напротив: в малом стаде личность еще более уг- нетена-сдавлена, удушена — вонью национальной солидарности.

Так что не надо национального и социального освобождения: все это массы, толпы, «мы» всякие. А дай прорваться к личному пути ко Абсолюту.

Но это-то как раз в американстве и есть: сам ты по себе — соображай и ищи… Зато давит другое — общий механический стиль жизни и работы — плоскодонный, улыбчатый. Вот и профессора — как телеведущие: стараются улыбаться на лекциях и доставлять пищу улыбкам студентов.

Завожусь на спор со студентами

Вот мне вчера в английском своем курсе пришлось осечь их высокомерные, ну снисходительные критики на Монтескье. Я им дал прочесть из «Духа законов» две главы: о климате, местности и почве — и наивно спросил вначале:

— Ну как, понравилось вам его читать?

— Нет, — осекла меня Мередит. — Устарел, не понимает.

— Он когда писал? Какими материалами пользовался? Что он мог понимать в Востоке, южных народах, в исламе? — забросали меня.

— И какое высокомерие северянина Европы!

— Южные народы — ленивы, трусливы!.. А арабы и проч.?..

Да, попал Монтескье в атмосферу прав меньшинств!..

Стал я его отбивать — и анализировать текст, выявляя его остроумные отождествления материального — с психическим и духовным.

— Конечно, у него — часть истины. Но мы эту часть как раз и изучаем, и его наблюдения — в помощь. А про «героизм рабства» — у азиатов! Разве не красиво выражено?

— Пусть и красиво, но это не может влиять, раз я не согласна, — маленькая Габриэла тут.

— «Не согласны!» Мало ли с чем! Мы, не учась ничему, — не согласны со всем: можем это поставить барьером всякому усилию понять иное!

— Это верно, Вы правы, — согласилась Габриэла.

Не знаю: от души или испугавшись, что я вдруг такой сердитый профессор обнаружился и не терплю противоречия и могу снизить оценку?.. Потому что под конец ко мне и другая студентка подошла, Дженифер, и, как бы извиняясь за то, что нападать первая стала на Монтескье, сказала: «Нас так учили: подходить ко всему критически».

— Конечно, — соглашаюсь я, — но сначала поняв и другую сторону.

— Вообще у вас, — говорил я им, — американский, «ургийный» подход: мол, цивилизация все уравняла и сгладила различия. А у Монтескье — «гонийный» подход: тогда Природа была еще сильна и обступала, и влияла, была могуча, и ее предопределения народам и странам были очевидны, прозрачны. Потом они позакрылись — под пологом одинаковой городской цивилизации. Тем нам дороже эти свидетельства доцивилизованных времен — для наших национальных миропониманий: то, что под спудом машин, дорог, телефонов и

проч.

— То же самое, чтобы вам было понятно, — продолжал пояснять я, — и Фрейд делает, врач-психиатр: раскапывает глубину досознательного бытия. Вы ж это принимаете! Так и Монтескье читайте — всерьез и с поучением…

Ну что ж: можно начать свой день — на улицу выйти. Уже 10.

Во всяком случае, успокойся и в «американку» не лезь вживаться, вписываться: не удастся — ни издать себя тут, ни понравиться реакциями, чтоб пригласили тебя, да еще и Светлану, на следующий год, как ты проговорился о своем желании Кате Кларк. Она сразу намотала на слух: конкуренты! Нечего привечать и помогать, еще и рекламировать меня!..

Отторгнут чудака-дурака непрактичного, еще такое говорящего простодушно.

Нет, тебе сюда взойти — разве что, как Бахтину: как уже русско-советской культуры монументу, кого когда-то изучать и конференции организовывать, и на этом себе нишу научную сделать, как вон Кларк и Холквист на Бахтине, другие — на Булгакове, Набокове и проч. Так что делай свое чудаковатое дело — там, у себя. И не соблазняйся рыпаться. Хотя полезно было побыть — и примериться и понять: не тае! не твое! не для тебя!.. ТутЭпштейнам пировать — с остроумными эссеями.

Меланхолик с флегматиком…

30.10.91. А вообще-то работаешь ты тут как славно!..

…О, какое ядовитое змеение в глазу слева — единственном, да еще и ячменном со вчера! И что ты суешься-рыпаешься? Замри! А то — еще расширяться лезешь! Солитер ведь! А лезешь себя в мир преподносить и проситься размножаться — в печать!..

Сократом утешался на ночь. Но он все — на людях: совершенно городской и социальный человек, человек общения и разговоров. Один, наверное, и не думал, а в разговорах — раскалялся. Как я — в писании.

Был приятный человек — в общении. А ты вот оказался не приятный человек в общении; еще и над американцами потешаешься, что они стремятся друг дружке приятными быть: вон как президент Чейс что-то все время вчера веселое рассказывать старался, умелец, и Присцилла заразительно похохатывала.

Под конец остались вчетвером: Ирина (ждала, что Юз за ней заедет), Присцилла, ее Билл и я. Я заметил: — Четыре темперамента тут меж нас все: Присцилла — холерик, Ира — флегматик, я — меланхолик, а Билл — сангвиник, легкий человек.

И подумал: тяжкое бы, невозможное сочетание — меланхолик с флегматиком, как бы ты с Ириной, тяжко-ровной, не возмущаемой: как бы с инерцией тупой матери-земли. Оказалось, что это она должна была меня захватить-подвезти, но забыла. У меня столько от этого переживаний и расстройств, а она смеется, как над забавным запамятованием. Антипатия легкая меж нас от этого случая нарастает. А почему? Красивая женщина, помогала тебе на первых порах, опекала — мало? Еще в претензии!..

Что ж ты: на встрече в «русском доме» со студентами месяц назад говорил, что хочешь быть Апонзо Кеханой Добрым — просто приятным человеком людям, своим, домашним. Так постарайся и для чужих. Что ж снова в Дон Кихоты лезешь, активничаешь?

31.10.91. Ох, раскачиваю себя с утра — обессиленного. Накачал воздухом, душем, завтраком — кажется, ничего! Ячмень прошел, в животе вроде тоже комфортно. Только голова бедная тут перерабатывается. Ну ладно — восхитись! Ведь сегодня Платона философские мифы подавать будешь!

Веч. Закончил и переписал начисто письмо Ульрике фон Мольтке в Дартмут. Трудоемкое дело!..

ПИСЬМО В ДАРТМУТ

(самоперевод с английского)

Октябрь. 26, 31. 1991

Дорогая Ульрика фон Мольтке!

Ваше письмо, этот Schwung («порыв», нем. — Г.Г.) спонтанных чувств и идей, сильно впечатлили меня. Событий такого рода нельзя ожидать, они могут лишь случаться: это поражает, как некое сверхъестественное вторжение в твою жизнь и как духовный дар. Я осмеливаюсь объяснить это каким-то Wahlver- wandschaft («Избирательное сродство», нем. — название романа Гёте. — Г.Г.), которое Вы могли чувствовать, слушая мою лекцию, — так же, как я испытываю эту родственность, читая и перечитывая Ваше письмо. Я бы выразил мое ощущение при чтении Вашего письма стихами нашего русского поэта Тютчева (которые в моем топорном переводе могли бы звучать так:)

Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется, — И нам сочувствие дается, Как нам дается благодать…

Американцы — бесплодная почва для синтетического способа мышления, которым работаю я и что применял, как я предполагаю, Юджин Розеншток-Хюсси, книгу которого я ожидаю получить, благодаря Вашей любезности (и уже получил ее — благодарю Вас. — **31.10.91).** *Метафизический интерес чужд американцам — тот интерес, который так глубоко прирожден Германской и Русской душам. И только представьте себе! Надо было случиться такому совпадению, что одна прибывает в Америку из Германии (Ваше имя напоминает мне знаменитую немецкую аристократическую и военную семью — не ошибаюсь ли я?), другой — из России, чтобы искра взаимного понимания и симпатии пронизала нас!..*

И какое же жестокое историческое qui pro quo («недоразумение», лат. — Г. Г.) бросало нас в войны друг против друга, вместо того, чтобы работать вместе в созидании Евразийской цивилизации, как это было так естественно для Петра Великого, для русских шеллингианцев и гегельянцев в XIX веке, для Шпенглера и Рильке, которые любили и понимали Россию!.. В наши дни Россия в высшей степени нуждается в германской помощи и обучении, и я предвижу период нового полезного германского влияния…

Между прочим, читая Ваше письмо (даже если бы не знал Вашего имени), я расслышал германский акцент в Вашей мысли: как «войти **извне внутрь** *этого тяжело* **структурированного**

дома *идей»… Разделение между Aussere (внешним) и Innere (внутренним), видение во всякой вещи структуры Haus (дома) — это характеристично для германской ментальности. И то, что Вы «предпочитаете мелодии (каменным скульптурам), когда речь идет*

об изменчивости народов во **времени**... *Германская музыка превалирует здесь над средиземноморской пластикой.*

Что же до Вашего недоумения: лучше ли было б поработить, нежели уничтожить индейцев и «что хорошего когда-либо выходило из рабства», — я бы апеллировал к истории как процессу, потоку изменений, в котором рабство может быть лишь переходным состоянием данного народа. Живой — может развиваться, мертвый — нет. Но, конечно, здесь есть проблема: личность, самоуважение, самопожертвование и т. п.

31.10.91. *То, что выше, было написано сразу по получении Вашего письма. Но я намеревался переписать набросок и добавить что-либо… и отложил письмо в сторону. Но пришла новая неделя занятий, я должен был готовить свои лекции, и только сейчас я могу вернуться к разговору с Вами. Признаюсь, что моя душа предвкушала этот диалог на протяжении прошедших дней, но я боялся испортить его, интонацию — спешкой… Теперь вечер, я один в своем покое, и моя душа in seinem dunklen Drange («в своем смутном стремлении» — цитата из «Фауста» Гёте. — Г.Г.) обращается к Вам…*

Я уже раскрыл книгу Юджина Розенштока-Хюсси (Out of Revolution = «Из революции» — Г.Г.). Я пленен ею. И это чтение ее полагает естественный конец моему письму Вам.

Для лучшего знакомства я посылаю Вам список моих работ. Напечатанные — разве что 5 процентов того, что я написал. Когда я отчаялся печатать мои рукописи под советским идеологическим контролем и внутренне отказался от надежды на издания, я вышел к абсолютной свободе мысли и творчества и наслаждался ею уж более 30 лет: писал для себя и путешествовал умом и воображением в разные страны и эпохи… Я был бы счастлив получить от Вас новое письмо.

С наилучшими пожеланиями Георгий Гачев.

Хлеб и дух

1.11.91. «Вперед, вперед, моя исторья!» Уж ноябрь пришел — треть осталась. Мой марафонский бег входит в спокойную инерцию — и так надеюсь дотянуть, не обессилев. Хотя позавчера какой-то коллапс приступал — запаниковал я… Но вчера снова неплохие занятия прошли, успокоился я, поездил на велосипеде, потом долго ужинал, глядя на телевизор, расслаблялся. Сел ответ написать Ульрике фон Мольтке, наконец. Тоже часа три заняло — только письмо… Прогулялся на ночь, потом вспомнил, что пора бы и трухануть ритуально, дабы потенцию и охоту на бабу поддержать: как раз и прошлые четверги, после натуги занятий недельных, себя подпускал к этому делу. Но что-то не вкушается так никакого уж наслаждения, а механика одна: медицина-гигиена… Ну ладно: скоро на живую женушку-бабищу взгромоздимся…

Что же вчера впечатлило?.. Да, после русского класса, где «Вишневый сад» разбирали, староста группы, Бернадетта, пошла со мною в библиотеку — помочь подобрать книги на дальнейшее чтение: Горького, Блока ксероксы сделать — и по пути разговорились. Она из семьи, где 5 братьев, 3 сестры — и не упомнит сразу всех! И говорила, что ничего хорошего американская жизнь уж не породит в Духе. Она участвует в движении за бедных и меньшинства, и женщин. — Но как же: у вас какой шанс великий! — я ей. — Раз разрешена проблема «хлебов», нижнего этажа, материального, на котором все бьются другие страны и никак не могут высокому Духу предаться, а их все затягивает назад, вниз, как вон Россию сейчас: кусок хлеба — проблема, и люди Духа, как моя жена и я, должны снова-здорова силы на это тратить! А вы можете уже утончать душу, дух, там развивать человека и проблемы — в мире Духа, идей, высоких ценностей!

— Нет, не получается так. Надо, чтобы за живое брало, где есть необходимость борьбы. И дух развивается — где о хлебе насущном вопрос!

— Значит, у нас, в России, снова почва для Духа высокого — в нашей сирости и нищете, — заготовлена?

— Выходит, так.

Да, сытость всеобщая. И гаснет стимул, нет страсти к прорыву материально-телесного уровня в обществе и душах людей. Значит, нужна и тут аскеза — в телеорганизме страны-общест- ва, чтобы высокий Дух и идеал зажил, зажегся факел. Отощать должна страна…

Церковный звон раздается. Разве не Дух в этом? Спиритуальность — в ургийной страсти американцев, в изобретательстве, в несмирении с природной данностию устроения всего — как есть, но — переделать!

Но душа при этом — механизируется, груба, мало эмоциональна, у мужчины особенно. И женское движение… — хотел сказать: за утончение душ и сложность эмоций… но, напротив: сама женщина добивается права так же одеревенеть и механизироваться на работе и в спорте и в армии, как мужчина…

Но все же вопрос — метафизический: тут снова психофизический параллелизм. То есть, не выходит Духу развиваться одному: гаснет, если не связан с телом. В успокоенном теле и Дух спит, инертен. В Божестве — нет движения. Потому и надо было Богу, Слову — воплотиться (во Христе), и тогда динамика истории и восхождения Духа человеческого началась.

Или — у девы Бернадетты узкое представление о Духе, идеале и грубое, и не зрит на чистой почве Духа потенций к развитию и не находит там интереса?

И тот же вопрос воскрес — о «хлебах», которым дух зла искушал Христа в пустыне и который в «Легенде о Великом Инквизиторе» подхвачен. И когда Христос ответил: «Не о хлебе едином сыт будет человек, но и о Слове…» — он же не оторвал Слово, но дал в контексте: «Не только хлеб, но и слово», — оставляя хлеб как безусловно правомочный и нужный член сего сочетания. Ибо без ориентации на Хлеб — и Дух не тот, гаснет и киснет…

Надо будет на следующее занятие вынести это — на дискуссию.

— разбирали, и интересно Маша Раскольникова:

— Когда я читала первые два действия, представляла, как это хорошо можно поставить в сумасшедшем доме! Все говорят, друг друга не слушают, одно и тоже бубнят… Театр абсурда…

— Это ново и живо: верно, там все как в мании какой, своим пунктом одержимы и не сообщимы, голосят в воздух! Как и ныне в полемиках плюралистических, демократических: каждый свою дуду-ноту-линию тянет… Но, конечно, автор поверх всего и вяжет гармонию…

А Лопахин, с его предложением разбить Единое Целое Вишневого сада на парцеллы-участки дачникам, — прообраз Столыпина и хуторов и нэпа.

— А Вишневый сад — как Россия! — Роберт Рич сказал.

— Ей тоже распадаться, что и происходит сейчас.

Но завязалась у меня мысль отсюда: при барах имение — единое целое. И при советчине в колхозе — мир и скоп, без партикулярности. Восстановлены целые, было распадаться начавшие при «буржуйстве». Это дополнительное показание о том, что советчина — из барства дворянской цивилизации, и тут лакеи и слуги — из грязи в князи: тот же в них идеал жизни: ничего не делая, а заставляя других, будучи начальником, не находя в труде-работе радости, а лишь в бонвиванстве. Как лакей Яшка тут при Раневской.

Отметил, что любовь вялая тут: не проскакивает искра между Лопахиным и Варей, Трофимовым и Аней… Тут я было бросил мысль о вялом русском Эросе и поэзии разлук и несостоявшейся любви в литературе, — но они весело меня опровергли…

— Конечно, Эрос есть, — поправился я, — и дети рождаются; но речь не о реальности, а об идеальности и моделях и ценностях в культуре. И тут так уж сложилось, что возвышена и воспета — несостоявшаяся любовь…

— И это очень сильно влияет на души людей, — тут Маша другая, Штейнберг, что из России всего лишь 3 года как и вся еще там. — Так что заранее безнадега какая-то априорно при влюблении даже тебя осаживает: все равно, мол, ничего не получится!.. Так что это страшное вредительство русская литература причинила во России: эстетизируя несчастье и страдание. Вот почему большевики, что все же решительно взялись строить тут земную счастливую жизнь, — правильно настроены и за ними пошли.

Я присутствовал между двух Маш в их споре: Маша Расколь-

никова, как феминистка, возмущалась, что американский мужчина так все занял, добытчик средств в семье, что женщине трудно работу найти и вырваться из семьи. А Маша «русская»: о, как русская баба-женщина мечтала бы иметь мужика-хозяина, кто бы семью обеспечивал! А то — и не зарабатывает, и пьяница, и придет — валяется с газетой. Ни денег, ни секса, ни помощи. На кой он нужен?..

— Все там в пьесе: «Кто я?» спрашивают (Шарлотта…) — вопрос самоидентификации: понять себя, узнать, а то — растеряны, будто не в себе и не свои все, и не свою жизнь живут! — Феликс об этом.

Да, снова вопрос: КТО? — как превалирующий в русском Логосе.

Борода и обрезание

Обратил я внимание, что у Пети Трофимова борода не растет: его укорила Раневская, когда тот гордо заявил: «Мы выше любви!» «Облезлый барин» — таким выродился русский дворянин за два века…

А какие бороды были, когда Петр их резал = оскоплял бояр и из шуб долгополых во чулочки со штанишками вдевал! Из растений — животными их делал, выводил из русского леса — на площадь-город социум-«ассамблею» — собрание, митинг. Кастрация то была…

— Но ведь брить бороду стали первые римляне, — кто-то сказал, — так как мешала в бою: голову рубили.

— А солдаты — лучшие мужчины, самцы! — Маша Раскольни- кофф.

— А евреи обрезание делают, бороду же сохраняют, — Маша Штейнберг. Она полурусская, но иудаизм исповедует — так мне Юз сказал…

Значит, во античную веру Петр приводил россиян, скульптурным тело делая и тем античную поэтику в литературу русскую вводя, что при Пушкине разовьется, а при Тютчеве начнет отходить…

«Война И Мир»

Два занятия проводили по Толстому, но не вошли в него, не прониклись, а лишь по поводу его говорили: на какие идеи он наводил. Одна — удивление выразила: как там по-французски говорят русские аристократы? И я задумался:

— Ведь с Петра введен немецкий стиль в государство, труд: голландцы и немцы званы на русскую службу и хорошо тут трудились и учили хозяйничать — миллионы в итоге. Но как же проник французский язык в высшее общество? Почему заговорили не по-немецки, а по-французски? И такое трио языков получилось в XIX веке: народ и литература — на русском, государство — немецкое (в царях ни капли русской крови), а аристократия — на французском говорила.

Тоже «всепонимание» оттуда — и две главные ориентации:

Нам внятно все: и острый галльский смысл, И сумрачный германский гений.

(Блок, «Скифы»— уточнять приходится, помогать возможному будущему непосвященному в святые слова нашей культуры…)

Предложил я им подумать: а какое возможное будущее в XX веке у героев Толстого?

— Пьер Безухов мог бы увлечься Революцией, но потом тоже разочароваться.

— А Андрей Болконский был бы белый офицер.

— Но мог бы потом стать и красный. Как в «Хождении по мукам».

— А почему Пьер в Революцию мог бы увлечься? Потому что — бастард! Неприкаянный, без семьи, корней. А Болконский, человек истеблишмента, ответственный, опора, князь, дуб рода, — отвечает за землю и страну, человек чести и службы…

А Долохов мог бы быть террорист: ничего не любит, но мстит!

— А как же — мать-старушку любит?

— Ну, это как и «Не забуду мать родную!» — наколка у воров и блатных. Последний рубеж человечности и связи с жизнью. А так бы — и в ЧеКа мог работать.

— А Анатоль Курагин — комсомольский работник мог бы быть.

— Верно, секретарш бы соблазнял, бонвиван циничный.

Но я все налегал: что вот тут, в «Войне и мире», — положительная жизнь, дворянская цивилизация в цвету! Сколько разного тут, и как интересно можно жить! Язычество Толстого, нет христианского налегания на одно, этику. Потому — «Илиада»

русская это…

Ревность к Моцарту

3.11.91. Ишь, заскочил уж как в ноябрь! Как не повникаешь в себя денек — так уж кажется: ничего не происходит там, и вообще писать не об чем. Быстро сходятся створки внутри — как волны над затонувшим судном иль человеком, как створки ямы крематория за опустившимся гробом. Так что сажусь вбуриваться — и выволакивать.

А для того сперва — вгляжусь в что за окном, в природе: благодать сухой поздней теплой осени и свет — рыжий («рыжий свет» — это уже неплохо, что-то в сем есть…). И вслушаюсь в звук — Бетховена 5-й сонаты медленную часть узнаю — Анданте.

Какие благие клещи Бытия обступают! И влекут: НАШЕ делай! Люби! Восхищайся! Претворяй — и страдания свои — в красоту! Как это умеет Природа: всякое дерьмо и навоз — в ДОБРО удобрений и в цветы превращать. И как композитор: свои мучения — в гармонию!

Тебе же — в мысли, понимания, в слова — живые.

Ну, доложи, что было…

Нет, невозможно: божественные восхождения-воспарения души — там, у Бетховена! Замри…

О, какой стыд! Как бедны мои категории-улавливатели, в кои втискивать пытаюсь — например, национальные музыки, типы мелодии! «Восходящие» — германские, «нисходящие» — итальянские. Фу!..

Однако какой-то бунт воздымается на Моцарта, кого пуще всего крутят. Да и на Гайдна и Бетховена — вообще на все имена первого ранга знаменитости. Когда вдруг редко сыграют кого- то не столь славного из той же эпохи или стиля — какая прекраснейшая музыка бывает — и даже лучше иных произведений сих знаменитостей! А имен тех и не упомнишь: слух забит Моцартами и Бахами!..

Это я, конечно, себя проецирую: свою канувшесть в массу забвенных, забитый шумом-рекламой более звонких и удачливых…

Ну ладно: моя жизнь-работа все равно так сладка! И ты ведь уже получил свое!

Вчера закончил лекцию, что буду читать тут в среду 6-го в Рассел-хаусе: уже афиши висят. Отвез Присцилле (милая и глубокая и добрая, при том, что холерическая еврейка!) — просмотреть на предмет ошибок — в артиклях и еще в чем, и поправить, чтоб нам не очень стыдиться.

Кстати, вдруг, готовя страничку «моделей»-эмблем, понял,

какие нужно для Еврейства и Англии, что до сих пор мне не светило.

Для еврейства — семиподсвечник — ^^ одна опора на земле, т. е. ничто почти = «минус Космос». Зато в верх, в дух и небо — как воздеты руки и адресованность-открытость небу! Тогда как в Италии, где купол и арка, — закрытость от неба: но оно само нисходит в Италии, благословляя…

А для Англии: остров-корабль с мачтой = сэлф-мэйд-джентльменом. И эта схема — в эмблеме фунта стерлингов: £,

Потом к Юзу поехал: он меня филантропически пригласил на обед к 5 часам: мол, как питаешься? — справедливо предполагая, что на это трачу минимум. И вот уж и запор — от сухой кукурузы, что жую. Пошел вчера в магазин — купил пучок свеклы, и поразительно: то, что у нас ни х-я бы не стоило (шесть малых свеколок), тут дороже баночки меда — полтора доллара!

Он хотел сгладить некую мою возможную обиженность — от того, что его Ира позабыла взять меня подвезти на днях к Присцилле на вечер. И я тоже — погасить в себе этот рессантиман решил, не заедаться — как было б, если б не поехал, а изобразил бы, что и без его подачек обойдусь!

А сейчас звучат итальянские брутальные подпрыгиванья — Россини… Ну, конечно! Наворачивает динамику кровообращения, прилив сил и мышц, разгоняет кровь своими повторами — все громче и быстрее! Чистая сангва = животная жизнерадостность от перегрева и переигры жизненных сил!

А вот поползло что-то внутренне-германски-европейское квартетное: между статикой стен стоячих звуков снизу и сверху — срединный голос, альт или вторая скрипка, ползет, завоевывает высоту, исповедуется… «Иннере», душа… Но какая сразу смурная звучность понадобилась для этого, в отличие от све- то-солнечной яркой и резкой — италианской! И ровные звуки: ползучие, не скачущие — вприпрыжку, пружинные…

Сэмюэля Барбера оказался струнный квартет. Прекрасно!

Обед С Юзом Алешковским

Итак, о чем же толковали с Юзом? Приятно выпивали и кушали и беседовали вдвоем. Избегали касаться русско-советских тем. Понимали оба, что будет слишком страстно, не этично и сведется к двум интонациям: ты, сука, успел убежать и хорошо устроиться и созерцать отсюда, как мы там будем с голоду подыхать! — это с моей стороны. А с его — ко мне презрение, с моим жалким лепетом оправданий советчине и «идеям», и государству, и порядку — и презрение к моей неприспособленности и тут: не человек — «совок»!

Он водочкой своего настоя — на перце угощал, а закуска — баклажаны с орехами! Потом борщец свекольный — восторг. И шпигованное чесночком мясо, котлеты со спагетти. И хлеб особый, что японская машинка для домашней выпечки делает: засыпь муку — и через три часа хлеб готовый. Но все равно вкус и запах — механический, не живой, не теплый. И нарезан хлеб сразу на ровные доли. Зачем? Также и чай расфасован в пакетики — может, я больше иль меньше хочу…

— Дура ты: чтоб время экономить, быстрее…

— А, это уже понимаю: идея есть — скорость. Это уже интереснее, — подстегиваю я на разговор отвлеченный от нас и житухи…

— Вот я думаю: чем бы американцев в их самодовольности перед нами ужучить можно, — я начинаю тему. — И понял: нефть! Откажи мать-земля подавать свою кровь — и что станется с так уютно устроенной жизнью, связанной хайвеями и бродвеями? Вся эта Фордова = Лордова или Чертова цивилизация и Жизнь — куда полетит?..

— Так арабы это давно поняли, — Юз, — вот и война из-за того… А ты как: душой или умом на это вышел — американов подъебнуть бы чем можно за яйца, за самое живое, в сердце?..

— Ну конечно, от души: наши мучения когда на их улыбчатость приложил и как они смеются над нами, душа заискала: чем бы их ужучить можно? Но тут и уму интересно: где слабое звено, пята Ахиллесова — откуда и свет на все устроение сего мира прольется…

— Да, я тоже думаю: ведь на нефти все! Даже отопление — к каждому дому подведены трубы — и там нефть. А прекратись, прервись!.. Что будет? Или вот приходится ночью откуда-то издалека возвращаться — и гляжу: несутся в 3 ночи по хайвеям без конца машины! Чего носятся-то? Чего не спят, не сидится? Ведь и я тоже мог бы вообще не вылазить отсюда и славно и

хорошо тут дома жить — так нет, несусь зачем-то… Лошади б так дорог не занимали!.. Но какая-то энергия в американах есть — лишняя, что ли? Вот и расплескивают во все новые дела и изобретения. Изобрести бы что? — вот их дума.

— Да, их гений — изобретательство техническое. Форд сделал лицо Америки.

— А ты читал его против евреев статьи? Тебе бы надо — знать.

— Да что я, нанялся про евреев думать? Да и нет уж времени жизни это прочитать. Ты скажи, в чем там дело…

— «Скажи»! Иди и прочти? Что я тебе — информашку давать буду? Ты что меня расспрашивать начинаешь, как вон Глазов Юра — знаешь? Пристанет: «А ты как, что думаешь об этом?» — и вытягивает.

— Как Эпштейн — тоже вытягивает расспросами и себе мотает на ус.

— Вот и я не хочу, чтоб ты меня расспрашивал, а просто болтать… Этот Юра Глазов — ученый, а дурак. Жена же его — умная. В Канаде они.

— Но ты что, пидорванец, меня заподозрил, что я из тебя вытягивать начну информашку? Да я тебе вдесятеро больше идей навалю, сука!..

— О, как разгневался! Даже приятно тебя таким видеть…

Он наливает еще — себе виски, мне водку. Вижу на горизонте глаза — вдруг вырастает лезущая рюмка на чоканье…

— О, как п… вдруг — на ошаление выплыла! — говорю.

— После этих баклажанов с орехами три дня стоять будет!..

— Ну мне-то — на фуя эта энергия тут?..

И вот — сейчас додумываю: если прозреть симбиоз прекрасно-либеральной Америки с феодально-деспотическими режимами ислама в Персидском заливе, где паранджа и никаких прав человека, — так отчего же не примириться с симбиозом в России-советчине какого ни на есть, но все же порядка в накормленной стране с партократией брежневского, не жестокого уже типа, с ее медленной коррупцией, что есть уже органическое гниение, — и с потихоньку врастанием в капитализм, без слома, эволюционно, что так и нужно и редко во России?..

Да, глупое и дурное государство партаппаратчиков и солдафонов лучше терпеть, чем чтобы Россия стала ледяная пустыня, а по ней бы гулял лихой человек, — какою ее видел Победоносцев, если ее предоставить самой себе, без власти…

Да и в самом благородном учении России — в Федорове — тоже предусмотрена организаторская и рабочая роль власти, царя, армии: направляют людей на высокие делания…

Но таких ассоциаций не делают демократы, а достаточно им узкую линийку вытянуть: гуманности-либеральности и прав человека и «норм цивилизованности» — будто они не разные везде! — да еще обопрут на горы ненависти и злобы после грехов и вин власти, дурной да и злой, злодейской бывшей! — и вот готовы силы разрушения всякой структуры! А структура, какая ни на есть, но выработана уже была — и ее не ломать, но перерождать в коррупции — наилучший путь.

Юз прицепился к советской мифологии, что в песнях:

— «Мы покоряем пространство и время,

Мы молодые хозяева земли»!

— А что? Чем плохая мечта? Благая цель… — я.

— Ишь! И зачем «покорять»? Будто Бог не устроил так хорошо!..

— Да ведь американы, с карами-авто — это же и есть покорение пространства и времени! Что же не высмеиваешь их надменность тут?

Он смягчился — тоже ведь в советской мифологии вырос. Предложил мне студентам дать разговор Ленина с Уэллсом — как материал для уразумения благих мечтаний советчины.

О Сталине завел речь: «бездарная мандавошка!», — говорит. Пришлось мне напоминать стиль его речей: клятва на могиле Ленина и вообще тяжеловатая лапидарность пунктов; была в нем эстетика инфернальная, что и привлекала… Ну и дьявол: низость человеческой натуры по себе зная, принялся экспериментировать всех на предельное оговнение душ. Тоже не бездарен — в зле и воображении.

Ну и — хитр…

Ира слушала вдали, что-то шила-плела. Потом принесла шоколадных конфет: вывалила — Гачеву — великодушно.

Но я глянул на часы: уже без десяти — 7, а я в кино собирался на 7.30. Поблагодарил — и встал ехать. Юз даже опешил: что так быстро и вдруг?.. Но хорошо вовремя, на хорошем еще, прервать вечер, а то закиснуть может, и в гной стекать беседа может начать — и такой осадок останется, что тошно будет. А пока — приятно вспоминать — и ему, и мне.

У него лежала книжка его «Синенький скромный платочек» на буфете. Видно, хотел мне ее дать почитать… Я-то увиливаю тут читать на русском языке. И он стесняется тоже меня обременять. Видно, хотел дать, но для того нужна была раскачка беседы, а я ее вдруг прервал.

Но верно: ведь мне подвыпившему еще ехать на велосипеде — в темноте по трассе среди мчащихся машин… Ничего, проехал. Хотя потом сердце прижимало: водка ведь, а я нагрузку телу

задал сразу большую…

Ну ладно: солнечный и сухой день сегодня — надо использовать: на велосипеде погонять. А то скоро лить начнет. Сейчас 12 — поеду.

4.40. Хороша была вылазочка — на сады-огороды, уже брошенные. Там же — видимо-невидимо добра, малина плантациями — недособранная. Яблоки, помидоры. Я уж наелся малины, а набрал-навез — помидоров. Яблок и так у меня завались!

По пути продолжал додумывать благоденствующее американство в симбиозе с деспотическим исламом и его нефтью. Тайна сия не очень вдомек среднему американцу, но политики хорошо это понимают.

Однако теперь и у них — матовая ситуация. Надо поддерживать Израиль — еврейское американство давит. Но арабы тоже нужны — нефть! Нельзя так уж злить. И показательно — как прервали войну с Ираком, в какой момент? Когда пробудились там национальные движения и подняла голову демократия. И тут американцы смекнули: если демократы возьмут власть — тогда они не будут платить по репарациям, а их самих придется кормить. Они же, когда укрепятся, захотят нефть иметь для себя… Так что лучше иметь тирана Саддама — и порядок там.

То же и с СССР. «Перестройка» им хороша развалом этой сверхдержавы. Но теперь — десятки клиентов с протянутыми руками: в демократы выбиваются — тоже еще, со свиным рылом!

Да еще евреи — перебрали эмиграцией в Израиль: там теперь их защищай! Землю от арабов отобрали — опасно, чревата пружина эта распрямлением.

А зря евреи из Союза удрали: погромов не будет, а вот нужны их рыночные таланты…

Хотя нет! Они хороши в самопроизводящих странах, где англичане и американцы и проч. сами хорошо работают, организуют производство. А уж рынок и банки и торги — предоставлять могут им. А у нас именно нужны бизнесмены, а не банкиры и торгаши. Так что… — партаппаратчики бы нужны.

Да, и вот что думал: чем партия сейчас и советская власть были еще хороши? Тем что — битые, уже совесть имеют, грехи помнят. А за битого двух небитых дают. Уже Власть не жестока, не давила так. Что совесть знали — это и в путче проявилось: не поднялась рука стрелять, кровь лить. Власть с нечистой совестью — лучше, мягче, покаяннее, — как Борис Годунов.

Не понимают этого демократы-плебеи, кому все так просто… И как перебрали в разгроме и поношении коммунистов-то!

Вон читал на днях «Правду»: секретарь Украинского ЦК КПСС Гуренко сетует, что не раскусила партия игру Горбачева и что надо было разделить посты генсека и президента. А то теперь генсек предал свою партию: сдал без пленума и съезда — распустил партию! Вот прохвост-то! Ловкач. А те обескуражены и преданы своим же аппаратом. Что значит излишняя централизация! Партию в 18 миллионов один генсек мог вмиг уничтожить, распустить!

И думал я — продолжая — о русском медведе иль мамонте[1]! Теперь хотят его нарезать на кусочки и чтоб вместо одного большого животного — несколько волков и лис образовалось. Но что делать клеткам этого животного — вот нам, людишкам, составлявшим медведя? Нам же помереть и сгнить — пока перекомбинируется вся эта масса — в набор новых малых животных…

А впрочем, в истории давней и недавней — разваливались империи. Вон была Австро-Венгрия — и не стало ее в 1918-м, а вместо нее — зажили неплохо малые державы: Венгрия, Австрия, Чехословакия, Югославия… Так и у нас, на территории Евразии-России…

А жаль. И не помереть бы пока — нам, «населению»…

9 ч. Ой как хорошо одному! Два часа посочинял про Италию-Рим по-английски. Потом ужинал с телевизором протяжно. Позвонила Маша — которая русская, Штейнберг: хочет зайти — интервью для их студенческой газеты брать. Ой, снова в русский язык с нею впадать! И что-то напрягаться умное говорить и опять про Россию думать. Да и двусмысленно — девице поздний вечер сидеть у профессора: мне самому неловко как-то. Да и затянется, не прогонишь. Чаи распивать… Конечно, и интересно: юная душа, готовилась решиться предложить прийти, а ты — отсек. Какой шанс возможного исповедания, открытия потерял!..

Но нет, напрягаться еще!.. Нет, неестественно это мне будет. Не надо… Лучше продолжи — в Рим-Италию улетать, да по-английски мыслить-писать…

Душа и работа

4.11.91. Сегодня — нейтрален: без проблем душа. Пригодный инструмент для работы — над внешним чем, над объектом.

И вот уже и завязь мысли: у работника должна быть нейтрализована душа, чтоб там ничего не болело, не хотелось — и тем бы не отвлекало энергию на себя, вовнутрь.

Американцы на этот счет, похоже, хорошо приспособленные автоматы: отключать умеют дом, и жизнь, и заботы — придя на работу, за станок или компьютер. Но это вырабатывает навык и после работы, придя домой, не приходить В СЕБЯ, а и душу свою препоручать — телевизору, кино, врачу-психиатру на работу над нею — специалисту-роботу, как и сам; но не самому ею непрофессионально-лично заниматься: переживая, думая, рефлектируя, как мы в Европе и России.

Да, особая порода людей создана — ургией: с выносом души вовне, с отчуждением от себя. Потому такие «чиирфул»=бодренькие, улыбаются, приветливы: это просто рабочий халат на жизнь всю, спецодежда лица. Ибо если ты — «глуми», мрачен, озабочен своими проблемами, значит, ты — плохой работник можешь быть, испортишь деталь на конвейере труда, и тебя не примут на работу.

Абсолютно противоположная установка — моей: я именно вглядываюсь в душу и там корни и отвлеченных мыслей отыскиваю, их заземляю — подлинно ГЕО-ргий, в земле роющийся, «земледелец», волю гравитации матери-земли осуществляющий прибор… Потому и от наших профессионалов: семиотиков и писателей отличен и не принят — как «грязный», смешанный. Да, мое дело — смешивать ремесла: ургии и гонии, в частности. (Аллюзия на слова Чацкого:

Когда служу, я от веселья прячусь, Когда дурачуся — дурачусь. А смешивать два эти ремесла Есть тьма искусников, я — не из их числа).

Итак, функциональный и субстанционально-экзистенциальный подходы и выборы тут налицо: функциональный у америка- нов (как и язык в семиотике понимается — как знак, язык «фор информэйшн, нот инспирэйшн»[7], перефразируя тутошнюю радиостанцию, Миддптауна, проповедническую, что себя так обозначает: «Мы — ваша станция для информации и вдохновения»).

Потому на верное я напал различение, когда в главный вопрос во России вывел КТО? а у американов — КАК? «Кто?» — это приведение к личности, к ее составу и воле-выбору, а все

внешнее — не так важно; тоже и в ценностях жизни личности и для общества вокруг: кто ты? чем дышишь? с нами или против? — главное. А для себя — тоже: «Кто я — вошь или Наполеон?»… Потому, если на душе хорошо и любовь — все прочее не важно: вещи, обстановка — «сойдеть!», абы как!..

«НИЧЕГО!» — тоже критерий для внешнего важный: не взыскуется совершенство, а средненькое пойдет, как «троечка» в школе, как глаза у любимого парня (или девушки):

Быть может не прекрасные, Но, в общем, подходящие.

Американец же из кожи вон лезет, чтоб совершенства достичь — в частном, избранном деле-профессии-изделии, жертвуя при этом всею связию этой части внутри целого. При посредственном же — часть не оттягивает на себя субстанцию Целого, не перекашивает все так на себя, а и боковой обзор соседей и учет их важности сохраняется.

Еще припомнил, как мой ученик из Брянска Трегубов, когда я ставил ему тройку, ухмыляясь, говорил:

— Ничего! Троечка — оценка государственная!..

То есть приемлема, проходной балл на советчине для главного босса — Государства.

Но как бы мы были рады сейчас иметь посредственный хлеб и яйца, и сыры, и помидоры, и диван-кровати, и зубную пасту, как было!..

Сейчас погнались за «мировым стандартом» — нам его вовек не нагнать и не иметь, но зато быстро потеряли свое добротное середненькое, чем можно было на земле жить и предаваться высшим интересам в более существенных областях — в духе и в душе. А теперь — помирай голодной смертию, пока безнадежная перекомбинация клеток в организме страны и хозяйства будет проходить.

Хозяйству, еде придана такая небывалая важность, как не было весь век…

И — главное: это и не нужно — иметь все внешнее так уж совершенным для всех: мясо, машины и проч. Мудрец довольствуется малым. А тут именно не мудрецов производит эта гонка за совершенствованием в мире вещей-изделий, а функционеров производства (работников) и потребления: чтобы моя пасть и нутро, и потребы, и желания — представляли собою постоянную тягу, бездонную бочку данаид — для все нового производства…

Вот дурость-то — в этом совершенном устроении ценностей по-американски!.. Зачем Сократу «сириал»[8] новой марки, без холестерола?.. Но скажут: «Не всем же быть Сократами»! Но зачем же всем быть воронками жрачки и роботами работы? Лучше

установку на Сократа иметь!..

9.45. Пора пришла сходить мне рядом в офис — казенного кофею дарового попить с молоком. Вот пришел. Пожевал вдогонку кофею — кукурузные зерна разваренные, с маслом из земляного ореха. Имею запас кукурузы и яблок, и помидоров, дарово набранных, на зиму. На семью бы!

Вину чувствую: не делаю шагов по оформлению права на жительство тут и работу (так как сын — американский гражданин) для всех наших: на всю семью — надо бы! Но ехать в Хартфорд, не зная, куда!..

Но надо усилиться: чтобы Светлана, Настя, Лариса имели возможность сюда приехать — вообще, и когда там голод клещами сожмет… А для того надо бы еще с кем тут подружиться, а то солитером живу и на Юзе повис — обо мне попечение иметь.

Зря я Машу вчера отшил. У нее родители в Хартфорде: могла бы отвезти на своей машине и помочь… У нее ведь, у девочки 19 лет, своя машина тут…

О, пережадничал на даровое, казенное: от кофе сердце давит!.. Ну хватит: оттаскивайся от себя — начинай на мир работать.

4 ч. Распад державы чреват не только хаосом и бесхлебием, но и утратой историко-культурного тела: чей я? как теперь будет классифицировать мои, например, писания: ЧЕЙ я мыслитель-писатель? Советский? Российский? Ничей?..

Все куда-то относимы: даже карфагенец Августин — к Риму. И поздние поэты на латинском языке, когда уже и Рима-то не было.

А теперь, когда сотрется название СССР — потеряно и гражданство, и куда вписаться. Зачеркнуто прошлое. Сыны убили Отца. Обратная связь аннихиляции… Потеря имени — не говорю уж «доброго»! Хоть бы какого!

Маша об американцах

6.11.91. Ой, сегодня лекцию читать вечером в Рассел-хаусе для профессуры и студентов: «Национальные образы мира (Американо-Русские сравнения)». Та же, что в Дартмуте читал — успешно. Но тут еще попросил Присциллу прочитать и поправить ошибки — спасибо, сделала. Правда, к моему удивлению, не так их много оказалось: две-три на страницу, в основном — в артиклях и порядке слов: мои инверсии тут не идут. Ну и некоторые в лексике поправки. Теперь текст чист, и надо будет сегодня еще переписать и прорепетировать произношение и сколько минут: пока многовато — минут 65…

Но выспался, и настроение — спортивное… Только вот колеблюсь: стричься или нет сегодня? Конечно, лохмоват. Но коли об- карнаю — совсем себя не собой зачувствую. Как-нибудь причешусь. И студенты вчера в моем русском классе — а они мне уже как свои дети — подтвердили, что вполне нормально выгляжу, не надо стричься.

Ну пойдем даровой кофеек попьем — в офисе.

Ой, райские же деньки! Снова солнце вовсю на осенней листве, уже опадающей. Но свет — золотой, вздымающий душу вверх, огнит ее…

Вчера после лекций Маша русская, которая Штейнберг, подошла, прося интервью, и даже предложила: давайте я Вам обед сварю! Ну, пошли домой и вместе готовили и говорили: пригодились мои набранные яблоки и груши, и кукуруза. Было приятно: живой человечек возился в доме. Ну и разговаривали.

Такая хрупкая, печальноватая.

3 года, как тут. Оказывается, в 15 лет ее вывезли родители (так что уж совсем сложилась русскою) — в самый хрупкий возраст. И тут одинока.

— Приходится как маску надевать, вступая в общение с американцами-студентами. Они не имеют потребности исповедоваться, рассказывать о себе. Все индивидуалисты, уверены в себе, бодры. А мы — вместе, подружки, рассказывали друг другу, делились заботами душ. Тут этого нет… И удивляюсь, как много времени на спорт тратят — студенты, мужчины. Нет, чтобы читать, как мы. Чувствовала себя сначала неполноценной — из-за языка. Теперь уж с языком нет проблемы, но все равно не могу, как они, своей себя тут чувствовать. И язык какой-то чужой. Мне легче по-французски думать, ближе душе…

— Нуда: английский — механический, а наш и французский — эмоциональные, сердечнее, экзистенциальнее. А этот —

рубленый какой-то, приставной.

— И потом — тревога материальная обступает. У меня понятно: мы приезжие, только начинаем, и уже волнение — о работе будущей и проч. Но и у них, хоть кто и богаты: поддерживать уровень и подниматься — вот их завод души: престиж!

— Да, а мы на Руси забот сих и тревоги не знали: безмятежность существования на нижнем и среднем уровне.

А вообще: чем полна-занята душа американца? Так совершенно механически выработан мир и быт снаружи, что там, кажется, тоже в душе какая-то механическая препоясь должна быть, без иррациональности…

— Бог их знает, они не делятся своими душами.

— Ну а во что общественное увлечены? Феминистское движение? За права меньшинств?..

— Да, феминистское — это серьезно, их увлекает…

— О, вот мне что непонятно: почему американцы, при своем эгоизме и материальной гонке, детей много рожают? Ведь дети — обуза, нагрузка. Вон наши интеллигентные семьи — без детей или один ребенок, чтобы дети не мешали культурно жить, читать, развиваться самим…

— Ну, сейчас меньше будут рожать: женщины работать сами хотят. А раньше ведь они дома сидели в основном… И потом они ведь не имеют этих тут амбиций интеллектуально развиваться, иметь для того свободное время. И дети входят в материальный антураж и престиж: много детей — значит, могут себе позволить, есть деньги воспитать, дать образование. К этому серьезно относятся. И дети включены в эгоизм — как продолжение самих себя…

— О, это Вы мне важное разъяснили: дети = материальный уровень; как еще одна машина, более шикарный дом!.. Теперь понятнее…

1.30. Вернулся с ланча и очередной короткой лекции в обеденный перерыв: сейчас композитор свои вещи показывал. Мило… Но главный вопрос — финансирование музыки, исполнения…

— Продавать себя надо! — Юз учил.

Кто-то должен дать средства. Личность убедить труднее, чем державу и ее комитет какой… Уныло стало. А еще глянул на полки английских книг в Гуманитарном центре — и тоже отчаялся: всякая серость, если на английском издалась, — уже член культуры мировой. А ты — на «провинциальном» языке, да еще и не имеешь паблисити… — куда тебе? В навоз, в перегной, в от- падаль…

Ладно, готовь свою малую офанзиву — лекцию. Чем американцы молодцы — это тем, что не максималисты: не пренебрегают малым и узким деланьем, но постепенно, через упорство — прожимаются вверх и к успеху.

Со мной разговорился Директор Гуманитарного центра за ланчем. Я, описывая ситуацию в России, сказал, что моя жена бегает, чтоб кусок хлеба достать в магазине, молока. И с улыбкой сказал, что я тут ем в аванс…

Теперь думаю: напрасно. Нельзя тут искренничать.

Они не понимают благородства юродства.

Жизнь в ином жанре

(Интервью с Г.Д. Гачевым Для студенческой газеты Весленского университета «Echo» («Эхо»).*)*

Георгий Дмитриевич Гачев — ведущий сотрудник Академии наук СССР, доктор филологических наук, ученый и писатель. Он автор 12 книг и около 200 статей по вопросам истории культуры, литературы, эстетики, естествознания. Главный труд его жизни — «Национальные образы мира», серия исследований в 16 томах, лишь частично напечатанная.

Георгий Гачев приехал в Wesleyan на семестр и читает здесь два курса: «Национальные образы мира» на английском языке и «Русские образы мира» на русском. К Новому году он вернется в Советский Союз к своей работе и творческой семье. Его жена Светлана Семёнова — философ и литератор, дочь Анастасия — аспирантка МГУ по русской литературе, дочь Лариса — студентка художественного училища.

— Как бы Вы охарактеризовали свое дело?

— Я — человек живущий и обдумывающий и жизнь свою, и общее бытие, и культуру. Уже тридцать лет мой главный жанр — жизненно-философский дневник. Я давно понял, что на уровне теории и науки я, в сущности, решаю свои жизненно-эмоциональные проблемы, — и соединил все в сплошной текст, внутри которого я применяю не Отвлеченное от жизни и чувств мышление, а привлеченное. Так что текст получается не строго научный, а и литературно-поэтический, где равно работают и рассудок, и воображение, понятие и метафора. И дело, которым я занимаюсь, можно назвать экзистенциальной культурологией, это может быть наукой нового типа — без отрыва от личности ученого.

— Приходилось ли Вам когда-нибудь преподавать?

— Нет, не приходилось, преподаю первый раз в жизни, и, можно сказать, первый раз в жизни работаю, потому что до этого я жил как барин в Академии наук, а работаю я дома, читаю, пишу… И здесь я впервые выношу свои идеи на прямой контакт, и это мне даже очень интересно: я получаю обратную связь и стимул. Но, с другой стороны, приходится готовиться, работать.

— Но Вы, наверное, проверяли свои идеи на советских людях молодого возраста?

— Нет, не проверял, никогда… Во-первых, мои идеи, национальные образы мира в предыдущий период были очень опасны. У нас же интернационализм, а не подкармливаю ли я национализм этими идеями? Так что меня не печатали и никуда

не приглашали, и я писал просто по своему интересу. Сейчас, я знаю, это очень всем нужно и полезно, но даже сейчас у нас опять боятся этих идей, потому что теперь они как раз действительно разжигают национальные страсти. А здесь, поскольку это интерес чисто теоретический, никого это не разожжет на разделение государства и выстрелы, это можно обсуждать, — и мне интересно, и студентам.

— Как американцы воспринимают Ваши идеи?

— Национальные идеи для американцев — это как бы… Plusquamperfect, прошедший день, потому что американцы уже как бы денационализованы, национальные их корни остались в Италии, в Польше, в России. Американец живет как бы в двух мирах: в единой, безнациональной, универсальной цивилизации Америки и в какой-то своей частной общине, — то есть в двух communities. Национальное — это как какое-то прошлое, это не то, что жжет сердце в настоящем, как жжет это каждого человека в Евразии. Там это вопрос, в общем, жизни и смерти, потому что там народы живут среди своих природ, а американец живет среди природы, с которой он не связан корнем. Американская цивилизация вообще поверхностная, а не корневая. Корни здесь имели индейцы, для которых земля — это мать, а для американцев земля не мать, а материя для работы. Поэтому национальный вопрос здесь не так болезнен, правда есть его расовый вариант: вопрос minorities (меньшинств). Но это вопрос внешне чисто юридический, вопрос прав, а не определения особых качеств. А моя работа — определить особые качества каждого народа, его субстанцию, характер мышления, психики и особых талантов, потому что народы — как музыкальные инструменты, с особыми тембрами: один — скрипка, другой — гобой, третий — орган и т. д. Все музыканты, но тембр разный. Вот я этот тембр и определяю.

— Что Вы думаете об американских студентах?

— Американские студенты мне нравятся своей живостью, раскованностью, открытыми мозгами, не замусоренными лишним образованием (это мне не нравится, конечно, хотелось бы чтобы образованны были больше). Такой живой ум, задают неожиданные вопросы, вообще бодрые, радостные. В общем, мне интересно работать с американскими студентами, потому что у них совсем другой склад и психики, и ума, и они индуцируют даже меня своим полем вопрошения, мне самому уже приходят в голову те идеи и соображения, которые там, в России, мне бы в голову не пришли. Так что это для меня какой-то очень творческий процесс — такое здесь преподавание.

— Вы первый раз за границей, первый раз в Америке. Какое

было у Вас о ней представление, изменилось ли оно и как? Были ли Вы подготовлены к восприятию Америки?

— Подготовлен я был, потому что я себе пятнадцать лет назад устроил «американское путешествие», в котором я находился полтора-два года, то есть не выезжая из Москвы, не выезжая из своей деревни Новоселки, я обложился книгами по Америке, ее природе, истории, литературе, семиотике, религии, сектах, читал Форда, Пирса, Франклина, Мелвилла и прочих. Поскольку я эти национальные образы мира пишу уже почти тридцать лет, в 1974—75 году дошло дело и до Америки. И я решил попробовать, не выезжая из своей деревни Новоселки, поехать умом и воображением в Новый Свет. Я писал, и в итоге у меня получилась в тысячу страниц книга, которую я, правда, до сих пор не издал, но некоторые отрывки уже вышли, — «Американский образ мира, или Америка глазами человека, который ее не видел». И в общем, какие-то основные вещи я угадал, потому что пользовался добротным материалом: Генри Адамсом, Уитменом, Стейнбеком, Фолкнером, историей, мемуарами. Основные мои догадки подтвердились: это страна «ургии», то есть не выросшая натурально цивилизация, а искусственно сотворенная, и тем принципиально отличается от всех культур Евразии. Здесь «комплекс Ореста», т. е. матереубийство, так как американцы рвут связь со старой землей, т. е. матерью-родиной, а новая земля им не мать, а материя, то есть нет природного приращивания. Переселение через Атлантику — это как смерть и новое рождение: американец умирает и воскресает. Американец— герой и мученик свободы. Первородный грех американцев — это истребление индейцев. Сейчас совесть проснулась, и вина перед индейцами искупается… перед черными.

Но как практически, действительно живет Америка, я, конечно, представить заранее не мог. Особенно меня поразило то,

что все так разбросано, что все имеют особнячки, живут на природе, щадят ее, любят. И то, как в своем роде совершенно отработана эта цивилизация в плане рынка, отношений, законов.

— Расскажите, пожалуйста, о своей литературной судьбе.

— Я, видите ли, из породы обычных русских искателей смысла жизни. Поскольку я родился в семье интеллигентов, родители мои — музыканты, я, естественно, в книгах искал этот смысл. После университета я стал литературоведом, но литературоведение меня не удовлетворило, я стал заниматься философией, религией, музыкой, мыслить, писать об этом. Особенно во время хрущевской оттепели расширились возможности, и тогда я написал первую свою крупную работу по

истории образа в мировой литературе от первобытных фольклоро $ через Гомера, через Шекспира до Томаса Манна, Горького и т. д. Большой тогда был духовный подъем, потом вдруг он стал сжиматься, когда Хрущева скинули, все стали бояться, а я-то разогнался на полную свободу мыслить. Мой разгон и то, что можно было печатать, пришли в противоречие. К тому же в 1968 году крепко разгромили мою книгу «Содержательность художественных форм», состоялось заседание Комитета по печати, в «Известиях» появилась разгромная статья, у меня рассыпали два набора книг и потом 15 лет не печатали. Конечно, я страдал, но, с другой стороны, стал продолжать писать и тогда совсем перестал ориентироваться на рынок, на печать — и советскую, и западную — а только на истину, на абсолют. В общем, удар этот пошел мне на пользу: я ушел в себя и двадцать лет писал в никуда, но зато в полной свободе. А свободен я оказался потому, что, хотя меня и не печатали, я продолжал оставаться в системе Академии наук, а советская система эта такова, что на работу даже ходить не надо, только раз в неделю появиться. Какой-то дается условный план, который никому не нужен. Ну, велят писать про соцреализм. Я говорю, что про соцреализм не могу, не умею, я хочу писать про национальные образы мира. Они говорят, нет, мы не дадим, грозят. Оставляют мое дело «до особого рассмотрения». Я ухожу, год проходит, кончается, у меня спрашивают план. Я план не выполнил: у меня его и не было. И так было восемь лет. А зарплата, маленькая, но шла. И я понял эту игру. Если бы я стал качать права и пошел в диссиденты, то много бы накричал, но ничего бы не написал. И я решил власти не дразнить, а использовать этот шанс мыслить и писать для себя. А главное — что жена, которая тоже мыслитель, меня поняла и дети приняли такого. А чтобы подкормить семью, я завел в деревне дом и огород, и полдня работал умом, полдня — руками. Когда я в своих занятиях задумался: сказывается ли национальное в естественных науках? — то перевелся со своей штатной единицей в Институт истории естествознания и техники — тоже внутри Академии наук — так сказать, переехал на своем осле, со своим куском хлеба. Там я опять пишу что хочу, они меня не печатают, я к ним не хожу, зарплата идет. И так тринадцать лет. Наконец, я защитил докторскую диссертацию. Защитил в 1983 году по работам, которые написал в 1959-м и которые только в 1981-м вышли.

Потом я перешел в другой институт, где работаю и сейчас. Там милый народ, со мной мирятся, не мешают.

Так я всю жизнь жил как Обломов, как свободный мыслитель, не знал службы, писал что хотел. Вот, представьте себе, условия

советского «застоя»… Так-то и написал я за 25 лет свои 16 томов «Национальных образов мира», которые только теперь начинаю распечатывать.

Интервью вела Маша Штейнберг.

Russian

Объявление о лекции

В бумагах — несколько афиш на мою лекцию. Вот одна. Весленский Университет Миддлтаун, Коннектикут Рассел-хаус Октябрь 1991

РУССКИЙ УЧЕНЫЙ СРАВНИВАЕТ РУССКОЕ И АМЕРИКАНСКОЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Приглашенный профессор Георгий Гачев прочитает публичную лекцию 6 ноября в 8 вечера в Рассел-хаусе кампуса Веслен- ского Университета. Он будет говорить на тему: «Национальные образы мира. Американо-русские сравнения».

Профессор Гачев — старший научный сотрудник Института славяноведения и балканистики Российской Академии наук в Москве. На осенний семестр он — приглашенный профессор Весленского Университета. Его позднейшие работы посвящены природе культуры и в особенности национальным образам мира — Индии, Америки, кочевых народов и России.

Его книга «Ускоренное развитие культуры» (на болгарском языке) получила премию имени Паисия Хилендарского Болгарской Академии наук в 1979 г. Он — автор двенадцати книг и более ста статей и эссе на русском, болгарском и английском языках по проблемам естествознания, эстетики и теории литературы. Он окончил Московский Университет (романо-герман- ская и славянская филологии), он доктор наук в Институте мировой литературы.

Спонсор лекции — отделение русского языка и литературы Университета и Рассел-хаус. Вход свободный, и аудитория приглашается на прием после программы. Рассел-хаус расположен на углу Вашингтон-стрит и Хай-стрит в Миддлтауне.

Для более подробной информации

Конни Камфорт, директор, 203-347-9411 x 2260

Мой вурдалак снова…

8.11.91. Ой, много праны утекло — за эти два дня. Вроде поднабрал за ночь и за утро. Присядем на душевный разговор. А тут ведь никто и не ведет таковых: не прагматично! Пустая трата времени! Ну а мы — побарствуем по-российски, по-обломовски. Как по утрам с Маммушкою на кухоньке за завтраком протяжным…

Нет, еще-ка себе с сыром хлеба намажу — подкреплюсь.

Дорасскажу расклад событий позавчера дня. Только я собрался в четвертом часу выйти на солнышко, почитать-порепетировать лекцию — звонок телефонный.

— Это Миша Эпштейн! Как у Вас дела?

— О, знаете, работать приходится. Не ожидал… Так что от затеи тогдашней ездить лекции читать отказываюсь….

— Как так? А я как раз уговорил Вас пригласить — трудно было, Вас не знают, книг нет. Но все же уговорил: заплатят 200 долларов за лекцию и по 30 в день. Дня на три-четыре можете приехать, а жить у нас — сэкономите…

— М-да…

Нет, думаю. Ему в лапы — последнюю прану высосет! Ведь это он для себя делает, раз никто меня там не знает. Книгу ему мою привези — насосется. А беседами выпытает. Вампир… Нет уж. «Боюсь данайцев, и дары приносящих!»

— Нет, простите, трудоемко. Сил нет.

— Но так это не делается, — стал он мне выговаривать. — Я их долго склонял, объяснял — и вот добился. Сейчас надо билет заказывать — тоже 380 долларов туда-обратно…

— Да, виноват, конечно, Миша, но не рассчитал сил. По крайней мере они еще не потратились на меня…

— А книгу Вашу я не получил…

— Да экземпляров не хватает. Я Присцилле, Юзу, тут обещал подарить в библиотеку Университета — и нет. Простите уж.

— М-да… А где она вышла, в каком издательстве?

— «Новости»… Ну а Вы как живете, Леля, дети?.. Что Вы — имеете «зеленую карту», право на жительство и работу, оставаясь советским гражданином?.. Да, это в настоящее время удачный вариант… Вы уж простите. Привет Леле. Будем надеяться, что, может, сведет еще жизнь…

Так отбоярился — вроде вежливо и с юмором — и осадка не осталось.

Но какой подножкой бесенок выскочил — мне лекцию испортить своим образом! Слава Богу, удалось отбить наваждение.

Вышел — тут Присцилла:

— А прийти-то надо в 6 — я подумала, что Вы не сообразите. Ведь сначала там мы ужин в Вашу честь устраиваем — в задней комнате в Рассел-хаусе. А то мы придем, а Вас нету…

— О, а я собирался к 8, к началу лекции…

Почитал на воздухе —70 минут. Многовато…

Дома, когда одевался в сбрую парадную, — подарок от Бытия: из кармана вельветовых штанов — крест с образком Богородицы на цепочке, что Настя мне сделала, — появился. Снял когда-то.

— О, Божья помощь! И — Настина. Повеселел и окреп.

Оделся, причесался — ничего! Пришел — на доске нарисовал схемы, эмблемы: круги и проч. Потом пришли профессора —

за стол белый — ужин. Но лишь каплю виски — и то подразвезло. Кофеем бодрил потом.

Разговорился с одним — специалист по буддизму в Южной Корее… Вот какие тут дробные специалисты и предметы! Потом еще один: историк, а специальность: пресса эпохи перестройки в СССР… И так живут и печатают, и ценятся — как незаменимые узкие специалисты, с узенькой одной идейкой на всю жизнь… Так что мой глобальный, синтетический подход им дивен и ошарашил, как вино, — я почувствовал сразу, как начал лекцию. И я сам был весел и артистичен, читал — как декламировал; и хорошо прошло, был и хохот в местах, где я рассчитывал. И 70 минут прошли, как кажется, — незаметно. Долго аплодировали. Подошел президент университета Чейс с женой — светился восторгом, поздравлял и попросил у доски пояснить еще чертеж еврейского семиподсвечника — как их модель: «Психо-Логос минус Космос»: связь с землей-то какая минимальная, зато сколько вверху, в Духе, в душе!

И, чувствую, язык мой английский был неплох — и в тексте (слава Богу, Присцилла кое-что поправила!) — и в ответах устных. Так что — успех. Завалил их идеями. Жена президента сказала: «О, сколько Вы подали идей — для работы!» — той самой, над которой я иронизировал в отношении американцев.

Обокрали = дал милостыню

Все время заедать тянет волнение: поклевать то кукурузы зерна с маслом земляного ореха — нашим бы в Москве такое!..

Вчера в 5, при притоке тоски, позвонил своим: ой, как любовь полилась оттуда сюда и отсюда туда!

— Что едите?

— На рынок ходила, купила. А у Лары с того лишаями тело покрылось — там же не проверяют, исчез медицинский контроль… Ой, она меня бьет, что тебе рассказала!

— Ой, бьет — какое родное! Меня бы кто из вас побил! Лариска! Дай мне ее! Тебе кисти нужны? Тут дорогие, правда.

— Нет, привези карандаши «кохинор» и ластики стирать. Бабушку поздравь — завтра у нее день рождения!

Вот ведь — и забыл: матери —87 лет! Во — дай Бог!

Настя — в Мексике до конца ноября. Семья в разрыве, расхлесте. Так тянет свиться всем в гнездо.

А там, в стране, грядет ужас и хаос — энтропия и смутное время.

— Ничего, — утешает Юз: ему-то легко отсюда! — Смутное время переживете — на пути из ада советского в рай…

— Да уж где рай-то?

— Да, и здесь не рай.

— И лучше хоть какая власть, чем совсем никакая: каша воров и бандитов…

Холодно становится. Надо пойти хоть что-то купить — в магазине «доброй воли» по дешевке. Не просить же у Юза, как хотел, — на время, потому что настоящие вещи собирался покупать при отъезде, в Нью-Йорке. И так обостренно-настороженны к моим звонкам: опять чего-то просит: как тут постричься или на аэродром добраться — не намекает ли, чтоб его подвезти?

Неприятно быть клиентом. А приходится: не знаешь же здешних порядков…

5 ч. Обокрали! Ну— легко. В магазине «доброй воли» оставил я сумку на полу и пошел искать зеркало — шапочку меховую примерять. Вернулся, а сумочки и нету. Засуетился я, а и объяснить толком не могу! Может, и не украли, а служители просто прибрали беспризорную сумочку, что я на распродаже за 2 доллара в сентябре купил, и в ней рюкзачок лежал — за доллар купленный: много покупать я собирался!.. Ой, как в уныние впал сразу, хотя и мелочь!.. Но потом, разгоняя тоску на велосипеде, повеселел и понял: ну что ж, подарил сумочку в магазине «доброй

воли» кому-то. Туда же люди ТАК сдают вещи, а ты разве что когда жертвовал, милостыню какую? Вот и берет с тебя Господь дань — забывчивостью, рассеянностию, глупостию. Она же — тоже роскошь в этом мире, и за дар этот надо хоть немножечко — платить!

Так рассудив, утешился.

Власть с нечистой совестью — наилучшая

Но все не оставляет прозрение глупости уже нашей общей — демократической эйфории в Советском Союзе. Как ликовали мы, созерцая развал партии и неуклюжие маневры ее боссов сохранить себя!.. Но вот развалилось все — и теперь видно, что не только себя они спасали, а были плотиной — хоть какой — к разрухе и голоду, и преступности. Хоть какая — а структура. А как она создается трудно! И создалась в итоге довольно широкая, и можно в ней было жить — на советчине эпохи коррупции, Брежнева. Как говорил Мераб Мамардашвили (сравнивая немецкий фашизм и русско-советский строй): если дурной порядок, злая система работает хорошо — тогда жить нельзя. Но когда плохо — тогда еще можно: щели, поры, гниение! — живое состояние, органическое…

Или как я на днях студентам сказал: лучший строй был в России дважды: царская Россия в 1913 году и брежневский «застой». То есть оба — накануне развала. И тогда-то система самая широкая и удобная: всем в ней жить удается — и марксистам, и евреям при царе. И купцам и ученым. А тут — и диссидентам, и чудакам, как я, при «застое»-то.

И что значит «нравы и обычаи»! Недаром философы (Декарт) рекомендовали уважать их, считаться. Вот развалились сейчас все обычаи и нравы — и растерян ты, не знаешь, куда пойти за чем. А раньше — знал. «Заявку» в издательство нести. До пенсии доработать… Устроились мы под конец со Светланой — оба в академических институтах, на какую-то спокойную старость. И вот — каша, и незачем тебе пенсию иметь, ничего снова не издать — некому.

И как Победоносцев о России, коли ее отпустить: «Ледяная пустыня, а по ней ходит лихой человек» — так и будет.

Как история сложна и хитра — и как мало мы можем понимать, чего-то хотя и добиваясь! Себе ж на погибель — интеллигенция расшатала советскую власть и партию и ее аппарат. Попировала в ругани 5–6 лет, ничего не создавая творческого. А теперь— валится вразнос все — и их журналы, уже либеральные, выписывать не будут. И книги издавать не будут. И еды не будет. И начнется разгул кровавый. Ничего не будет стоить взломать дверь, убить, забрать, уйти; никто и не спросит, не поймает и ловить не будет… И вот приеду— ЖИРНЫЙ! насосавшийся долларов. Вот кого потрошить-то сам Бог велел!

О, бедная моя семья!.. А и Светлана растеряна: как ликовала, театр демократизации созерцая!

Как хороша власть — которая с нечистой совестью! Мягка тогда. Как и партия на закате. А кто с чистой совестью? Гитлер! Ленин! Сталин! Все вины — до них и вне них. Так что могут лютовать — набирать вины на свою «табула раса» чистой совести!

Да, снова: «Кто я? Где я? В какой стране живу?» Как Шарлотта в «Вишневом саде».

ВИРУС СЕПАРАЦИИ

Еще думал — что тут, в Америке, какой-то вирус сепарации. Вот жду, что меня заберут Злобины — Грета и Марк — на обед. Их со мной связала Катя Кларк. Но с Присциллой они не говорят, как она мне сказала утром. Ну — понятно: соперники-русисты!

Но ведь и между мною и Юзом и Ирой — какое охлаждение! Я им неприятен должен видеться — во всем уже: в повадках. Уж не скажет Ирина, как вначале, меня кому-то рекомендуя: «Гачев — джиниус». И мне она такою в глазах стоит: вчера зашел к ней в офис, когда она огромное яблоко зеленое в маленький ротик влагала; и ей неприятно, что я зашел в такую ее интимную минуту — вкушения маленькой детской радости. И оба еле удерживали нелестные взгляды…

1.40 вечера. Только сейчас разгулял, кажется, напитки вечера: водка, вино, кофе. Почему воды у них нет за столом — минеральной или соков? Ведь пить просто хочется жидкости, а наливаться приходится виски, вином и кофе. И фруктов не дают. Такой ритуал — сухой. Грубость это…

Кальвинизм американства

9.11.91. Опять утро, солнце, ты за машинкой, в своем пространстве и времени — веселей! Все просто — как поднять тонус: выйти на воздух и подвигаться, разогнать кровь — раз. А во-вторых, скинуть набор дел с головы-души: перенабрав их, удручаешься от тяжести и уныния, душа теряет легкость, летучесть, свободу. Тверди Демокрита: «Кто хочет иметь хорошее расположение духа, пусть делает мало дел — как для себя лично, так и для пользы общества»… И так ты вона сколько дел делаешь: одних страничек тут уж полторы сотни накатал — жизне- мыслей. А еще и лекции, и чтение, и проч.

Вчера был в гостях у Злобиных, Марка и Греты: он — этномузыковед по Востоку, она — из России и Польши, русский язык и литературу преподает. Он был на моей лекции — вот что добавил важное за столом:

— Американцы северные, как пуритане, глубоко вняли предопределение к спасению и погибели. И простой критерий приняли: кто преуспевает в делах-трудах — тот спасен, а кто беден — к погибели назначен, отринут. Это еще Вебер («Протестантская этика и дух капитализма») хорошо объяснил. И потому напрягаются изо всех сил работать, подниматься вверх — тогда они христиане спасенные. А спасутся ведь мало!..

— Но ведь это противно евангельской диалектике: «И будут первые последними» и «блаженны нищие…»

— Да, в католицизме так понимается.

— И в православии. Включается Чудо преображения души покаявшейся. Нет линейности ПРАВА и прямой линии. Но — Благодать…

Все более с узостью мозгов тут сталкиваюсь: линейно-рационалистические выкладки — без воображения перемены, превращения и преображения. И — душа порабощена таковым рассуждением. Несвобода!

— Да, в поддоне американской души — вот этот страх, мрак…

— Как интересно! А отчего ж такие «чиирфул», все улыбаются?

— Это маска, чтоб не подать виду, наружу выглядеть преуспевающим = значит, спасенным, богоугодным, отмеченным.

— Это совсем лучше, — говорю. — Повышает американство в моих глазах: значит, есть метафизическая глубина и в них — этот страх, что гонит…

Тирания последнего крика

За столом были милые, относительно молодые Андрей (венгр) и Эльжбета (не знаю, кто), оба — классики. Она только родила и кормит грудью. Тут движение — к натуре, дольше кормить. Я вспомнил про Плотина, кто до 8 лет сиську сосал. Оказывается, как «Плотайнус» произносится. А когда говорили о нашей стране — даже не знаю уж, как называть: «Союз»? «Россия»? — и я развивал мысль, что плохой порядок и власть все же лучше никакого, — я вспомнил Сократа:

— Ведь он подчинился неправедному суду плохой власти — тирании Тридцати.

Как мудрец, понимал, что просто уважение к априорной форме законности, ритуал этот — важнее, чем правильное или несправедливое его, закона и власти, употребление в конкретном случае — даже его собственном. И не давать примера и соблазна толпе. А и ученикам-интеллигентам высокоумным, которые вполне могли бы, как наши нынешние демократы (да и мы со Св.), рассудить-судить-разрушать право и власть, обвиняя в неразумности. И доразрушались бы — до энтропии и хаоса…

Потом повели на концерт — новейшей формы джаза. Я покривился: я и классического-то джаза невеликий любитель… Но пошли. Билет оказывается 10 долларов (а сегодня концерт: Бах, Малер, капелла и оркестр — всего за 3 доллара билет!) — и там три персоны: пианистка = «вулкан импровизации» (как ее аттестуют в «Нью-Йорк-Тайме»), негр-контрабасист и один белый на ударных. И пошли такие децибелы! Все импровизируют свое. Она громко и аккордами лупцует по клавишам — лишь ритмические комбинации, без линий мелодии, иногда лишь — мотивы. И так как не предполагается тональности и гармонии, то каждый в какой угодно: созвучие уж не имеет значения, — приноравливается и сам накаляется — и шумит, ну, разнообразя лишь ритмические группы и способ извлечения звука… И вот заполнен зал — «прохфессурой»: быть в курсе должны! Новейшее, раз разрекламировано, — тиран! И два часа этой заразой облучались. А я скоро вышел — на воздух. И когда потом дома Моцарта слушал, — усмехнулся: «Примитивен» он! — по их понятиям, так как «стар», прежен, — как мой ученик Джеймс про синтетический тип языка в сравнении с аналитическим, когда я различал их, так понял: что латынь и русский, как синтетические, — примитивны.

— Нуда, как греческие статуи и музыка Бетховена, — поддакнул я иронически…

Насколько изобретательны американы в технике (вон в машине, в которой меня Марк подвозил, защитный ремень прикреплен к двери и автоматически уже тебя прикрывает и выпускает — движением двери! — и тут усовершенствовали, додумались к удобству), настолько в гуманитарной области они попугаи Европы, Парижа или Германии, или России (Бахтин, Лотман…). Эта Грета преподает и теорию литературы — и говорит, что теперь требуют, чтобы автор-профессор сам объяснил свою «интенцию»: что его на эту тему навело? Так ЛАКАН-фран- цуз предложил подходить — и вот уже все стараются: свое подсознание анализировать в связи с научной темой.

— Да я еще 30 лет назад — на это вышел и развил-осуществил (в «60 днях в мышлении», что так и не опубликованы еще)!

— Да? Неужели! Как интересно… Слушай, Марк, а Гачев еще до Лакана додумался и сделал…

И горюет, что ей теперь — по новым требованиям — надо раскрываться.

Но опять ведь это НЕ ТО! Прием уже стал бездушный — у них, а не экзистенциальное перворождение спонтанное, как у меня.

Да и у того же Лакана (не читал, но предполагаю, зная французский стиль развития идей) мотив: что бы еще такое новенькое придумать, ибо уж структурализм надоел, и его обновление Дерида — тоже?..

Рынок моды идей. Как Пьер Карден — модельер!

А и тут — до меня год Эпштейн преподавал им «русский концептуализм», неоавангардизм: Пригов там и прочие иронисты мелкие… И всерьез изучали они, американы, не зная Блока и Есенина. Потому что последний крик!

И грузная ученая Сюзанна Фуссо, специалист по Гоголю и проч., всерьез меня спрашивала о Пригове — и его принимала как звезду.

И в классе моем английском я, готовя материал к последующим «космосам», спросил их: ну какое произведение французской литературы или мысли им известно, многим — как «Гамлет» мне послужит для Англии?..

— «Стрэйнджер», — Дженифер Уайт сказала. Это Камю «Посторонний».

Я поморщился: опять новейшее. Хотя и можно бы его, но забыл, еще перечитывать!.. Предложил им «Сирано де Бержерака» — фильм тут недавно был — хоть на этой основе поговорить…

Погуляв по морозному воздуху после джаза, зашел я вечером в кино. Там переполнено: знаменитая ихняя Мадонна играет — себя: эстрадную — даже не скажу «певицу», а — «орунью» и прыгунью. Длинноногая, тощая, как мужчины тело, и только ротик женственный и личико — и все время разевается рот и язык вылезает…

Озорная, конечно. Вон пила из горла бутылки — и изобразила coitus с бутылкой — все хохотали.

Вокруг нее целое движение маргиналов: гомсов, лесбиянок — все карнавальны, раскованны, веселы, читают проповеди, и она с крестом — новое явление Мадонны-Девы! Откровение свободы, озорства и радости… И это бы симпатично вообще-то. Но так плоско и так мне физиологически противноваты все эти типажи, что тошнило, и лишь любопытным умом себя удерживал некоторое время в зале.

А как беснуются толпы на стадионах — прыгают, воздевают руки! Экстаз. Вот МОБ-то, толпа!

Не вижу, чем такое лучше советской идеологически накачанной толпы — коммунистов… Хотя в России она — жизнеопасна, а тут более безобидна.

Затеваю книгу по-английски

10.11.91. Однако вчера — удача: как присел с утра — так за два с половиной часа накатал по-английски 8 страниц Германского Космоса. А потом, покатавшись на велосипеде, с 4 еще два часа писал — и вот у меня почти 20 страниц по-английски, готовы лекции на два занятия, а главное — дайджест Германского образа мира, которого у меня не было. Даже по-русски бы такой текст надо заделать — уже перевести.

Так что — могу! — оказывается. Конечно, язык беден мой, но зато одни мысли и образы, густо, кости и сухожилия и мышцы — без жира всяких красот стиля и игр образа и словом.

И значит, смогу подготовить книжицу Национальных образов мира по-английски, по лекциям моим — сжато. Но как превратить в печатный текст? Научиться самому на компьютере? — не успею.

Надо Присциллу завлечь-заинтересовать собою: чтобы взялась за издание меня — открыть новое имя. И дам тысячу долларов иль сколько — на подготовку издания, а если гонорар — пополам.

И вот готовлю речь — как сагитировать Присциллу на меня. Вообще изо всех тут — даже русских своих друзей-знакомых (кроме Суконика) Присцилла оказалась самая добрая и душевная. Бескорыстно многое делала и делает, в отличие уже от Юза, который жесток оказывается. Вон позвонил мне утром позавчера — напомнить, что из гонорара за лекцию в Дартмуте ему положено 70 долларов за доставку меня…

— Да я помню, но еще не пришло ничего. — Он что-то слегка пошутил — и повесили трубки. А насчет издания — я на следующий день после лекции говорил Присцилле так:

— Нельзя ли использовать то, что президент Университета Чейс был на лекции и так восхищен — для издания моих лекций тут?

— А при чем тут Чейс?

— Ну как же — президент Университета!..

— Никакого отношения и влияния на издания иметь не может.

Надо искать издателя, писать проспект, прислать пробную главу…

— О, я по-русски-советски рассудил: раз начальник — то может!

— И Юз, когда у меня жил, если испортилось отопление, говорил: «позвать президента!» Начальник — универсал, по-

вашему…

— Но как превратить мои рукописные страницы по-английски в машинопись? Кто бы перепечатал?

— Брали доллар за страницу, — Присцилла. — Попросите Машу Штейнберг. А я с компьютера еще считаю и сделаю исправления… Можно попробовать в «Ардис». Хотя они ДАЖЕ Битова не взяли сборник рассказов — издавать… Еще есть издательство Игоря Ефимова в Нью-Джерси — можно туда… Университетские издательства Вас не издадут — по тем же причинам, что и Лотмана: не «научно». Так что надо искать более свободные, широкие.

— Хотя и для университетских, для штудий «ин хьюмэнтиз» (в гуманитарных областях), мой текст — это же вулкан идей. Из одной идеи иль ассоциации можно книгу писать. Ведь именно про это после лекции моей говорили: сколько идей для работы получили! — и жена президента, и наша Мэри Лу (секретарша факультета).

Так вот — готовлю разговор следующий с Присциллой.

— Я хочу посоветоваться с Вами насчет возможного издания небольшой книжки моих «Национальных образов мира» по моим лекциям. Мне это очень важно: выйти по-английски, показать верхушку моего айсберга. И я хочу финансировать это — подготовку рукописи и хлопоты. Сколько? Тысячу долларов? Сколько надо?.. Сам я успею только подготовить текст — рукописный. Будет страниц 300 машинописи. Значит, надо будет перепечатать и потом — отредактировать, переписка с издателями и прочие хлопоты. Я хотел бы просить Вас взяться за организацию этого дела и оставлю Вам эту тысячу долларов.

Я понимаю: Вы заняты, и Вам это лично не нужно. Но я хотел бы пробудить в Вас амбицию — вывести в свет новое имя. Ведь Вы уже вывели многих — и они уже идут: Битов, Аксенов и…

В культуре же — после Бахтина — я следующий для открытия в России: кто там, под спудом, еще лежит? Прочие ныне славные — уже реализовались: Лотман, Аверинцев — они рыночны и не энигма.

Мой же текст — генератор идей: будит мысль и дает темы. Даром, что ли, Эпштейн так присосался ко мне — и 15 лет назад сделал ксероксное издание моих рукописей — себе иметь! И говорил: «Гачев важнее, чем Бахтин». И сейчас — добился приглашения меня в его университет, хотя там меня не знают. Значит, так ему нужно от меня насосаться: чует поживу идей — из них насечет себе статеек и эссе и проч. А он-то имеет нюх.

Так что я полагаю: и прочим гуманитариям будет моя книга полезна. Сейчас же все «профи» начинают ко синтезу идти! Да не

умеют. А у меня — сам собой, естественно: синтез и научного, и образного мышления, теории и дневника личной жизни, — и все дышит свободой… Ну и темы мои: «национальные», «мост между гуманитарностью и естествознанием» и личный жанр — все входит в потребу и моду.

Ну а задел у меня — 16 томов национальных миров, да еще столько же прочего. Так что можно делать ставку на выкапывание меня — как следующего гигант-монстра русской культуры под советчиной.

Вот Вы бы и взялись — первая. Потом появятся всякие Холквисты и Кларки, что будут книги писать о Гачеве, как о Бахтине. Но надо мне хоть высунуться — до смерти-то. А там — «САМА пойдеть!»…

Еще есть вариант — Боб Эдварде, мой поклонник, переведший «Космос Достоевского» 12 лет назад, и начал переводить «Зимой с Декартом» — аспирант Майкла Холквиста. Но он далеко — в Карбондэйле в Иллинойсе. И погряз в семье 3 детей. И служит в Университете — ишачит. И — тёха, не пробивной. Но он чтит меня — и может хоть текст подготовить. Да и «Космос Достоевского» туда присоединить можно — его перевод.

Но Присцилла Мейер — авторитет для издательств. И она тут. Если бы она загорелась — лучше всего.

Надо Бобу позвонить.

Да, есть же английская машинка у меня под рукой — что Юз мне за 15 долларов продал. Можно и самому — хотя бы текст лекций напечатать. Но лучше бы на компьютере. Хотя пока научишься, да и сидеть в душных помещениях! Тут хоть у себя, у окна можешь — долго работать, не уставать. Так что — попробуй. А пока сходи-ка в свой «офис» и позвони оттуда Бобу.

2 ч. Ну вот и яснее стало. Позвонил тут математику Саше из России — и он многое объяснил. Во-первых, что компьютер влияет на зрение — считается вредная работа: вглядываться приходится. Так что для тебя это отпадает: учиться работать с компьютером. И — слава Богу: одним делом-соблазном меньше. И, конечно, если найти кто бы печатал мне, — это лучше, без всякого сомнения.

У него умер дедушка 87 лет. Страдает, что не мог лететь на похороны… Тут моли Бога, чтоб ничего не случалось: как вылетишь и вернешься?..

«Пророк смерти»

11.11.91. Льет. Даже не выходил зарядку делать, а дома прыгал. Темно, развернул стол к окну, открыл створку, дышу…

Ух ты, как припускает!

Вчера днем приходила Маша Штейнберг — согласовывала текст нашего разговора с нею для студенческой газеты. Проникновенна, понимающа, поразительное чутье языка и стиля и знаков препинания. Но по-английски печатать не умеет быстро, так что не берется мне помогать готовить текст. Но указала на Дана Буччи — моего студента, у него жена — машинистка. Вчера переписывал для этого начисто текст лекции — чтоб не отпугивать.

Вот интересно-то — по телевизору! Публика обсуждает суд над «пророком Смерти», Дженгреном, кто убил несколько детей, считая, что Бог требует жертвоприношений. Его казнили. В передаче — его жена — прямо из тюрьмы по телевизору, его любовница и публика.

Тот уже казнен. Но как последователи страстно объясняют, что пророк Смерти был пророк Бога и имел право, раз верил, что прав! Субъективная убежденность — как опора объективной истины! Тогда сумасшедший — самый Богу близкий.

Но и в Библии: безумцы в мире сем = блаженные и Божьи! На этом мог основываться… — маньяк…

Но как находятся нормальные христиане и обыватели, что увлекаются и искренне следуют — и сами себя убивают, и других?..

Потребность — в преодолении мира сего и его порядка, выпрыгнуть! То же, что и в высшем виде — у Ницше, у Федорова: преодолеть меру и запрет, пределы, сии греческие и римские понятия: в Греции — Мера, в Риме — Предел (терминус).

Но почему не чувствовать именно сей мир — как Божий: как он есть — в любви, красоте природы, искусства? Разве мало — мне и Светлане — радости и восторга, пищи им? Зачем превозмогать — и жертвовать этим прекрасным наличным малым (которое, в сущности-то, — огромно: талант нам и дар любить взгляд жены, глядеть не отрываясь, или плакать над музыкой!!! Это же малое — как мала живая клетка и семя в их чуде жизнедарения и порождения! Попробуй-ка такое «малое» сотворить!) — ради абстракта одоления Смерти?

Ведь Смерть действительно — абстракт для меня; отвлечена от меня, потому что при моей смерти — меня не будет (анализ Эпикура). Но я вижу чужую смерть — и она конкретна и ужасна…

И конечно, тайна — переноса: трансполяции чужой смерти — на себя.

Вот этот «пророк смерти» — верил, что не умрет. И за ним потянулись исполнять его волю.

Мои тоже вперились в Смерть — как главный факт: Св., Настя…

Но, может, на этом экране, в контексте ее, усиливается переживание каждого мига живота и радости? Так что это, может, техника гурманства, гедонизма прожития — в них, бессознательно? Однако надо идти работать: ксероксы делать.

Самонаслажденчество культурологов

10 веч. Вот паразиты-то! Просто классовую ненависть испытываю к этим социологам-культурологам, собравшимся на междусобойчик в этом же Рассел-хаусе, где я лекцию читал (на что они, надменные социологи и антропологи и специалисты «ин хью- мэнитиз», не пришли), — на обсуждение лекции «Конец Американской цивилизации». Остроумный мужчина-бонвиван Чарльз элегантно начал: «Эх, сболтнул я название темы в сентябре, а теперь пришло время платить; я же не знаю, что это такое, что я сказал». И пошел элегантно раскручивать: Кант, Руссо, Фуко, Дерида. Культура-цивилизация…

Потом вопросы дамы задавали. И одна: что не Кант, а Аристотель — об отличии практического и теоретического разумов, что у разума не может быть практики. И каждый чем-то щеголяет, но главное — вызвать «фан», быть остроумным и чтоб мило засмеялись… Такой приятнейший салон. И собираются на конференции в разных милых местах света все те же знакомые между собой люди, для милого времяпрепровождения с помощью культуры. А все эти термины: «культура», «цивилизация» — им помочи, подаяния и средства длить свой гедонизм. Ничего тут у них не болит, никакого экзистенциального волнения и интереса — как когда Светлана или я думаем, толкуем…

Толстого нет на них — напустить на этих пустоплясов, сладко устроившихся в сей жизни. Как тогда — аристократы, теперь — ученые, элита паразитов.

А там: во глубине России — там развал и стыд, и ни цивилизации, ни культуры. А развалили-то — с помощью вот этих высокоумных политологов: демократов и социологов: чтобы и у нас — КАК ВСЕ, как у всех нормальных было!..

Да не может у нас быть, как у всех: на то мы и есть особые!

Хоть у китайцев бы нам несколько занять Премудрого у них незнанья иноземцев!

(Гоибоедов)

Как еще вчера Маша говорила: Присцилла поучала: теория должна быть ЭЛЕГАНТНОЙ. Вот именно: покрасоваться, а не об истине и сути болеть. Над этим, серьезным, — только смех…

А сам ты? Твои национальные построения? Тоже ведь — не игры ли ума?.. Нет, игра там есть, но интерес — экзистенциальный двигал.

Хохот хама над наготой ноя

12.11.91. Простое уразумение осветило нашу ситуацию! После всех мучений советской истории страна и население заслужили, награждены были мягкой, слабой, прогнившей властью, при которой каждый мог, в общем, делать, что хочет, и жить, как хотел, — брежневский вариант советчины, где все ж таки была власть и порядок и свобода. Также и перед Революцией 1917 года в стране сложилась самая мягкая и либеральная и широкая власть за всю историю России, с полным цветением Общества под нею! Так нет — вместо того, чтобы жить и радоваться такому состоянию и процветать далее, — надо было наброситься кромсать эту старую и глупую власть (как и Римский- Корсаков потешался над царем Дадоном: «Царствуй, лежа на боку!» — так ведь это наилучший вариант царствования для трудолюбивых граждан — не милитарных: не ретивая власть: сама живет с Шемаханской царицей — и другим дает работать, мыслить и торговать, а не гонит их на поля сражений ради славы отечества!). И Брежнев такой — царь Дадон глуповатый. Да ведь и Николай Второй был не гений и не мед, а слабый царь, и при нем коррупция и Распутин. А теперь ведь как великомученика христианского славят!

Так нет же! Злой и глупый Хам захохотал над наготой ослабевшего отца своего Ноя и стал припоминать, все вины и беды и прошлых времен ему приписывать! Сверг, сменил — и остался наедине и накоротке со своей уже глупостию и неспособностию и безответственностию.

Сим и Яфет стыдливо и с пиететом отвернулись и занимались своими делами, а этот — как пес и Калибан, набросился хохотать.

Так и интеллигенция подростковая наша — набросилась на царизм и науськала народ и человека с ружьем — и получили мы уж такой ужас разрухи и потом такую свеже жестокую власть: Ленина — Сталина — Троцкого, что кровь носом и отовсюду потекла.

Так и теперь: нет чтобы наслаждаться постепенной трансформацией страны в буржуазно-гуманное общество, но разгромили все до основанья — а что за тем?..

Вчера по телевизору смотрел советское «Время», час с 9 до 10. Там «авторское телевидение» — какое убожество мальчиков, пляшущих и улыбающихся, и реклама советов по маркетингу. Ранее была чинная информация, потом искусство — высокое… И ради этого плебса — все борения и надежды! Так же и Блок после упоения и обольщения прелестью узрел быдло — и умер. Сегодня

как раз «Двенадцать» и «Интеллигенцию и Революцию» будем анализировать.

Конечно, это уразумение — не мудрое: прозорливость задним числом. Но что делать? «По частям разумеем» — апостола Павла горечь ума. Так хоть взвидеть новую часть и понять ее сказ…

Ладно. Давай — работать. Через час лекция: Италия — конец, и дам образ Германии — начало.

Да, нам не надо просто инквизитора — нам подавай Великого!

Потому что при слабой власти — больше самоответственность и риск человека, и его свобода. А тут — патриархально, освободил от «я» и совести — как Гитлер: «Я освобождаю'вас от совести!»

Тоже ведь — человек с чистой совестью он, не обременен грехами прошлыми; зато может с чистой совестью делать свои новые — уже гекатомбы грехов, чего не сделает человек с нечистой совестью: Годунов Борис — тоже мудрый царь и мягкая власть, гуманная, и процветание народа было! Или Брежнев, когда у партии уже рыльце в пушку и не жестока была, не могла таковою быть, что и в путче недавнем проявилось: не хватило решимости стрелять, кровь лить…

Да, любая структура хороша — в сравнении с энтропией, «естественным состоянием войны всех против всех» (Гоббс), что у нас опять. Особенно в России — гигантессе, что к самоорганизации неспособна, в отличие от малых общин Швейцарии и (или) городов-государств Греции, где самоутверждается порядок — просто обычаем и сходом людей общины.

Уколоть в проблему

13.11.91. Подышим свое! А то вчера заработался: Италию переписывал — главу в книгу английскую. Убогий до чего мой все же английский язык! Но, с другой стороны — одни идеи и образы с прокладками необходимых слов-операторов. Прямо математический текст получается. И в этом есть свой резон — особенно у меня, размашистого на игры слов и речистого. Тут голый скелет и костяк обнажается. И он, оказывается, тоже мощен и рационален.

Вчера в английском классе, когда рисовал я им Итальянский образ мира и про стихию воды: что ее мистерия запрятана в акведук, в камень, и что это можно двояко толковать: и как отвод ее, и как ценение великое, — Габриэла выразила сомнение: доказывает ли это неважность стихии ВОДЫ (как идеи, не практической ценности) в итальянском мышлении?

— Я не настаиваю на точности, — объяснялся я. — Я же даю не понятия, а идеи. А идеи — проблемны, амбивалентны, диалектичны, превращаемы. Важно на чувствительный пункт указать, уколоть туда, а он уже сам далее заработает, порождая идеи.

А в русском классе — Блока «Двенадцать» и «Интеллигенцию и Революцию» толковали. Спросил Дан Буччи:

— Значит, Блок поддерживал социализм, коммунизм?

— Нет, это не значит. «Революция» — событие сверхмерное: божественное, дьявольское или природное — и эстетическое торжество над серостью буден и мещанством. И потому она — музыка и поэзия. А «социализм» и «коммунизм» — это скучные рационалистические системы понятий, такие же прозаические; их Блок не знал, и его поддержка Революции с ними не связана.

Развил я им мысль о слабом государстве — как благоденствии для граждан, как вон и в Америке: слабое же у вас государство — и хорошо вам! А мы, как быдло: слабое — так вали, хами, потешайся, разрушай!..

Но как второй раз (или многий?) Бог над нашим разумом историческим потеху учинил: не можем довольствоваться малым, а «все или ничего?» (и Блок так) — и получили, конечно, очередной НИХИЛЬ и кукиш и х-й. Желали лучшего — потеряли хорошее.

И СВОБОДА, которой, смутной, добивались, — оказалась свободой для стад, племен, «трайбз» национальных — глушить личность. Как сейчас в Грузии, Осетии, Чечне — да и в Израиле евреям, и в Литве… В просторной Империи, где власть далеко,

Личности меньше помех развиваться, быть внутренне и даже внешне свободной. А тут — «мы», тирания масс: «Ты с нами или против нас?» — выбирай, убьем!

Однако сегодня ехать в Амхерст в 4 часа, читать лекцию; а пока — назавтра к классам подготовиться. Германию продолжим домысливать.

Застолье в амхерсте

14.11.91. Во развратился-то как — успокоился со своим английским! У меня лекция через час, а я сажусь записюрьку себе делать «налево»! Вчера возили меня в университет Амхерста в штат Массачусетс, за полтора часа на машине отсюда, — лекцию читать и вернули к 12 ночи, так что еще погулять-подышать перед сном смог. Там было легко: Джейн Таубман — такая породистая женщина! — начальница; и мне знакомая еще по Москве Виктория Швейцер, что 5-томное издание Цветаевой сделала. Было застолье в ресторане итальянском. И вот навалили такое огромное блюдо телятины — ну как 5 порций наших! Я даже возмутился и спросил: «Вы когда заказывали — знали, предполагали, что такое количество навалят — неподъемное?» — «Нет, но у нас можно оставшееся завернуть и с собой взять!» — «Как, и это не неудобно?» — «Почему? Вполне удобно. Я вот скажу и Вам завернем с собой. Раньше это как бы для собак бралось, а потом и вообще». — Ну, это замечательная американская черта — непринужденность и нецеремонность! Это запишу в свои таблички!

Еще и за столом Стэнли Рабиновиц: когда я сетовал на огромность порции (а у него было другое, совсем малое блюдо — спагетти), — вилочкой с моей тарелки попробовал кусок мясца — и одобрил: «О, гуд!» — тоже такая милая нецеремонность…

На лекции моей так живо реагировали, смеялись во многих местах, что мне даже не по себе стало: они, похоже, за нестандартной, образной формой не понимают серьезно-философского содержания! И уже проскальзывают движение мысли и ждут очередного местечка, чтоб получить себе повод на «фан» — на смех.

Да, они — профи узкие. И привыкли, что научное — скучно вообще-то, так что профессора время от времени разряжают шуткою. Но когда весь поток мысли — нестандартный, образный, они теряются. Ну да — как «чернь» в стихотворении Пушкина «К Каверину»:

Она не ведает, что дружно можно жить С Киферой. с портиком, и с книгой, и с бокалом, Что ум высокий можно скрыть Минутной шалости под легким покрывалом.

Но — милые американы и американки, с этой их «тинейджерской» (подросточной) открытостию, расположенностию, с простодушием!

Два серьезных вопроса задали. Один — Стэнли Рабиновиц:

— Нация ли Америка?

— Нет, это сверхнация, это — цивилизация особая.

И Джейн Таубман:

— Вот Вы призвание России очертили, а есть ли призвание у Америки и какое?

— Американцы — герои и мученики СВОБОДЫ! Построить заново мир из себя, внеземную цивилизацию, вызов Богу-Творцу — все своим умом! И это — риск и подвиг, и вас «еще судьбы безвестные ждут», ибо путь только начался — и неизвестно, как обернется. Ведь и советские начали с мечты построить новый мир и желали блага, а вон как обернулось!.. Может, и вас впереди трагедия ждет, ибо большой вызов Природе бытия и человека творите! Из Работы — мир соделать. Природу загнать в угол — и в себе тоже…

И тут про Американский Эрос — про это тоже спросили: каков он?

— Эрос это что? Это — связь, взаимопроникновение, коитус. И у вас — Работа есть превращенная форма Эроса: в работе с предметом труда работник получает утоление своей страсти в обработке и проникновении. Так что не хватает страсти уже на — живую женщину— жену. Тем более что и она — тоже хочет быть работником, мужчиной, становится жестка. Движение к «унисекс» = однополости есть иной вариант Единого — «единодушия» и «единомыслия», что в России и СССР. А тут — как бы «единотелие» создать, вывести новую породу человека, рода людского — из работников «ургии»: ликвидировать природный контраст, естественный закон.

Если у Платона в «Пире» Аристофан про АНДРОГИНОВ — миф об их рассечении на полы-сексы-половинки поведал, то вы тут — сотворить безлюбовного человека, что только работает — в ургии и креационизме, а не расходует свою силу на природное порождение рода людского. И тем — новый вызов богам: опять человек слишком усилился, как и когда шаром был — андрогином, и боги рассекли его, чтоб умалить его силу…

Так что и у Америки есть свои судьба и призвание и — может, трагедия…

6 часов. Сейчас пойдет мое тихое время. После лекций бросился на велосипед — уже в 3 часа — дышать! — и вот вернулся через два часа, попил казенного кофею дарового, но уже холодное оно, так что дома, придя, кипяточком себя долил, согрелся…

Думал, что меня теперь на мысль потянет — сел писать. Нет — даже наоборот: прилечь, что и сделаю. Вечер-то велик еще!

6.35. Вот и полежал. И захотелось — нет, не мыслить, а по-переписывать аккуратно буковки — про Италию: доведу сей

космос дочиста сегодня.

Советский миф и американские русисты

15.11.91. Не годится: 10 часов — только начинаю! Поздно лег. Сдвинуться надо — в светлое время. Вчера до 12 переписывал «Италию». Ладно, начнем восстанавливаться!

Однако какое наклонение тут в изучении России и советской литературы! Разговорился со студентом старшего курса, что меня отвозил и который будет преподавать русскую и советскую литературу аж в Гарварде.

— А что Вы читали, проходили из советской литературы?

— Замятина «Мы», Олеши «Зависть», Пастернака «Доктор Живаго», Булгакова «Мастера и Маргариту».

— И все? Но тогда вы не можете понимать советской жизни и ее мифа. Ибо вы знаете АНТИ-утопию, не войдя в саму утопию изнутри. Как если бы о христианстве вы знали по блестящей критике его Цельсом и прочими античными философами и не читали бы Евангелия. Конечно, то — высокохудожественные произведения литературы, но ведь советская цивилизация — это религиозная эпоха и сознание. И тут другого рода тексты формирующи: «Как закалялась сталь» Островского, «Педагогическая поэма» Макаренко и проч.

Это я и стараюсь давать своим: вчера рассказывал про советский миф в его положительном измерении — про «Хорошо!» — это самочувствие. Маша Раскольникова — не верила: как можно было, когда такие ужасы? А литература ей казалась лицемерной и нарочитой: уподобила сладким сказочкам-открыточкам рождественским у них:

— Правда, трогают душу — так все хорошо получается: любовь удается, и добродетель вознаграждается. Аж плакать хочется! Однако ж — сахар, приторно!..

— Но ведь в душе-то есть потребность в Благе и его реализации в жизни! Эта же потребность — реальность, настоящая. Ее обозначаем как Веру, Надежду, Любовь. И это полностью жило в душах советских людей — в первые 30 лет. А об ужасах или не знали (монополия на информацию), или отгоняли слухи, или рассуждали: «Не без греха», «Лес рубят — щепки летят!» — стараясь сохранить сосуд веры:

Для сердца нужно — верить!

И писателей — не два вида, как Вы, Маша, делите: советские, чье это свое, или несоветские, кто подлаживался и лгал, — а сто два варианта! И большое искусство и литература возникли. И

еврейский Ренессанс.

— Как, а антисемитизм?

— Не было его 30 лет — до 1947 года, и еврейство панствовало в культуре и идеологии, и таланты, сдерживавшиеся прежде, распружинились.

И про себя рассказал — детство 30-х годов, и комсомольская романтика, и песни: душа пела и мелодии возникали, а не бум-бум сухое и механическое, как сейчас. И это показатель настоящести — мелодия, кантилена, распев.

Как американцы бинарно мыслят и механичны-упрощающи! Понятно: им надо редуцировать всякую ситуацию и проблему, чтобы сделать прагматический следующий шаг. Но такою методою понимать наши евразийские религиозно-философские глубины?..

И тоже показательно: мой тот студент-шофер из Амхерста пишет диплом по «Бесам» Достоевского. Я попытался разговор по существу идей затеять — не клюет. Оказывается, избрал аспект: «Наррэйтор» — «Рассказчик»: проследить его голос. То есть — КАК это СДЕЛАНО? Подход из Формы и Техники — американской Психее роден. Потому так клюнули тут на Русский формализм именно — и на Бахтина, упростив его по-своему. У него-то за КАК — метафизика и мистика Личности; Персонализм, Личное творчество мира. А тут услышали только ДИАЛОГ — и поняли по бинарности опять…

Вон и здесь мой сосед Боб Уитман преподает Русский формализм и о нем публичную лекцию читал.

А существо идей, что так волнует русских в «Бесах» и в чем ныне провидчество находим, — им скучно, не понятно…

Америка = икар

А в Американстве — начинаю нечто трагическое предчувствовать: ИКАРы! Дерзкие! Юные! Переделать мир и Божий замысел и Природу — на основе своего человечья разумения! А оно ведь — слепое, узкое, по частям видит и разумеет! Мы-то уж в России обожглись о сложность Бытия и месть Истории. Битые — и смиренные. Как и немцы-германцы. А они — как мальчики наивные, думают, что у них все будет О-КЕЙ! — как это сейчас, в сравнении с прочим миром. Но ведь Рок есть, и зависть богов, и уровень ноуменов, созерцающих это резвление. И не ведомо, в какой момент и обо что обожгутся и крах пойдет. А пока — ликуют, играют в Труд, в Унисекс: переделывают Природу снаружи и в человеке, выводят новую породу человеков — односексуаль- ных… Эрос поругивают, оскорбляют разность полов-потенциалов… Не тут ли погибель?

Так вот где таилась погибель моя!..

Погибель — не поебель (прости, Господи! И Смерть, прости… Хотя — близко они друг ко другу…).

Мои студенты в английском классе задумались над моим пророчеством будущей трагедии Америки.

— Но разве не такие же мы, как и европейские нации, когда они были юны?..

— И такие, и не такие… Вообще учу вас о всяком — минимум два полярных суждения иметь. Чтоб прийти к «ученому незнанию» как итогу наших занятий…

— Зачем же тогда и заниматься-образовываться, коли в конце прийти к Незнанию?

— Но это — Сократово незнание: об Абсолютном и высшем. А относительное-то знание по пути обретается: и как самолет летать может, и как его построить и проч. Так что для прагматики жизни мы довольно познаем. Но не забывать, что в устроении Абсолюта и складе высших ценностей и законов Бытия и Истории мы все равно — во мраке. Да не будем надменны, да будем смиренны и да уважаем сложившиеся законы, обычаи и нравы, — как и Сократ, что подчинился неправедному суду своего государства…

6 ч. Смотрел советское «Время» днем — показывали попытку подписания Союза Суверенных Государств (ССГовна): за тем же столом в Ново-Огареве, где раньше была толчея от глав республик, — теперь прогалины: просто реденько где кто сидит. Пустое пространство. И лица Горбачева и Ельцина — стыдные. Еще Назарбаев, Акаев и Белоруса сумели вытащить. Вот тебе и

Держава!

Я = консерватор

16.11.91. Сегодня — получше, сдвинулся: сажусь в 9.10. И бодр, погода вдруг снова теплая и сухая. Хорошо!

Дожевываю свою кукурузу — варю в зернах, за хлеб служит, уж давно хлеб не покупаю. И яблок полон холодильник, и поми-. доры дозревают в шкафу — все даровое. Как мужик хозяйственный подобрал. Таков я: по мелочам сквалыжничаю, а больших денег не жаль (вон Присцилле собираюсь оставить тысячу долларов — на издание книги). Наверное, потому, что не знаю, что с ними, с большими деньгами, делать, а с малыми — знаю. Ум близкодействия. Как у Плюшкина.

Ну да, большие деньги тревожны: что-то соображать, предпринимать с ними надо, а малые — понятны, и ясно, на что потратить. Патриархален я, и архаичен ум мой. К новому уж не приладиться мне. И становлюсь консервативен. Все более оцениваю бывшее благо свергнутой советчины.

Вчера видел эти унылые лица, растерянные жесты и слова наших вождей — в пустынном зале для подписания договора сошлись реденькие остатки разгромленной армии. Горбачев еще изображал улыбочку, но в Ельцине особо чувствовалась неловкость и стыд даже. Он не прямо смотрел в камеру, отвечая на вопрос, а вбок, пряча глаза, и торопился закончить и ускользнуть. И потому со сверхнажимом произнес слова: «Союз должен, будет сохранен!» — как бы убеждая себя и не веря, — увильнул бочком своей грузной фигуры, вобрав голову в плечи.

А потом показывали митинги в Чечено-Ингушетии, Осетии — стоят люди злые, чего-то орут и не работают — чего кушать будут? И в Донецке — озлобленные и голодные шоферы, кому не подают бензина из России, и стоят десятки тысяч машин и автобусов — и нет подвоза еды и даже для скорой помощи машин. Озверевает народ.

А потом «парламент» Белоруссии: вопрос о собственной армии обсуждает — на х-я? И сидят те же партийные головы, крепкие люди, собакевичи, раньше знавшие, как управлять, что делать, а теперь играющие в демократическую игру — нелепо им, и стыдно. И я думаю:

— И зачем потревожили сон медведей-бояр? А у них такая стать — у Лигачева, да и у Ельцина: широкая кость и плечь у могучих партаппаратчиков, кто могли быть мотором жизни в энтропийной иначе России. Ибо предоставь ее самой себе, самотеку— уснет, умрет, а народишко разворует все, пропьет — и погибнет. Нет в атмосфере России Эроса, вожделения к творению,

к труду. Его заимствовать приходилось из стран окрестных — и твердо держать властию этот повышенный уровень энергетического состояния: как в подводной лодке герметичны отсеки, так и тайны и уровни знания и информации, и посвящения в масонской ложе Партии, с ее иерархией.

Вышли с Машей Штейнберг со смотрения телевизора советского днем — и я уныло, а она:

— Но: ведь мог же русский народ в нэп так быстро возродиться и рынок развить и хорошо жить!

— Девочка! — удивленно я. — Какой тогда народ был и какой теперь? Тогда 90 процентов — крестьяне на земле и с жаждой работать на себя и с умением. А теперь — растленный люмпен везде, что только под кнутом работать будет. Это как морибун- дусу напоминать его юный возраст и ободрять на бег на стометровку: ты же сможешь — ведь мог же?!

— Но ведь недаром развалилась власть: слаба была, естественно.

— Вот слабой властию и особо дорожить надо в такой стране, как Россия энтропийная. С одной стороны, все же — Власть и порядок, а с другой — не жестока уж, не давит так сильно и дает жить всем профессиям и формам деятельности: цветущая сложность и разнообразие тогда в стране (как было при царе в 1913-м накануне… — как и при царе Дадоне Брежневе). И еда была, и деньги тверды, и люди знали, куда за чем идти и обращаться и что делать. А теперь ведь все дороги-пути-траектории перепутаны. И как кутята вслепую будем тыкаться не в те двери. Одни мошенники сразу словчат-сообразят, как жить-объегоривать. И уж ни книги не издашь, ни на пенсию не получишь денег, ни глазных капель не купишь…

Так вот: слабую власть-то особо поддерживать надо в России — ибо грядет Хам ее валить и поживиться на развалинах, мародер. Что и происходит сейчас. То-то интеллигенты в «Вехах» возопили: надо поддерживать власть, ибо только она своими штыками защищает от растерзания толпами…

И возьми мудрецов и святых: никто из них, занятых в Духе высшим и главным: внутренней жизнью, — не звал менять строй общества и обычаи, а успокаивал и давал пример подчинения наличным законам и нравам, какие бы скверные даже ни были. Сократ подчинился неправедному суду, ибо — пусть и ошиблись люди, но по закону действовали, а закон он уважает пуще жизни…

Декарт не покушался на изменение власти, а себя увел от нее — в Голландию, и писал в «Рассуждении о методе», что правилом положил себе соблюдать обычаи страны, где живешь, — дабы

нарушение их не мешало тебе заниматься твоим высшим делом.

Сам Христос — отдал монету Кесарю: платить дань! — велел. А у нас — интеллигенция ринулась мутить воду идей и волновать народ. И я сам поддался зрелищам и театральности разрушения гиганта: как забивали партийного быка на демократической корриде!

Ну что же, насытился зрелищами? — оставайся без хлеба, люмпен-интеллигент, безответственный созерцатель!

Хоть какой порядок — лучше, чем бездарная энтропия и естественное состояние войны всех против всех — и воровства.

И дабы избежать этого наибольшего зла, люди отдают часть своей свободы — государству. А у нас об этом забыли и захотели полной и всесторонней свободы: и национальной, и идеологической, и лично-частной, и делать, что хочу. А оказалось, что одна форма свободы начинает порабощать другую. Например, национальная — давит на личностно-персональный выбор еще сильнее, чем империя и ее идеология. А получив свободу делать, что хочу, ничего не делаю — и митингую, ору. Или ворую и гуляю. Ведь падать долу легче, чем усиливаться вверх… Положились на естественные тяготения. Так они ведь — книзу, к падению. Не к организации. Свобода — это усилие себя вверх, а поняли ее как — безудерж падать — рабски, как зверь, кого выпустили, и раб…

Свобода — самоограничение и ответственность… Из себя я, из разума себя ограничу, а не по свистку кнута извне. Но ведь мы под кнутом выросли — и пока-то психика перестроится! Да и невозможно это — утопия! Известно из христианства и монашества: природа, плоть тянет ко греху, и держать надо в узде, в аскезе потребности низа, чтобы дух в тебе возрастал. Так что советская узда — была не советская, а просто всегдашняя дисциплина общественного порядка по отношению к произволу индивидуума. А мы ослепленно видели, что она лишь — «советская», пар- тейная, коммунистическая (сейчас перечисляю — и удивляюсь себе же: и чего дурного даже в словах этих? «Совет» — да любовь. «Коммунизм» — чтоб все общее. А «партия» — часть; да ведь и я не понимаю всего, а лишь по частям разумею!) и что вон они, обожравшиеся бонзы аппарата, невежественные! Ату их! Обличай, вали!

А они — порядок держали и работали — пуще тебя! В кабинетах душных сидели, заседали, решали. А председатель колхоза бегал-умолял тракториста на работу выйти, хоть кусок поля вспахать! Мотором был хлеба насущного…

Да, плохой порядок — и лечить терапией его надо и эволюционно воспитывать — но не убивать, а потом, заколов медведя

России, из него двадцать собак понаделать — разных государств. А клеткам-то прежнего тела что делать — вот мне и семье моей, пока прекратится биение сердца и кровообращение и работа тканей? Помирать ведь!..

Так ведь — терапевтически самолечатся страны и строи Европы: и марксизм использовали: рабочим, профсоюзным движением ограничили эксплуатацию — и заставили предпринимателей больше мозгами шевелить, технику двигать — и всем от того легче и богаче. Но — подзаконно, не нарушая порядка и истеблишмента. Как и Форд Генри говорил: «Плоха ли наша финансовая система? Да, плоха. Но она ведь — работает. Так пусть работает, и надо ее использовать, и при ней жить, и ее лечить, поправлять, а не разрушать в надежде сразу новое хорошее сделать».

Ну да, так и в обществе, и строе: все равно хорошо не будет, идеально. А просто по-другому сложно и тоже скверно. Земное же устроение! Только тебе, человеку Духа и внутренней жизни, который уже надрочился жить при прежнем порядке «как бы в рассеянности» (как, по Плотину, положено мыслителю: минимум тратя сил на внешнее устроение и движения), — теперь придется все силы души и ума тратить на то, чтоб переобучиться и разбираться в новом устроении мелочей жизни: в какие двери теперь толкнуться, как тебе новый закон велит… Снова- здорова. Раньше шел к начальнику, теперь — к адвокату…

А впрочем, не ропщи — по своему же правилу: уважай порядки сего времени, как складываются, не бунтуй обо внешнем и не полагай там смысла.

11.10. Пробежался по благодатному «кампусу», подышал вином осенних листьев. Понарезал яблочек себе, включил Моцарта — и сажусь работать дальше. Но уж стыдно — про наше промышлять, сам пребывая в такой неге. Так что продолжу вчерашнее портретирование Греческого образа мира по-английски, для книжки возможной.

Миддптаун, 16.XI.91

Милые мои возлюбленные!

Сижу я вечером, сочиняю Греческий образ мира по-английски — и вдруг звонок. Я: «Хэллоу, Гачев». — «А, Гачев, Георгий Дмитриевич? Сидоров Евгений Юрьевич! Я был на Мандельштамовском конгрессе, и Юз меня вот приволок сюда, в Миддлтаун, на два дня. Приезжайте завтра к 12…»

Я взволновался — живой человек, только что от вас!.. Дай-ка письмо пока напишу — с ним перешлю!

Моя жизнь теперь имеет три потока. Еще идут лекции — осталось вообще-то 6 из 26, так что финиш близко; я разговорился

по-английски, уже не мандражу. Второй поток — поездить в несколько мест с лекцией «Национальные образы мира. Америка- но-русские сравнения» приглашен: 4 декабря в Йель (где Кларк и Холквист), 6–7 в Толедо, штат Огайо, а 12 — в Кеннан-Центре в Вашингтоне (Питер пригласил). С этой лекцией по-английски я уже выступал три раза и имел успех. Так что не тревожусь. А вот третий поток: начал я превращать мои лекции в книгу по-английски: чтобы высунуть тут верхушку моего айсберга, как ты, Св., и рекомендовала попробовать. Но до сих пор я не чувствовал себя в силах это сделать, а вот теперь — осмелел, пишу. Надеюсь заразить Присциллу азартом вытащить еще одного русского и открыть новое имя — чтоб подредактировала, как она помогла мне с этой лекцией. Оказалась сердечная, теплый человек. Здесь это редкость.

Так что теперь уже и в кино не хожу, а только проветриваюсь на велосипеде, мозги чтоб рабочие были, — и все пишу по вечерам и дням. Конечно, язык у меня выходит примитивен, но я даже плюс в этом нашел: не могу предаваться словесной игре, а лишь голые мысли и образы даю, так что мускулисто выходит, а бедный мой язык обслуживает их, как математические операторы. Даже увлекла меня такая задача. По-русски мне бы такой дайджест было скучно писать. Надеюсь за оставшийся месяц дожать текст. Пишу от руки, надо будет оставить деньги на перепечатку на компьютере и прочее.

Тут были дожди и даже снег. Но опять тепло, и сегодня ездил на велосипеде. В прошлую неделю заехал на сады-огороды, где уже прекратили продавать, и все готовится на зиму; поднабрал помидоров — желтоватых и зеленых: теперь у меня доходят на кухне и ем. А еще ранее кукурузы с поля набрал. А еще ранее — яблок. Так что как и положено мне, мужику-сквалыге-Георгию, питаюсь с земли и минимум покупаю. Но все равно, конечно, обжираюсь, в сравнении с вами, как опять по телевизору посмотрел вчера: растерянные лица Горбача, Назарбаева и даже Ельцина на подписании «Договора» за пустым по-сиротски столом, где недавно ломилось от глав республик. И даже Ельцин как-то неуверенно смотрит, увиливает от камеры теле, бодрость изображает: «Союз должен быть сохранен!» — и убегает. Стыдно и ему, конечно, ибо не знает, что делать. Обманулся — и «обманул» (Приходится! Куда теперь?..).

Мне такой образ видится: взялись из мамонта Союза (медведя России) понаделать 20 собак, по масштабам прочих стран мира, Европы… Только куда за это время клеткам организма прежнего (нам, человечкам) деваться-тыкаться, раз перестали работать органы, подающие кровь и соки: сердце, печень, легкие и проч.? И

когда-то заработают новые? Клетки за это время благополучно подохнуть могут, брошенные в энтропию и естественное состояние войны всех против всех…

Ну ладно, скоро вместе. А пока побегу побегаю — возДуху насосусь.

17.11.91. Без происшествий жизнь моя. Даже без интеллектуальных. Вчера кейфовал, промышляя Грецию, Элладу милую. Сладкий сон и греза Духа с детства. Кое-что нового надумал. Но главное — сама процедура: из нашей дали и ямы (не вершины), из отдаления от Блага и Красоты вглядываться в близь эту, в за- пазуху Бытия. И так иконно выходит писание мое.

Через два часа собираться ехать к Юзу на встречу с Сидоровым Евгением: милый человек, критик, мне радевший, сейчас ректор Литинститута. Но даже неохота в наше впадать и обнажать свои понятия. Еще водки напьешься, сердце заболит — назад ехать, колеса вращать. Так бы и не вылезал из своего труда и кельи.

Ну ладно, пока поработаю — продолжу! Платона беру!

12. Приготовился — оделся. Присцилла за мной заедет: ветер сильный, на велосипеде трудно.

Пока брился, одевался, причесывался, подумал о своей прическе. Зарос, конечно, стричься бы пора. Да ведь обкорнают на американский приличный офисный манер — потеряю свою дремучую стать и антенны волос. Я ведь — романтический персонаж и ум. Мне и подобает гриву волос иметь — как Листу, как Бетховену. Так я себя лучше чувствую — как осененный своим нимбом, мне присущим. Тем более что мой нос большой так начинает выпирать, когда волос мало. А при копне — соответствующие пропорции общей крупности на голове. Так что не поддавайся — и юзовым насмешкам, что вот — «совок»: долларов жалеет!.. Да на х-я мне стараться подделываться под мне не присущий канон?..

Патриотизм — обогрев России

5.45. Вернулся от Юза — прекрасный день — встречи и беседы! Приходится отвлекаться от Греции — записать.

О России я новое для себя сформулировал — красиво:

— Россия = мать сыра земля — летом. А зимой — белая красавица под снегом лежит. Она нуждается в любви — как обогреве — больше, чем какая-либо другая страна. Потому так ревнива и в то же время благодарна и за малую теплоту — от иноземцев и инородцев, коли восценят.

Но и понятно, отчего свой народ — русский, сын ее, понимая ее, так сам ее любит и ревностно настаивает на своей любви, и кажется ему, что чужие, примазывающиеся, любят ее мало, неискренне.

Юз и Ирина на языке стихий

Я, напившись и задохнувшись в помещении, выбежал на их балкон побегать и помахать руками, возДуху хлебнуть. Юза это привело в раздражение, и он занавесил даже балкон, чтоб не видеть. Я вспомнил, что и Юрий Трифонов иронически к моему флоту и — не спортивности, а к тяге к движениям относился и высмеял в Гере Гартвиге в «Предварительных итогах». И оба они по комплекции сходны — рыхлы телом, с брюшком, бабье есть, добряки. Я же — жёсток.

Стал я Юзу объяснять свой состав из 4-х стихий и дополнительность Светланы ко мне, так что на 200 процентов у нас по 50 выходит вместе на стихию. Потому наш брак удачен. Они выслушали серьезно, и Юз о себе: «А я — баня! Так себя чувствую!»

Ну что ж — это правдоподобно. Баня = Огне-Водо-Воздух, без Земли. Ира же сказала: «А себя я чувствую — на 75 процентов Земли и 25 Воды — и больше ничего. Так бы я лежала и никуда не ходила. Все, что мы делаем, это Юз поднимает, затевает».

Так они тоже дополняют друг друга. И, как я его помню, — в нем мало Земли, устойчивости; потому всегда он тянулся, куда и к кому бы приткнуться: к компании, к бабе, не мог один, а социален, в общении — пузырь-колобок круглый. То-то у него весь мир друзей — сотни приятелей — и искренних; и я его считаю из лучших своих друзей, и прочие из сотен так могут…

Я же — земля обогненная и тяжкая и жесткая, нуждаюсь в воде и воздухе; и как только их получил в Светлане — остановился и застыл — у нее под юбкой. И так 25 лет прекрасно прожил и сочинения писал.

— «25 лет под юбкой» — хорошее название для романа или мемуаров, — Юз отозвался и продолжал: — А какие стихии там, под юбкой?

— Все.

— А Американский Космос из каких стихий?

— Он надстихиен, они здесь не важны. Стихии — из натуры, природы, а тут все — из Труда, — ургии. Ну, конечно, Огонь — главная. Огне-Воздух. Надземность, во всяком случае.

Аппаратчик Евгений Сидоров

Восхитил меня Женя Сидоров! Вот непотопляемый! Колобок! Василий Теркин! Всех устраивает. Добрый малый. Юрист, оказывается, по образованию. Потом — в Академии общественных наук. Стал в Союзе писателей критиком — с талантом и прогрессивными идеями. Стал возглавлять секцию критики во времена застоя, член партии. Секретарь Союза писателей СССР. Персона грата и для либералов, и для власти. Знает меру и дипломатичен и хитер. Сейчас ректор Литературного института. Сюда приехал с докладом на конференцию по Мандельштаму: «Мотив Бабочки у Мандельштама и Бродского» — и Набокова прихватил. Что ему Бабочка и Мандельштам?! (Как «Что ему Гекуба?» — вопрос Гамлета). Но это сейчас модно и платится западными либералами — и он приглашает в свой Литературный институт преподавать поэзию — Коржавина (хотя что тот напреподает, тщеславный самолюб!..) и Бродского, и еще кого. Обмен предлагает Присцилле студентами и преподавателями. Я его спросил:

— А каков сейчас контингент студентов?

— Более интеллигентный, чем 5 лет назад. Более молодые — из школы и институтов, из городов, из интеллигентной среды. Хорошее мастерство формы… модерность.

— И нечего в этой форме сказать — не о чем писать. Субстанции нет.

— Да, пожалуй, так.

— Да ведь это публика, кому наименее всего и нужен-то Литературный институт, ибо они и так в литературе выросли, и если есть что — само скажется. А надо бы из деревень и из народа…

Когда поднимали тост за него — я добавил: как он во времена застоя помогал тем, кто «нон грата». Вот и мне: написал Предисловие[10] в жанре: ГРУДЬ — ЗА ЖОПУ.

— Как так? Что такое? — ахнули.

— В смысле редакторска страха иудейска: чтоб редактора не схватили за жопу за издание опасной или странной книги, он ищет: кто бы написал предисловие или стал Ответственным редактором, то есть подставил бы свою честную Грудь — под его редакторскую Жопу.

— О, это хорошая формула! — Юз. — Знали мы «Око за Око», а теперь войдет «Грудь за Жопу!»

Юз пытался перебирать что-то на баяне. Тут Сидоров взял — и так хорошо и музыкально заиграл — как гармонист, первый

парень на деревне. И они с Юзом исполнили «Окурочек» — уникальное событие, и Ирина сняла и записала на видео: теперь бестселлер может быть. А мы с Присциллой слушали. Вот какой универсальный парень — Женя Сидоров!

— Вот каким может быть советский аппаратчик! — говорю Присцилле, когда уезжали. — Ведь он все время функционер в культуре. Коммунист и ответственный государственный человек. Такими и власть и порядок в стране держится. Ими и переходить к рынку: чтоб партийные боссы и аппаратчики — как ранее феодалы превращались: лорды в джентри, — так и им чтоб передавались заводы и институты как бы в получастную собственность, и они становились бизнесменами. Но не гнать и не отбирать, сажая горланов-«демократов» безответственных и не умеющих управлять…

И я славил брежневский «застой», и Женя в душе соглашался, но помалкивал — ведь и сейчас он на коне.

И умный и понимающий. Светлану высоко ценит и защищал от Юза, все нападавшего на «Федоровщину». Вспомнил, как она в одной статье писала, что не надо КОНЧАТЬ — в соитии, и он с ней поспорил.

— А, это в «Метаморфозе пола»? — я. — Да, как в тантризме: перегонка энергии Эроса — в мистическое усилие к преображению природы человека.

Юз опять на Федорова напал: что страшный вред России будет сейчас от этой снова сверхидеи, вместо картошечки и торговлишки.

— И не — бал ли он Петерсона, молоденького? — книжку Светланы читает.

— Ну вот, ты — как Парамонов: Бердяев — гомс, Федоров — гомс, будто и объяснил что! В идеях. А тогда, в России, стыд— это же не сейчас, когда везде ГЕИ в открытую толкуют. Могла быть нежность стыдливая — и все…

Ну ладно — давай про Платона! А то ведь еще Димка утром звонил — грозится в конце ноября приехать. Может тебе сорвать написание книги. Так что нажимай сейчас.

Нет, минут на 10 —за воз-Духом давай. 6.40 сейчас. Для ума надо…

Выдыхаюсь…

19.11.91. (Ухты, симметрия какая в дате!)

6 ч. Однако ж — выдыханс! Истощен — сегодня. Уж и покатался на велосипеде, и чай попил, а все — обессилен. Вечер — мой. Буду что-то писать? Французский ли образ, на который раскочегарился вчера с утра? И который мне еще докладывать послезавтра? Или оставлю его на завтрашнюю свежую голову, а стану переписывать начисто Германский, который вчерне написан и который сегодня уж кончил с ними разбирать? Пожалуй, последнее будет вернее — на усталую-то голову…

Но новая трудность: правая рука начинает от ручки скоро окостеневать, и почерк становится плохим. Так что и переписывать начисто — уже мне проблема… Но что ж делать? Будем прерывать, массажировать.

21.11.91. Что-то я себя загнал. Перерабатываюсь. Уж и Французский Космос описал почти. Паникую, что не успею. Вчера утренний сок ума решил не на себя, а на Францию потратить — и вроде оправдалось: вьется мысль легко. Но и вправду: своих ситуаций нет у меня, что промышлять. А бедную советчину и Россию — оставь. Не суди. Терпи. Свой русский класс потихонечку запускаю — не готовлюсь, и их не понуждаю читать. Так, болтаем. Все равно ничего, но все же…

6.30 веч. Ой! Вымотан. Да еще дождь — подвигаться подышать не удается. Много говорить пришлось сегодня в английском классе. Хотя и подкреплен был написанным текстом, но даже читать его — прану выдыхаешь жизненную. Вот американцы умеют говорить верхушкой горла и не тратиться на язык, а мы, евразийцы, субстанцию сжигаем, корневые, гонийные.

Так что потом в русском классе завел на собственный разговор — ни о чем, обо всем. Правда, весело было. Я сам начал так: расписался, что ничего не понимаю в России и Советчине и истории их: что считать хорошо, что плохо? Вот был демократом, считал, что хорошо это делали: давили партию. И Ельциным восхищался. А теперь — консерватор я и понял, что Путч был прав: России нужна эволюция, а не очередная революция, разрушение всего и построение нового.

Потом Роберт Рич хорошо сравнил лагерь, где Иван Денисович, с Весленским университетом: тоже порядок и не выходи из строя; будь, как все; подавляется индивидуальность, хотя будто бы к ее развитию призывают. Тут спор загорелся.

Еще я удивился, что тут с любовью трудно: трудно им полюбить одного, а ходят хором. А ведь индивидуалисты! А у нас

в Союзе, среди коллективизма, любви бывают: студенты уже на первых курсах парочками начинают долгими ходить и жить.

— Тут — как у нас в супермаркете: большой выбор, и трудно на чем-то остановиться, — Маша Раскольникова.

— Да ведь и у нас выбор есть. Только короткое замыкание любви индивидуальной — происходит. Может: от одиночества в коллективе— так мы дорожим индивидуальным взаимопроникновением вдруг?..

А тут души, видно, не распускают на чувство, не дают себе размякнуть. Ибо — борцы. Потому есть секс и брак по расчету — не так ли?

Ну последнее — это я сейчас договариваю. Когда сказал, что я знаю любовь — одну, долгую, Маша сказала: «А я Вам не верю».

В общем, права: у меня все же было 4 любви — с ее возраста начиная, а не одна.

Потом заглянул на семинар культурологов на тему: что изменилось за 20 лет? И вот Кристина, преподаватель английской литературы, говорила:

— Раньше вопросы задавали: какой герой, какая идея, форма? А теперь: какова концепция, что есть литература? Что считать литературой?..

А я сижу — бросивший эти игры. А зачем пишу? Да поговорить не с кем. А и с кем лучше, чем со Словом Божьим и человеческим? Не произведение на рынок писать, а душу излить, выды- шать.

Дай-ка вон отвлекусь — посмотрю, что там на родине?

Газеты последних дней принесли…

Переписка с Ульрикой Фон Мольтке

Ноябрь, 13, 1991

Дорогой Георгий Гачев, столь быстрого и теплого ответа на мое неуклюжее письмо я даже не ожидала. Благодарю Вас. После того как я отослала книгу Розеншгока, я несколько опасалась, что она может оказаться некиим нажимом: в конце концов она весьма объемна; все же я надеюсь, что Вы ее не ощутите как бремя. Но я знала, что, будь Юджин Розеншток жив, я бы рассказала ему о Вас, и вы бы встретились вдвоем. Это ему мы обязаны нашим переездом в Штаты, на земле которых мы теперь живем, поскольку моя свекровь Фрейя была его близким другом в последний период его жизни. Она осталась здесь и после его смерти в 1973 году, и сейчас мы живем дверь к двери с ней уже 7 лет. Вы правы, ассоциируя мое имя с «древним аристократическим и военным родом», однако традиция, с которой мы себя отождествляем ныне, — это линия Гельмута Джеймса, мужа Фрейи, кто был членом «Круга Крайзанера», группы сопротивления, в которой разрабатывались планы для Германии после того, как Гитлер потерпит поражение, и кто был убит — так же как и мой отец, нацистами — в 1945 г.

Я очень сожалею, что не знаю русского языка. Мы искали Вас в библиотеке Дартмута, но у них лишь две Ваши книги. «Русская

Дума» — заказана. Но нет ничего по-английски. Могу ли я попросить, нет ли Ваших статей на английском, и нельзя ли прислать нам фотокопию хотя бы той лекции, которую Вы читали в Дартмуте, — так, чтобы я разделяла ее с Конрадом, моим мужем, кто был болен в тот день, когда Вы выступали здесь, — и с моими друзьями?

Прежде чем я кончу, я должна подхватить сюжет с индейцами еще раз, поскольку меня смущает: неужели мои слова прозвучали так, будто я занимаю сторону экстерминации — против рабства? Я не вижу в этом альтернативы. Ни то, ни другое неприемлемо. Нелепо даже подчеркивать это, но Ваша реакция показывает, что я написала об этом двусмысленным образом.

Мне интересно услышать, как Вам представляются перспективы Вашей работы, когда Вы вернетесь в Россию? Будете ли Вы способны, наконец, опубликовать Ваши многие рукописи? Будет ли интерес и будут ли средства на это? И каково Вам здесь, как Вас принимают в Весленском университете?

С теплым приветом Ульрика фон Мольтке.

Ноябрь, 22, 1991

Дорогая Ульрика фон Мольтке!

Получать письма от Вас в моем одиночестве здесь — такое чудо! Словно от некоего Ариэля, духа воздушного пространства. Потому что я, будучи взволнован во время лекции, не помню Вашей внешности. Ваша жизнь теперь озарена для меня благородными душами, что ее окружают. Мой отец, кто был философом искусства и музыкантом, стал жертвой сталинских репрессий и умер в концентрационном лагере на Колыме (Сибирь) в 1945 году тоже.

Книга Юджина Розенштока — это вулкан, генератор идей. Особую родственность между нами я нахожу в личной, экзистенциальной интонации. Я откровенно объявляю об этом (как и он, рассказывая о своем шоке от опыта Первой мировой войны): что мои теоретические концепции имеют свое происхождение — в проблемах, ситуациях, чувствах моей повседневной жизни. Я не прячу их за абстрактным, Отвлеченным мышлением, но исповедую мышление, ПРИ-влеченное к моей личной жизни.

Кстати, в студенческом журнале Весленского университета опубликовано интервью со мной, и я посылаю его для нашего лучшего ознакомления.

Я сейчас решил превратить мои лекции в книгу «Национальные образы мира», в которой дать панораму национальных ментальностей на основе моих уже изданных книг и статей и неопубликованных рукописей. Книга не будет большой: 250–300 страниц, но ею я бы высунул верхушку моего айсберга. Если Вам придет на ум идея, где бы ее было можно опубликовать, будьте любезны сообщить мне. Я посылаю Предложение на книгу и текст моей лекции, который может послужить как резюме книги.

С теплым чувством Георгий Гачев

ЖИЗНЬ = ИСКУССТВО САМОВОСКРЕШЕНИЯ

22.11.91. Кажется, подвоскрес. Жизнь = искусство воскрешения. Самовоскрешения. Снова СТОИТ на писание — книжки английской. Сегодня, пожалуй, начало стану писать. За четыре дня свободных подведу фундамент сей.

24.11.91. Ну, допрыгался я — до геморроя! Именно допрыгался: вчера решил не на велосипеде растрясать голову свою, а бегом и скоком. Потому что на велосипеде руки скованы, а мне их надо двигать, ибо жестянеет ладонь после часов писания ручкой, что приходится сейчас делать, пиша книгу по-английски. И с большим нажимом вчера бегал и прыгал — и вот утром просыпаюсь: что это за неудобство в заду, в анале? Уж не полезло ли что само? И вот — блямба выскочила! Как ее теперь загнать назад? Помню, как в 1978 году я ее загнал — голоданием 8 дней. И с тех пор не было. А тут как?

Вот как организмус уже — что Тришкин кафтан: начнешь латать одно: вот руку — отдерешь другое: вот жопу… Ну ладно, все ж сидеть можно, и начну писать. Вчера аж 25 страниц написал за день — начало книги. Продолжим.

Созвонился вчера с Виктором Потаповым — наш внешторг-экономист, кто, захваченный Федоровым Светланы на ее лекции, переменил жизнь. Св. его свела с Грейс — и вот он американец, бизнес с Союзом делает. Говорит, что скоро доллар будет стоить 200 руб., так что везти туда деньги, и не бояться. Видел Светлану неделю назад: выглядит хорошо, слава богу! Моя страна она!

Тут появилась Дубровка, хорватка любовница N. (говорят); на мое место в следующий семестр заступит и в квартире будет жить после меня. Милая женщина, большая баба — как Светлана; моего романа. Но как представишь, что чужой заповедник, что N. туда ходил, сразу тошнит ее представлять с собой. Только свое, милое, чистенькое, Светланино лоно!.. А эта, видно, не прочь. Когда шли в театр на «Дон Жуана» позавчера (Присцилла милая вела), Дубровка как бы между прочим спросила: «А у Вас в Москве кто — есть?» — видно, полагая меня одиноким. И так бы тут естественно сойтись на время двум одиноким…

— Да, жена, двое дочерей. Жена — просторная белая баба! Из пены, водо-воздух, как Афродита. Много женщины в ней.

— Как говорил один человек: «Хорошего человека должно быть много», — она, усмехаясь.

Я догадываюсь, кто бы это мог сказать: N., перефразируя «хорошенького — понемножку». И представляю ситуацию, в какой он мог это сказать: обнимая ее, большую белую женщину. Хотя она — не белая, а смугловатая, балканка…

Ой, хорошо уже! Сегодня переспал — с помощию тазепама, взял реванш за вчера, когда проснулся в 5 — и с 6 сел работать. Вот: верху весело от выспавшести, и ум бодр. А жопа — в страдании. Так вот — баланс добра и зла. Ну что ж: порядок вещей. «Се ля ви». И как мои студенты удивились, осознав, что сами французы так не говорят, а это иностранцы свое филистерство сей формулой означают.

РАБОТА «НАЛЕВО»…

25.11.91. Все-таки немножечко отдумаюсь сперва. А то уж разогнался работать сразу на сторону — от себя! Вот ведь как уж в моей бухгалтерии стало: то, что для всех — истинная РАБОТА: писание книги для людей, — для меня — НАЛЕВО, так себе, отлынивание от главного делания! Но увлекает, азарт появился — вроде получается. Уже половину начала, первой части — общей, похоже, накатал: 45 страниц уписистых. Может, и успею. Давай!

Геморрой тоже поумалил за вчера: стал вгоняться внутрь — особенно выжиманиями на руках: сразу внутренние мышцы жопы врабатываются и всасывают. Ничего! Живем! Солнышко. Поехали!

11 ч. Сейчас проект письма напишу в «Ардис».

25 ноября 1991 Миддлтаун

Глубокоуважаемая госпожа Эллендеа Проффер!

По совету Присциллы Мейер, на кафедре которой я в сей осенний семестр веду два курса: «Национальные образы мира» по-английски и «Русский образ мира» по-русски, обращаюсь к Вам с предложением об издании книги «Национальные образы мира» на английском и русском языках. Ее текст будет готов на английском к концу моего пребывания здесь (20 декабря). Я более всего заинтересован в английском издании: пора высунуть верхушку моего айсберга на мировую ярмарку. Но такая книга, где компактно дана панорама национальных миров зарубежных (для России) стран, может разойтись и на русском языке — ив «Союзе», и в Европе, и в Израиле, и в США: у меня уже есть достаточно широкий читатель и в «метрополии», и в «эмиграции». Если эта затея заинтересует Вас, дайте мне, пожалуйста, знать (адрес указан, телефон: (203) 347-71-11). Русский текст я сам сделаю по возвращении в Москву 30 декабря — за два месяца и мог бы переслать.,

К Заявке я прилагаю текст лекции, которую я здесь уже читал в Дартмуте, Амхерсте, Миддлтауне. Еще буду в Йеле и приглашен 12 декабря читать ее в Кеннан-центре в Вашингтоне. Эта лекция дает представление об идеях и стиле книги. Прилагаю также ряд материалов о себе — для ознакомления.

Сердечно Ваш Гачев Георгий Дмитриевич.

26.11.91. О, милое мое дело! Как я тебя забросил! Все — «работаю!» Ох, американки! Сегодня, докладывая Французский мир и нежно про их кожу, столь сенсуальную, электрическую, рассказывая, — про этих грубых работяг с презрением подумал: их кожа — груба, дубова, все тело — орудие труда, а не утех. Дурачье грубое! И — профессионалы узкие! Вон позвонил в издательство «Шарп», где кусок из моего «Синявского»[11] переводят. Патриция Кольб посетовала: у нас специалисты, что на компьютерах социологию считают, а у вас — Ренессанс!

В русском классе — Чаадаева Первое философическое письмо разбирали. Какой гениальный текст — на все времена России! И сейчас — как про нашу ситуацию.

Я начал так: мы — как в детективном романе: нам уже дан конец России: персонаж — убит. Теперь начинаем разматывать: как же это случилось, какие действовавшие силы и идеи привели?..

Но также и понял, что то, о чем сетовал Чаадаев: отсутствие преданий страстной молодости, — уже Россия заимела: три века с Петра, включая и советчину, — вот будет эпос России, включая и Ленина, и Сталина. Вот пассионарная полоса, мифология и преданья, золотой набор на легенды и мифы. Как и в Греции — жестокие ж дела тоже вошли в мифы: Пир Фиеста — как наш ГУЛАГ. Минотавр = Сталин и т. д.

Но как быстро все и глупо разрушили — преемственность! И снова без преданий и с нуля. Как Чаадаев: может, мы не способны к историческому процессу? Нуда: процесс = эволюция, а у нас — революция, разрушения, разрывы.

Ладно. Все жевать хочется что-то. Кукурузы зерна, яблоки. То-то американцы все время жуют — «чипсы» от нервов в работе, верно…

27.11.91. Неужели удача? Позвонил вечером Боб Эдварде и сказал, что он уже положил на компьютер две мои главы: Грецию и Италию — за два дня. Ему нравится, ждет еще — и загорелся энтузиазмом, а о деньгах и говорить не хочет. Вот русский человек в Америке! Неужели заразился, занимаясь Россией, жертвенностию? Присылает приглашение от своего университета. Слишком густо у меня получается в декабре. Но к нему — надо. Удивился он даже, что у меня так хорошо по-английски написано.

11.20. Стоп! Не безумей! А то уже признаки появились — в азарте дел проталкивания себя в печать — как бывало с тобой: терял разум и влипал в неудачи… Уговариваю себя: и так дела двинулись, как ты и не ожидал. Можешь даже притормозить, а не подгонять еще, как нацелился. Знай Меру! Действуй не по французской модели Баланса: когда крайность в одну сторону потом уравновесится откатом в другую — серией тычков тебя и толканий, но изнутри себя продуцируй меру и самообуздание, «ристрэйнт» — уже английский. Следующий Космос — Англии тебе медитировать-писать.

О, горячечность залила мозги и сердце. Сейчас пойди остуди — посиди на «ланче» в центре «Хьюмэнитиз», где под вино и сыр дама будет рассказывать о женщине в современном Китае. А ты — кейфуй под Китай. Тоже ж надо! Ты что заразился от американов — роботом работы становишься?

6 ч. Отказываю себе в уме: что я способен понимать что-то! Получил письмо из дому — и плакал. Во-первых, как я все же отслоился от них: абстрактны, далеки, раз не каждый день трешься друг о дружку. Тут свои микропроблемы и отношения обволокли, и уже живу среди них — прижился, могу. Конечно, все корни — там и ими держусь в жизни, но все не так конкретно. Как Бог вдали. Вон даже о матери своей забыл — в письмах ей не

писал ничего. Лариса даже меня пожурила: «Ты бы хоть в письме ей привет, что ли, передал или что-то в этом роде. А то ей даже нельзя твои письма показывать: ни слова о ней — обидится. А она все о тебе спрашивает».

Ну вот — каково? И как Ларисой просто и сильно и картинно написано! А ты мерзавец… Правда, обращение в письмах моих вроде ко всем, неопределенное, но все же мама-то — трепещет! Я-то у нее — самое!.. О, Боже! Одеревенелость!

А мама-то в записочке мне пишет, как читает мою главу о Тютчеве — и проникается и так со мною живет. И пишет, что в «Русской думе» портреты неравноценны. И так со мною она и этим чтением… Ой, скот!

И мои милые — там где-то трепыхаются в жути повседневной. Нет, чем мою мелочишку записывать, перепишу-ка их письма.

Письма Светланы, Ларисы И Мамы

(переслали через Виктора Потапова. Даты не ставят ни Св., ни Лара. Хотя вон у мамы — порядок: 12.XI.91.)

Письмо Светланы

Дорогой наш любимый, далекий, Гоша-геша, надеюсь, еще и ЗАЯ! Мы тут живем «под собою не чуя…» («страны», как в стихе Мандельштама о Сталине. — Г.Г.), поскольку просто бьемся день ото дня в почти военной обыденности: отстоять в хвосте, что-то урвать, а в последнее время и вовсе нечего, — так, для примера, любого масла, допустим, сливочного, вообще в торговой и пайковой природе уже не существует. Так и живем, вообще ничего не подмасливая. Правда, появился уже маленький коммерческий отдел в магазине на углу у аптеки: люди заходят, рассматривают цифры на трех выставленных продуктах: сосиски, ну самые наши мерзейшие, — 100 руб. 1 кг, ветчина — 299 руб. и колбаса что-то за 300 руб. (за кг). Если бы был за такую же астрономию сыр, я, м. быть, бы и купила вороний кусочек для Лары, но, увы, сыр вообще — продукт марсианский.

Я тебе уже мельком рассказывала по телефону, что с две недели назад решила ухнуть имевшуюся наличность на рынке, и от этих лакомств у меня начались желудочные боли сильнейшие, у

Ларки даже россыпи вдоль талии чего-то красного, бугристого и гнойного. До сих пор не проходит, хотя и стала она есть только кашку без масла и яблоки (их тоже нет в магазине, а у бабок редких 18–25 за кг).

Так что повыбрасывали груши, орехи рыночные пока храним, но боимся брать в рот, и еще глядим с опаской на странное темное подсолнечное масло. Про все это тебе расписываю, чтобы радовался там, ел и нам привез **хотя бы сыру, масла,** *а ежели и хлопьев, то не таких, как ты переслал: в них много* **овсянки** *(и Лара их не ест, а все ведь для нее), а надо, чтобы были чистые хлопья пшеничные, с орешками, изюмом, как я привозила.*

А так что мы делаем еще? Ларка мучается с дипломом, ей, естественно, замысел в целостности, и лучший ее центральный эскиз, — зарубили, и она нервничает, что-то ищет более для них приемлемое. Ей, как всегда, совершенно некогда, цены на все ее материалы, холсты, краски растут каждую неделю, а ведь их еще и не «отпустили». Но не привози ей ничего такого: это, во- первых, **тяжело,** *во-вторых, и у вас дорого.*

Я сидела чуть ли не месяц над какой-то 1 — й халтурной, компьютерной, совершенно слепой верстко̀й тома Федорова для «Раритета». Издохла, только сегодня окончила… Возилась и над 1-

м (томом) Полного собр(ания), но куда и как он выйдет — повисло. Младший Яковлев (Анатолий, сын советника Горбачева, был секретарь журнала. — Г.Г.) ушел из «Вопр(осов) философии», вроде организует свой журнал «Путь», и там планируется и небольшая филос(офская) биб-ка, очевидно, туда (но когда? и будет ли?) он и хочет нашу работу. А мы и без договора даже. В Институте тоже дышим на ладан.

Четыре воскресенья подряд читала курс лекций (осталась еще одна) в Воскресных чтениях, организованных общ(ество)м христианской культуры «Логос» (Регельсон) в клубе гуманитарных факультетов МГУ на Герцена. Устала, надоело, народ ходит сейчас плохо на любые мероприятия, бегают по магазинам и рано запираются по квартирам, где (нерзбр.) только «голубые огоньки». На улицах с 7–8 часов совершенно пустынно и страшно. Каждый день новые сюжеты и страсти в масштабах огромной нашей сцены-страны, что разваливается кусками. А какова Чечня! Обрели себе нового Шамиля, а у нас над российским парламентом восседает чеченец Хасбулатов, изображает сверхпапского католика и мутит патриотическую русскую воду.

Я, конечно, и гляжу в экран, и слушаю в ночи, но уже и надоело. Гпавное — все и от всего УСТАЛИ. И, наверное, много всякой токсичной дряни в (нелегкой?) еде и в воздухе, отчего вроде и немотивированная злобность всех на всех.

Ладно, когда приедешь, будем разговаривать, а сейчас некогда, надо бежать туда-сюда; тебе позванивают, но все больше хотят захомутать на какие-нибудь конференции, выступле- нйя, поездки… Чего-нибудь серьезного, насчет председателя земного шара (дразнит меня термином Хлебникова. — Г.Г.), — пока не было.

Очень ждем.

Теперь, что привезти. Лучше всего нечто действительно сейчас, прямо сейчас **нужное.**

…Вообще ноги сейчас совершенно голые: ни чулок, ни колготок НИКАКИХ нет. Одним словом, пройдись от гребенок до пяти постарайся меня **утеплить.**

…Я думаю, бабуся пишет о ВАТЕ — тоже не волоконной, даже и бинтов нет.

В большой чемодан, который будешь сдавать в багаж, положи что похуже, набей особенно сверху старыми вещами, а с собой в две сумки в руках и на плечо бери что получше, в самолет. Да, может быть, стоит — сам реши — купить один большой, хороший, тщательно на КЛЮЧ закрывающийся неприступный чемодан, без которого сейчас путешествовать нельзя, а то у нас все так легко распахивается.

Гошенька, должна бежать, вроде все деловое успела, а остальное — silence[12]*. Целую, обожаю, радуемся твоим успехам…*

(На следующем листе «нога Лары — левая» — нарисована. О, любовь! И на обороте еще допись. — Г.Г.)

P.S. Гоша, уже по дороге, выйдя на улицу, вытащила — как специально — твое письмо, такое оно у тебя возвышенное, умное — аристократ! — перед нашим материальным плебейством. Все волнуемся и расписываем тебе желанные шмотки. И еще чувство и протест на ихнюю реакцию НА НАС. Все равно, у нас лучше, и нам хорошо, а когда будем все вместе, — тем более…

Кстати, рядом с «Дарами Кубани» открыли маленький валютный магазинчик, в нем народу нет вовсе, а только охраняет западные блестящие сласти милиционер. Я заглянула и спросила только: есть ли сыр, сказали — «да», что-нибудь плавленое, наверное, есть. Я это к тому, что не навьючивайся чрезмерно сластями и тем же сыром. Будут у тебя доллары — зайдем и что-нибудь там залежалого, перекочевавшего к нам купим.

Уф! Все. Целую, обожаю, жду. Твоя Доммушка.

Пока я перепечатывал письмо Светланы, как раз звонок — Катя Кларк из Йеля интересуется: есть ли мне где проводить завтра «День Благодарения», а то привезли бы к себе. Я ей письмо Светланы рассказываю. Она удивляется, сострадает:

— Да, сейчас момент тяжелый…

— Какой «момент»! Это — эпоха. Мы в ней и умрем…

— Ну что Вы так мрачно! Запад поможет…

— Помощь до нас не дойдет — разворуют по пути. Сейчас же — эпоха первоначального накопления у нас начинается. В Европе она была три века: 12, 13, 14, и тогда бандиты — все эти Медичи, скапливали капиталы. Это потом они стали просвещенные и покровители искусств. Так что скулил я в эпоху застоя: что не печатают, не езжу!.. Да зато писал себе свободно, и еда была. А сейчас и издавать тебя не будет никакой рынок, ни еды нет, с голоду помрем. А и спрашивать не с кого. Сам ликовал, когда разваливался такой слабый и милый и терпимый истеблишмент, что был в конце застоя, — жить было можно! И правители, с рыльцем в пушку, были мягки и жить другим давали. А теперь все новички — Попов, Пияшева — с них взятки гладки: за все нехватки кивнут на прежнюю власть — и так надолго. И рожи пришедших управлять ничем не лучше партийных ряшек — те же, только худее и злее. Как тощие пиявки в басне Эзопа «Еж и Лисица»: почему родосцам не следует свергать тирана…

Вот почему и я на свой глупый ум сержусь: как же так было не предположить последствий развала порядка в России, в Союзе? И это — ты, национальным занимавшийся пристально! Какой же

спрос с «советологов» из Америки, типа Кати Кларк или Питера Реддауэя, что они не понимали нас и все гнули в дуду демократии и ругали партию и советскую власть за зажим интеллигенции и психушки?..

Да ведь уже поослабло все к концу застоя — заслужили мягкую власть, ценой мук прежних поколений. Вот бы ценить власть с нечистой совестью, с чувством своей вины, — так нет, свалили и теперь получили чистеньких безвинных — ни за что не отвечающих, не умеющих и безвластных…

И зло было в моем голосе, когда я часть этого высказывал. Русисты! Советологи! Собираются на конференции в Майами: только что там был собор американских профи по России: доклады, купались в океане — сладко как Россией заниматься и закорючки «к вопросу о»… какой-нибудь мелочи в стихотворении Мандельштама обсуждать! И будто они знают, что хорошо и что плохо для России и что ей желать.

Ничего-то не понимают — контекста Целого не имеют. Но ведь и ты, олух, узко глядел.

А сейчас вот буду Письмо Белинского к Гоголю разбирать — на сторону Гоголя встану. И в «Ревизоре» застойная, спокойная власть милых мошенников, что воруют, но и жить дают — даже учителю-интеллигенту про Александра Македонского стулья ломать… И верно Гоголь за ответственность дворян: чтобы помещики стали воспитателями крестьян… Навстречу друг к другу. А не «к топору зовите Русь!» — как потом готовно Чернышевские…

Вот была лучшая для России «перестройка» — Реформа 1861 года: нормальная эволюция, с сохранением, без разрушений. А нам — снова революцию и смуту подавай!

А эти все — книжные: Белинский… Деревни не знают, мужика… Как и наши демократы: Сахаров, Афанасьев. Давай к нам западное хорошее, вали наше плохое совсем — не видя блага тут хоть какой власти и порядка…

Яблочки лопаю — и кусок в горле встает: Лариске бы!

Сами-то американцы жестко блюдут иммиграционную квоту и не «напускивают» к себе заразы чужих идей и принципов устройства. А мы — нате! Берите нас за рубь за двадцать! — так и есть! Сняли все заслоны — и как подводную лодку затопит без герметики границ, так и нас. То̂то китайцы усилили границы и контроль: видят на примере Союза, как может погибнуть цивилизация целая, и ихняя, пятитысячелетняя!

Как раз сегодня в «ланч» рассказывала пожилая милая дама о творчестве женщин в средневековом Китае — в XIV–XVII веках: из джентри, и куртизанки слагали великолепные стихи и прозу; и

была культура аристократического истеблишмента, где в сложной и цветущей системе и этому было место… А сейчас — плебейство одинаковости все заливает…

ПИСЬМО ЛАРИСЫ

Здравствуй, Гошище!

Прости сразу за короткую записочку, я не мастак (в отличие от вас) писать.

У нас все с мамой хорошо — и любовь и неженство. Так что приезжай скорей, очень скучаем.

Ты теперь не заййа! Зая — я, а ты — псевдозаййа, это мы так с мамой порешили. Я конечно щучу.

У нас тут объявилась мышь! Мама в панике, я вчера все углы на кухне перерыла, дыры забивала. Мама ходит теперь по дому с палкой и на ночь баррикадирует двери: затыкает снизу щели полотенцем.

Я мучаюсь с дипломом. Большие оказались проблемы. Много перепробовала вариантов, часть мне запретили, вернее (громко сказано), намекнули, что это делать не надо. Я тут целых 2 недели ничего не могла делать — дрянь какая-то выходила. Сейчас вроде,, тьфу,, тьфу,, тьфу… не сглазить… что-то стало выходить.

Бабуся периодически достает. Настя ее избаловала вниманием, и чуть его уменьшить, так сразу обиды. Нуда жалко ее. Ты бы хоть в письме ей привет, что ли, передал или что-то в этом роде. А то ей даже нельзя твои письма показывать, ни слова о ней — обидится! А она все о тебе спрашивает.

Ну вот и лист кончается, новый начинать не буду, напишу только еще, что мне привезти. Ну целую и крещу. Целую. У а… Уа… У а… С Богом, приезжай скорее. Лариса. 13.1.91.

Какой мускулистый слог — и картинность. Вот художник-то! Напор и воля, упругость!

Какие все женщины мои разные! Вот еще мамы письмо — тоже шедевр в своем роде — такой гуманистической советской классики; таким стилем и отец мне письма писал. С Колымы.

Однако ты так запорешь свою книгу — отвлекшись на «жизне-мысли».

Да, еще Кате по телефону с сарказмом я сказал, когда она меня за мрачность прогноза пожурила:

— Ну что ж, это как раз хороший фон для блаженства завтра вам в День благодарения: острее ощутить свою устроенность и благополучие — ваш свет на фоне нашей тьмы (не тени даже…)

ПИСЬМО МАМЫ

12/XI91 г.

Дорогой Гена/[13]

(А почерк какой — ровный, ясный — не то что у меня, и у Светланы, и у Ларисы-левши… Порядок в душе у мамы!)

Спасибо за твой звонок ко дню моего рождения, я была растрогана, когда Светлана передала мне об этом (это они придумали, я звонил им, и Лариса напомнила, что как раз назавтра бабушкин день рождения — звонил я 7-го. Милые, выручили! — Г.Г.). Я ведь была дома, но из-за шума воды в ванной не сразу услышала телефонный звонок.

Я рада, что с большим успехом проходили твои лекции и семинары в университете… Ты к тому же, очевидно, стал серьезно овладевать английским языком… (Вот стиль отца — и далее: совет и ободрение, как он ей писал — читать лекции. — Г.Г.). Не пора ли, наконец, тебе читать лекции и в наших вузах, в Москве и в других городах…

Последний месяц я стала читать, перечитывать из твоих книг, тот громадный раздел, который я скоро **два года** *собиралась читать и глубоко понимать. Речь идет о «25 романсах на стихотворения Тютчева» (Их 45. — Г.Г.). Масштаб, объем подходов, глубина и интенсивность творческой мысли равносильны —* **самостоятельной книге.** *Читаю, постигаю (там ведь более 200 стр.) и прочла (изучаю) почти 3/4, но чуть не задохлась от напряжения, требуется передышка (как в многочастной симфонии остранение, разрядка, после чего можно подойти к восприятию кульминации и финала цикла…). Через неделю дочитаю до конца. Все это так сильно, так здорово, полно большой внутренней* **концентрации.** *Кстати, в книге «Русская Дума» очерки-по- ртреты не равноценны по «концентрации» мысли и изложения. Наряду с сильнейшими лаконичными портретами есть размытые многословием… Ну, об этом, когда увидимся, я тебе расскажу.*

Дорогой Гена, давно уже соскучилась по тебе (вот я и «прослезываюсь», как отец писал с Колымы нам… — Г.Г.), хочется скорее увидеться. Не раз и ты передавал, что скучаешь, хочется домой в свое семейное гнездышко, где тебя любят и ждут… Хотя бытовое житье-бытье за эти месяцы осложнилось… Но несмотря на все Светлана и Ларочка в творческих трудах непрестанных… А также Настенька в далеких краях продвигает свою диссертацию. Пишет, что много над ней работает. Скоро приедет — 27/XI…

П. С. Если сможешь купить для меня летний плащ, дамский зонтик… Себе купи глазные лекарства. Из продуктов сыр, сухое молоко. Тебе купи непременно на голову БЕРЕТ, шапку или кепку и зимнюю к твоему теплому пальто-куртке. Еще раз целую — мама.

Большие сердечные приветы Алику, Инне, сыну. (Не забыла! — Г. Г.).

О, Мама! Какая ясность! 88-й год жизни пошел! О, Дай Боже!

Приеду и расскажу о своих новых пониманиях и о восценении советчины и партии — вот порадуется-то!

Ну ладно! Зарвался я сегодня — с жизнемыслями.

Но импульс получил — на Англию — от советчины — по контрасту: вот космос аккумуляции, умение многоэтажно всем жить в плюрализме, не отменяя, не вытесняя… Проникнись. Почитай — как раз Юджина Розенштока-Хьюсси об Английской революции…

День Благодарения

29.11.91. День Благодарения — какое прекрасное название национального праздника, самого важного в США, важнее Рождества и Пасхи!

Но что под этим? Сюжет: как переселенцы-пилигримы умирали с голоду, и индейцы добрые им дали тыквы; по Коннектикут- реке они приплыли, и пришельцы спаслись. Зато потом они этих же индейцев отстреливали, как волков, — ну, не они, а в следующем поколении. Как рассказывали за праздничным столом, поедая ритуальную индейку, за голову индейца даже платили охотникам — как у нас за отстрел волков.

Кстати, «индейку» тут называют «турка», не имея к туркам касательства, а мы ее — «индейкой», тоже не имея уже к индейцам касательства. Присцилла говорит, что это Линней Карл поименовал так…

И подумал я: американцы же не ниспровергают власть за то, что когда-то отцы-пилигримы индейцев отстреливали, а мы бедных коммунистов нынешних запретили за то, что деды их расстреливали священников, счеты с Ленина за Сталина требуем. Дурачье!..

Англичанин Джерри был там. Англия не переходит на правостороннее движение транспорта, как во всем мире. Говорит: переход на новое будет стоит три четверти национального дохода. И так — меньше туристов. Хотя от этого много катастроф. Ну да: у шофера же автоматика реакций, а тут ее на обратную перемени! Как?

И подумал я: Англия сохраняет барьер от иностранцев, блюдя свое; что же мы так распахнулись на все чужое, и границы и обычаи, защитные для культуры и стиля, отменили? Цивилизация так, с лица необщим выраженьем, растаяла — в смутной надежде построить что-то хорошее. Но построим очередного уродца, как уж и построили — советского… Но зачем тварину было убивать? Ничем она не хуже прочих устроений жизни, зато уж хоть какой строй и порядок выстрадали — что лучше, чем ничего, и снова-здорова с азов порядка и цивилизованности, со зверства и воровства начинать.

Ну ладно. А впрочем, и весело и смешно даже — над своей способностью разумения потешиться. Тоже нашему разумишку урок от Бытия, от Бога.

По радио песнопения сладкие, терапевтические душе, и про Бога проповеди и размышления.

И простое понял: нужна, должна быть сконструирована такая

инстанция всепонимающая и всеразрешающая — для души. Такой концепт-конструкт. Чтобы порядок в душе навести и можно было бы в хаосе существования космосок себе построить и в нем жить, как в доме. Когда адресуешь ум и душу к чему- то Всезнающему и благому, то и переносить легче. Как вон и нашу советчину в хаосе — я сейчас: сделал выкладку, что это Бытие для нравоучения нашему и моему разуму такой урок и парадокс исторический учинило, — и повеселел, «разумное» нашел объяснение, хотя оно и нелепо…

Ну, давай за «Англию». Неплохо сегодня: еще без десяти 9.

4.30. О, мои милыя! Всякий раз когда ем и кусок подношу, о них, бедных, обливаюся. Вместо прогулки на велосипеде пошел в магазин Доброй Воли — что-нибудь своим купить, взял записочки Ларисы и Ножку ее на листе бумаги — с надписью Светланы: «Нога Ларисы — левая» — ну как не умиляться?..

И, кажется, удачно купил на сей раз: свитер с высоким воротником серо-лиловый за 5, куртку осеннюю за 7, сумку дорожную за 4.50 (можно теперь не унижаться, не просить Юза что-то в дорогу и на время холодов, пока не куплю в Нью-Йорке нечто нормальное… Хотя какие тут «холода»! Вон в рубашке сегодня хожу. Как говорит англичанин Джерри, здесь широта Флоренции…). Еще ветровку синюю — за 5, две рубашки — одну себе и Ларисе серую, как джинсовую — по 5, и джинсы Ларисе — за 2.50!

С ума сойти, какие цены! Вообще — и еда: меда огромная банка, наверное, полтора кг, — 3.30, и кг хлеба ржаного — 1.50.

Теперь надо колготки теплые своим купить, сыру и сухого молока и послать с Майклом 6-го. И сотен 5 долларов — на еду там.

Ну, а теперь — в работу. А то скоро много ездить придется: уже билет пришел на Вашингтон — 11 — го, потом оттуда — к Бобу Эдвардсу в Иллинойс — до 17-го ездить…

Немного чувствую себя — как на отхожем промысле, куда мужики на зиму уходили на заработки — «на гурбет» (в Болгарии). Вот и я на заработки долларов: вроде пригодится моя поездка семье — на прожитие. Даже на ПЕРЕжитие зимы и года сего…

1 декабря 1991. А тут — как лето, в рубашке ходи. Самочувствие хорошее: все в порядке. В душе проблем нет. Гнать надо дальше писание. Вчера уж и Англию окончил — в основном. Жаль тратить утро на доделывание. Потом. Что ж, поворачивать голову к последнему «Космосу», который мне давать-писать, — Еврейство? Время еще есть: на 10 декабря, на последний день я его наметил, чтоб, если возмущу «общественность», то уж и

бежать скоро.

Странно-интересное самочувствие: в последний месяц, когда один за другим по неделе восписываю такие миры: Греция, Италия, Германия, Франция, Англия — будто поворачиваю душу и перенастраиваю на такие разные волны и уподобляюсь на время им. Ибо когда начинаю, кажется, ничего не помню; а как сконцентрируюсь — сразу из запасов души и ума и памяти выплывают главные вещи и идеи. Все ведь по памяти пишу — все эти образы, без книг. И так и лучше: забвение работает как абстракция-отвлечение от лишнего, так что выплывает из закромов памяти самое главное, и из него тку образ.

Пишу, а все звучат горькие слова Светланы в письме: ты все про умное, а нам бы хлеба достать, урвать в очереди что… Ну, скоро воссоединюсь — и разделю судьбу.

Завтра у Насти 25 лет! Четверть века. Это значит — как я, уже поработавший в Брянске в школе и поступающий в аспирантуру ИМЛИ! Сколько важной жизни уже к сему прожито! И университет, и первая любовь, и ее крах, и работа уже, и горы — Эльбрус… А тебе она все — дитя, дочь, абстракт любви. Так и родители им — даль и неразличимость, не детальность жизни и сюжетов. Как и мне — мать моя…

Нет, все же буду доделывать Первую часть и Англию сегодня. Не могу так с ходу врубиться; надо поворачивать жерло медитации, этой гаубицы своей, — не вмиг же!

7 ч. Ну, прозвонился, наконец, в Москву: Настю с днем рождения поздравить и проч. Было трудно пробиться, а как пробивался два раза — так там занято. Наконец, во втором ихнем часу ночи пробился. Светлана сразу: «Получили твое сухое письмо — и расстроились: ты там с Присциллой смотри! Если что сделаешь — то катастрофа! Она со всеми гуляла, а ты ее в письме хвалишь!..» И Лариска тут же: «Гошка, мы решили: как ты приедешь, тебя на анализ СПИДа послать». — Ох, и дура ж ты! — я Светлане. — Что у меня в жизни есть, кроме семейки нашей, и чтобы я это поверг? Есть простое средство: «Возьмешь, бывалоча, меж двух корявых пальцев…» — «Это вернее», — смеется Светлана.

Все ж справляли Настин день рождения — у бабушки. Чего-то едят, достают… Тут Майкл едет — хочу с ним денег переслать и посылку: сыру, сухого молока, колготки… И Катя тут звонила: Майкл еще возьмет ли деньги? Обыщут… И лекцию мою в Йеле в среду отменяют — забастовка как раз в среду! Катя: «Вы знаете, что у вас? Государство объявилось банкротом, и Ельцин взялся платить все долги? Значит — деньги печатать…»

Тут же и Димка звонит из Турина — я ему напомнил про

Настин День рождения. Он им тоже позвонит. А мне говорит, чтобы я не вздумал доллары везти в Союз: 30 процентов возьмут на таможне, а дома держать — ограбят, а положить куда — не выдадут. Советует оставить у Суконика и чтоб тот перевел на счет Димки в Щвейцарский банк, а тот уж найдет средство мне переправлять по надобности…

— Но мы ж подохнем! Деньги на еду на этот год пойдут! — я ему.

— Ты слушай меня. У меня есть в Москве люди; они тебе будут давать, а у тебя будет рост идти. У тебя сколько будет? 7 тысяч? Ну вот за год будет нарастать 700.

— А что мне толку, если тут будут деньги нарастать, а мы там будем асфальт грызть? Ты хоть помни, что у тебя там родня; подкидывай сестрам и бабушке да отцу посылочки какие.

— А ты привезешь и дома хранить будешь — так тебя там пощупают…

— Да ведь и так «пощупать» могут: откуда им знать, что у меня нет ничего, раз приехал из Америки?

Вот такие-то проблемы. Еще и с деньгами. Перевозить или нет? Юз считает, что от сыновей ничего отцам не получить — зажмут.

Ну ладно: давай остужайся — работою.

2.12.91. Настин день рождения — 25 — сегодня! Что важнее?! Все ж надо было вчера и до нее дозвониться — голос услышать мне ее, ей — мой. Не очень-то я хорош сегодня, не так выспался, но давай работай. А то паника обступает, что не успею.

2.12.91

Ой, любименькие!

Щелкаю дату — и опять дивлюсь: Насте — 25! Четверть века! Жаль, что не вышло с ней соединиться: я ведь и туда звонил, но не пробился. Ну, дай Бог нам скоро живьем — тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить, — свидеться!

Сегодня я что-то мал-мала «ако луд» — ошалелый (по-болгарски). После звонка вам тут же Димка звонит и говорит, чтобы я денег в Союз не ввозил, потому что сдерут 30 процентов, да и если дома хранить (а в банк класть нельзя — не выдадут назад) — навлеку на семью воров и злодеев (тьфу, тьфу, тьфу, чтоб не накаркать!). А оставил бы Суконику, а тот бы переслал ему в Швейцарский банк, и там расти будут на его счете мои деньги, а он найдет способ нам пересылать — и тутошними получать через свои каналы.

— Да ведь, — говорю, деньги-то нам на прожитие нужны, чтобы не подохнуть в этот год. Что толку, что там проценты будут идти, а мы у себя асфальт грызть будем? Да и если кто

узнает, что жирный, из Америки приехал, грабить могут прийти и не зная, что у меня дома ничего нет…

— Нет, говорит, бери 500, а остальное оставь…

Сомневаюсь очень. Юз еще раньше говорил, что детям-

сынам не надо оставлять, назад не получишь. Потапов говорит, что можно ввозить и объявлять. Правда, у нас каждый день правила меняются. Но считаю, что нам надо это дома иметь, так я нацелен. А ты еще там узнай и в письме через Майкла передай знать мне. Хотя у кого тебе так уж узнавать? Тут я и сам узнаю — у Потапова перед его отъездом. Считаю, надо везти домой все. Может, сотню оставить, чтобы у меня тут свой счет был, на который вдруг какой гонорар перечислять.

Сегодня утром Юз приходил. Я ему сказал, что Майкл согласился перевезти тебе посылку и «зелененьких» толику, и он, как человек практичный, так меня наставлял:

— Не стоит особо прямо на доллары покупать. Лучше их поменять на рубли: сейчас за 1 — 80 дают, а будет еще больше. И потом покупать на рынке или как. Конечно, чего нет — в валютном брать, но, как правило, лучше менять… Для обмена он мне дал свой канал — через Ольгу Битову (это вторая жена Б.). Ей он пересылает 20 д. — скажи, как гонорар за ее статью в «Новом русском слове», так что из 400, что берет М., твоих 380. Позвони ей, и пусть она тебя свяжет с его людьми: Эдик (у бензоколонки на углу Ленинского просп. и ул. Обручева) и Саша… Но и к этому лучше через нее: что тебе надо поменять «зелененькие». В общем, сама сообразишь. А то действительно: если там за 1 дают 80 или 100 — то вот я тут на посылку вам купил сыра, масла, орешки с корнфлексом — на 20; вот и считай. А за 2000 все же на базаре, небось, и брынзы, и творога, и проч. можно… Еще тебе накупил рейтузы и колготки — на 45; спасибо, Ира Алешковская помогла выбрать.

Боюсь, как бы не перебрал я с весом — уж килограмм 5–6 получается: еще ведь накупил в магазине «Чистая еда, натуральная» этих же корнфлексов с орешками — 2 кг и сухого молока…

Потом ходил в банк деньги брал — в общем, подсуетился «для дома, для семьи». Это-то что? А вот «инкогнито проклятое»! — что взялся книжку написать — не успеваю. А тут как назло — разом три приглашения с билетами на поездки с лекциями — по два-три дня. Вот и замандражил я. Но — ничего. Сейчас поуспокоюсь и, похоже, могу успеть.

Сегодня 2-е. 5-го вечером лететь в Огайо в Толедо на озеро Эри. Возвращаюсь — 8 днем. 9-го лекция в Йеле у Кати. 10 — последний день лекций. 11 лечу в Вашингтон: там 12 лекция в Кеннан-центре

и ночую у Питера. 13 оттуда лечу к Бобу Эдвард- су в Иллинойс — до 16. Но Боб взялся мне подредактировать текст и перевести на компьютер, так что главный он мне и милый — человек.

Так что вот моя напряженка. А еще, когда вернусь, читать рефераты студентов и отметки ставить. Думаю тут быть до 20–23, потом неделю в Нью-Йорке у Алика и там покупки делать.

Фу, ну ладно! Гпавное, посылка готова. Еще переслать ее Майклу с оказией…

Пока. Целую. Посылаю…

Па-а

Милая Сьюзон![14]

Вот посылка моей голодающей и холодающей семье в Москве. Передайте, пожалуйста. Ваш Гачев, 288-93-65.

И презирают уж нас…

3.12.91. Сегодня все пока удачно. Проснулся без четверти 9: под тазепамом спал — и восстановился. Потом лекции прошли спокойно и мило — благо, Англия уже написана была. А в русском классе — письмо Белинского к Гоголю: с удовольствием рассказывал им о них, и потом разбирали. Зачитал я и письмо Светланы к Гачеву. Вот результат — через полтора века — их споров и мечтаний.

— Но Россия не кончается, — справедливо заметил Джеймс-киношник.

— Сколько процентов населения — за рыночную экономику и западный путь? — один спросил, Дональд Буччи. Это после того, как я им снова развил промежуточное положение России между Востоком — Китай и Византия (через православие Гоголя) и Западом (через Белинского).

— Ну славянофилы сейчас малы, — один сказал.

— Но дело не в славянофилах, а кто за порядок и истеблишмент.

И таких — процентов 90: партия, рабочие, крестьяне. А за западный путь — тонкий слой торговцев-мошенников и интеллигенты-демократы: за рыночную экономику.

— Да ведь и интеллигенты эти не знают, что такое «рыночная экономика», — справедливо заметил Роберт Риччи.

— Именно, и я не знаю, — я про себя. — И что же выходит: «западники» у нас не знают ни Запада (каков он на самом деле; и Белинский не знал), ни России, крестьянства, как это знают по крайней мере коммунисты, которые из народа, с ним все дело имеют, как руководители. Так что тонкий слой демократов всю бучу в Обществе раздул и попользовался эфемерно: на Запад поездили, везде публицисты понаопубликовались, раздразнили народ, а теперь — и сами не знают, и ни за что не отвечают. Да, такой парадокс. Тот же Сахаров Андрей, гуманист: ратовал за западные права человека, Запада не зная. А крестьянства он и подавно не знал.

Теперь же, при начале «рыночной экономики», только воры и мошенники попользуются и проявятся, наберут капиталы в мутной воде переброски ничьих ценностей. Но никакого производства они еще затевать не будут. Пока-то на соблазн зарабатывать деньги подымутся крестьяне и рабочие! А пока все идет по-ленински: право наций на отделение — и во главе с коммунистами, которые теперь — националисты. И шахтеры — право на забастовки. Все негативные процессы. Не

производительные…

Ну а пока порассудим с собою, что мне делать эти дни. Послезавтра улетать в Толедо в Огайо на 3 дня. В дороге могу: «Еврейство» взять перечитать и написать — к 10-му. И уже написанные «Германию» и «Францию» считывать. Так что сейчас надо взяться переписывать «Америку» и «Россию» — для этого надо на месте сидеть и материалы разные сводить вместе и цитировать. За что и принимаюся.

4.12.91. Опять было не выспался, с 5 стал мандражить: голова завинчена, собрался было встать и писать — да ошалею, стану «ако луд»[15] и что-нибудь хуже сделаю; стал себя усыплять… в 8 встал — все в порядке. Вспоминается Архилоха стих, когда он щит бросил в бою и бежал:

Носит Салиец теперь мой щит безупречный. Сам я зато уцелел — и не хуже другой могу себе сотворить.

Так и мне — армию надо беречь (= себя сиречь), а не сражения выигрывать частные.

Вчера правильно сходил на лекцию о еврейских погребальных обрядах — такая, кстати, Суламифь делала — глаз не от- весть!

Понял, что я могу на этом куске споткнуться: очень осторожно надо, а может, и вообще не надо. Еврейство почует душок и — книга накроется. Как вон Юз почуял душок — и отошел от меня и Бродскому не стал меня рекомендовать (как Суконик предполагал, что будет): не хочет дискредитироваться об меня.

А Американство — пошло: главный текст есть, а в него — инкрустации цитат и отдельных рассуждений вписывать.

4 ч. Еще и презирают нас! Вон встретил русских студентов: Алешу и Малику — и они: что американцы уже презирают русских…

И верно: кто мы теперь? Побирушки. Нищие. Развалили, дурачье, такую страну, с которой считались, — и с ихней помощью: только и помогали дуракам демократам разваливать. Принадлежать к почтенной стране — достойно. А сейчас потешаются: «Вы откуда? — Из Союза. — А, из страны, которой нету!»

Но вот я — личность, а ведь не перестаю говорить: «мы» — есть общая судьба!

Да, со «славянофилами» и коммунистами считались — эти собаки западные, плебсы. Потому что сила. А вот эти «демократы» (меня прежнего включая, отчасти тоже), кого использовали хорошо, чтоб развалить страну, теперь не нужны — над ними и потешатся: над Сахаровыми, Афанасьевыми. Еще — Герберы, Коротичи…

Своих-то, евреев, успели повывезти — как специально, «погромами» будущими напугивая.

Ой, как тяжко и стыдно! Постыдно!

Ловкенькие хорошо попользовались на развале державы: Аксеновы, Алешковские, Эпштейны, Ерофеевы, Татьяна Толстая — и прочий Войнович.

Быть нелюбимым чадом родины (кем я отчасти был) лучше, ибо все ж Родина есть, чем быть мировым никем, люмпеном, побирушкой. Меня не печатали, но содержали и уважали. А теперь — ни того, ни другого.

И смотрю мрачно в хитрые глаза новых юрких (и тут эти глаза вполне вижу — у того же Алешковского) — предвижу, знаю их. Угрюмею: тонуть! Погибать с моим ворохом писаний! Как Храму Христа Спасителя — огромному и неуклюжему, не портативному, не компьютерному, — мне…

Присциллу встретил: нет в ней оптимизма насчет издания меня. «Ардису» уже не выгодно стало на русском языке книги издавать — бум прошел. А прочие охладевают к России и к мысли из России.

Им вот шпарить-цитировать: «Дерида! Фуко!» — как социологи их. Французская модняшка — по мозгам и плечам их.

В центре гуманитарном с директором Ричардом Отманом говорил. Прочитал он мою лекцию о национальных. Говорит:

— А Вы — поэт.

Я его спрашиваю: кто подобно тут так работает? Не нашел.

— Я не могу сказать про себя даже, что я «маргинален». Я централен — сердцевинным занимаюсь и в целостном жанре. Это вы — профи — периферия культуры и Духа, кусошники мелочные, по краям духовной области. Но я-то и не могу среди вас иметь места: Центру его не найти среди периферийных…

А и книжка, что я делаю-пишу, нелепа: ни на английском, ни на русском. Да еще и сырье; одно дело — студентам такое читать, а другое — читателю. Повторения, неточности!.. Но взялся — продолжу.

А и то, что я так вчера эффектно к Письму к Гоголю приложил Письмо к Гачеву, — на презрение же к нам и мне работает. Жалости не вызывает, а пренебрежение. Ахают Маша и Джеймс, ходя по кампусу: «Семья Гачева не видит сыру!» Это Малика мне сейчас рассказала. А я им: «Ну и что? Я в Ташкенте уже 7 лет сыру в магазине не видела. Это Москва была привилегированная, а мы сыр — на базаре покупали!»

Но у них базар живой и народ работящий на еду. А русские — нет.

На дверях объявления о лекциях: «Маккиавелли и Вико»,

«Ронсар» — учатся люди! Университет ведь! А ты о чем?..

Тебя ж раздражает, когда они все со своими «майноритиз» (меньшинствами) возятся и с феминизмом и не хотят знать Духа и проблем культуры. А ты сам — со своим «жизнемышлением» — в какой жопе и глупости оказался, какие предметы промышляешь! На какую землю спустился!

Взялся читать Пушкинскую речь Достоевского к завтра. И как снова — все в походе: беспочвенный человек тогда — в социализм, теперь — в демократию и рынок и права человека вдался и зовет, и ведет…

Одновременно едкая мысль: бедные русские теперь — в диаспоре! В Украине, в Литве, Казахстане — второсортные — они, бывшие римлянами! Еврейский жребий теперь — им испытывать! Но закала-то нет еврейского и чем обороняться: Торы, Веры! Бедняги!

ПРИМЕРНАЯ ПРОГРАММА ПРЕБЫВАНИЯ ГЕОРГИЯ ДМ. ГАЧЕВА В ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ В БОУЛИНГ-ГРИН: 12/5/91 — 12/8/91

12/5. Четверг

9.10 веч. — прибытие в аэропорт Толедо; встречает Анеса Миллер-Погачар; переезд в Панксепп-хоум, в Боулинг Грин.

12/6. Пятница

9.00 — приезд в Университет в Боулинг Грин.

9.15–10.15. Посещение Германского и Русского отделения в сопровождении Цинтии Граф.

10.30–11.45. Посещение праздника «Славянский День» и участие в жюри, оценивающем самодеятельность студентов; или свободное время.

12.00 — обед в Союзе студентов.

12.45—2.30 —посещение праздника «Славянский День» (продолж.)

2.30—4.00 (?) — лекция «Национальные образы мира» с ответами на вопросы — в Союзе студентов — в корпусе Огайо.

4.30—5.30 — возвращение в Панксепп-хоум, отдых, переодевание.

5.30 — отправление на банкет в Общество аутизма.

6.00—9.00 —банкет. Возвращение в Панксепп-хоум.

12/7. Суббота — свободное время до —

4.30—6.30 — прием в кафе «Основания для Мысли» в Боулинг Грин.

— 6.30—7.20 —обед или свободное время.

7.20 — Опера «Дидона и Эней» в зале Бриана в Университете (билеты — у входа).

12/8 Воскресенье

6.20 утра — отправление в аэропорт Толедо.

7.10 — отлет в Хартфорд (Коннектикут).

30.12.94. Переводя и перепечатывая эту программу, удивляюсь американской последовательности в датах: сначала месяц, потом число, затем год: 12/5/91 (унас же: 5.12.91), тогда как в адресах — у них: от личности — к стране, у нас же: от общего (страна, город, улица, дом) — к имени и фамилии человека.

В такси и самолете

5.12.91. Ой, девоньки, лечу!

Внутри Америки — сам. Боялся, что запутаюсь. Но организовано четко и для дураков, как я, понятно. Лечу в Огайо-штат на озеро Эри, в Толедо — филиал испанского, где Эль Греко…

Упоминаю эту эрудицию и с ужасом вспоминаю своих студентов, у которых такие ассоциации никак не возникнут. Невежественны в гуманитарной культуре! А все потому, что на профессию и работу настроены, а не чтобы ловить кайф жизни.

Меня вез шофер такси Питер — 23 лет. После школы 1 год учился в Университете (не Весленском, он дорогой), но и тот бросил, стал зарабатывать на дом. Работает на 3-х работах: шофер такси, шофер автобуса, механик в гараже — 78 часов в неделю, кроме воскресенья, — по 13 в сутки! Это — чтобы скопить на дом. 5 лет нужно. Имеет 25 тыс. в год. Потом женится.

Что же такой видит из радостей жизни? Хочет иметь счет в банке, чтобы спокойно оплачивать счета. Снимает комнату в 2-комнатной квартире, рядом 2 девицы в другой. Выходит им по 200 долларов в месяц. Имеет машину и мотоцикл — на нем дешевле летом ездить: бензин и страховка.

Спросил его, что думает о России.

— О, it's great! Здорово! Люди получили свободу делать, что хотят.

— Но они не знают, что делать со свободой! — говорю. — Ничего не видели другого…

8.20. Пересел в Питсбурге — на Толедо. Глядел на лица, пока ждал. Лица профессионалов. Жесткие, острые, сосредоточенные, четко знающие свое. Ни шагу вбок! Нет той расслабленности, как у индейцев, русских, знающих задумчивость и медитацию. Я им совершенно не нужен и дик: типичный не профессионал, дилетант. Своровал в том самолете (с Харфорда до Питсбурга) журнальчик, где полезные советы, как бороться с унынием:

ДЕЛАЙ ДЕЛО ПОНЕМНОГУ

Прочти все же материал по Еврейству, что взял, хотя решил не делать этого образа мира в книгу: забьют, а книгу всю дискредитируют. Но занятие 10-го проведу. Даже интересна реакция студентов на мою модель.

В самолете на вашингтон

11.12.91. «Давненько я не брал в руки шашек» = не писал своего. Отбился от рук Духа и Принципа своего. Поддался рабочей лихорадке американцев и гоню успеть книгу докончить.

А теперь лечу в Вашингтон: лекция завтра в Кеннан-институте. А предыдущие дни: 5-го в Огайо летел. Там 6-го лекция в Университете «Боулинг Грин»: человек 50–70 было. Потом Анеса Погачар интервью с меня брала: диссертацию о советской культурологии пишет — про Аверинцева, Эпштейна и меня. Слава Богу, удержался хаять Эпштейна и выдавать свои страхи, что он у меня сворует «Русскую Думу» в свой курс русской философии. Будет охотиться за книгой и, конечно, у нее выманит.

8-го вернулся в свой милый Миддлтаун, а 9-го возили в Иельский университет делать лекцию, и потом был ужин у Кати Кларк — с милым цадиком Виктором Эрлихом и Робертом Джэксоном (у первого книга — «Русский формализм», у второго — о Достоевском). Катя поразилась, как я складно стал по-английски трекать.

Вчера последняя лекция — «Еврейство» в классе английском: вместе промышляли; а в русском — Федорова давал и раскрыл книгу Светланы — и умилил их нашей семьей. Расставались со светлой печалью. Я им оставил адрес московский. Они хотят проводить меня — вечер устроить. Я сказал, что полюбил их: они мне — как дети.

Лечу на 5 дней: из Вашингтона еще к Бобу в Иллинойс.

Француженка-таксист

По дороге на самолет — с женщиной-таксистом разговор. Она — Линда, из французской Канады, ругает Америку:

— Вы не видите, сколько у нас бездомных, умирают от голода. А государство платит фермерам.

— Но, может, в вашей системе этот страх надо держать — как импульс, кнут большинству: работать, совершенствоваться в профессии, чтоб не оказаться на их месте. А у нас свой кнут: идеология, лагеря…

— Здесь живут лишь с 25 по 55. Потом — в мусор: со старыми не считаются. С 21 до 25 молодой человек может пить в компаниях. Потом уже работает и не пьет — на людях, а дома. До 25 и после 55 — «ты ничего не понимаешь!»

— А что же за жизнь с 25 до 55? Ведь только работа. Как наслаждаются?

— Не наслаждаются, а развлекаются: футбол смотрят по ТВ — под пиво. Другие — с вином. Или в карты с женой и друзьями.

— А для любви, любовных приключений — нет времени?

— Все расчетливо — так и женятся. Не знают любви, общения. Я выросла во французской семье в Канаде, в дом приходил story-teller, рассказчик. И все присоединялись: рассказывали и о предках, вспоминали, все знали много. Весело.

— Конечно: ведь разговор — это же радость душевного общения, тоже любовь!..

— Я и не рада, что купила «ящик» — ТВ. Предпочитаю радио, музыку.

— А я заметил, что тут любовь плохо знают: нет атмосферы ценения ее, как во Франции. За любовные истории принимают, когда муж убьет жену из ревности. Но ведь это он не от любви, а от злости, что собственность вышла из-под контроля.

— Да: не люблю, а — убью!

В Вашингтоне

13.12.91. И уже из Вашингтона отлетаю. В душе и башке — коллапс всяческого. Главное — духота их помещений в офисах. Как живут? Выбегают в шортах и кедах подышать по МОЛЛу — зеленой прогалине в центре города. «Педестриан» — пешеход-гонимое существо. (Около Кеннеди-центра переходил трассы — и там угрозы пешеходам.) В центре-то он — почтенен.

И галереи искусства и музеи — бесплатны: «Искусство принадлежит народу», — шутил Фрумкин из «Голоса Америки».

Однако с деньгами я накрылся. А разогнался — на такси гонять. Оказывается, ничего не заплатят за лекцию — и даже в некотором минусе я. Ну ладно. Сутки в гостинице за их счет — 100 долларов = 20 тыс. руб. по-советски.

Что-то получаю отвращение к американской улыбчивости и комфорту и просперити. Все так телу потакает: его неге и забвению Духа. Нет аскезы и страдания. Ведь сама по себе природа человека его к падению влечет.

(Из календаря на декабрь — объявление о моей лекции: «Кеннан-институт для продвинутых русских исследований. Вудро Вильсон-центр. Вторник. Декабрь 12. Семинар: 3.30—5.30. Комн. 429.

«Русские образы мира. Личный взгляд (перспектива)»

Георгий Гачев

Институт славяноведения и балканистики, СССР, Академия наук. Москва.)

Наверное, шокировал я политологов из Кеннан-центра, сказав, что сейчас бы я поддержал «путч»: они хотели эволюционного пути. Стагнация и коррупция были органикой эволюции. А получили мы опять механику революции. И развал коммунизма — по коммунистическим идеям идет: право наций на самоопределение — по Ленину осуществляют. А личность давить — новым коллективизмом — нации.

И снова: мы разрушим до основанья и построим наш новый мир! Снова «светлое будущее». Только на это свято место вместо Коммунизма — Рыночная Экономика. А пока — страдай и подыхай с голоду.

Ну вот: добились они: разрушили державу, соблазнили — открыли мы двери. Сами-то держат крепко и не впускают. А нам за жизнь одного поколения (вон моей матери) — три тотальных разрушения: 1917 — Революция, 1941–1945 — Война, с 1985 — Перестройка…

— Еще и Четвертое разрушение: 1929 — Коллективизация! —

уточнил Питер Рэддауэй.

Сами-то 300 лет только в одном направлении развивались и только аккумулировали богатство. А мы чуть накопим — перекинуть в другие руки, а по пути все ценности разбить, как посуду.

Ну да: ведь Америка — прямая трасса: на ракете Европы, Англии, в ее разгоне вынесена, как спутник, — лететь дальше. На них поработала Европейская традиция первоначального накопления — две тысячи лет. А мы сейчас — с XII века начинаем, со Средневековья — по ихней шкале если…

(6.30. Вот уже в Чикаго — на пересадке в Сент-Луис)

Сказать бы им вчера на моей лекции — им, так уютно смеявшимся: — Вот бы нам всем вместо этого «симпозиума» сейчас — в очереди 3 часа простоять за куском хлеба, озверев друг на друга, и не досталось чтоб!

А ведь так мне и моей жене, которая умнее и меня, и многих, придется — годы, если выживем…

Да, назревает злоба на умных, хитрых и практичных — американцев, евреев, что успели улизнуть… А мы, по глупости своей, поддались на ихние соблазны: сначала Коммунизьму строить (Марксы соблазн: морок МРАКСа наведен…), а потом свою же страну разваливать — на американский уж соблазн: демократии, «прав человека», рынка-достатка.

А теперь мы — никто: без страны, без гражданства, без порядка, без хлеба, в естественном состоянии войны всех против всех…Звери друг на друга и презираемые всеми странами: от Китая, Ирака — до Англии и США, и Польши…

Такую хрупкую платформу над Хаосом — как беречь было надо!

Нет, опять ничего иного не остается, как гордиться христианской избранностью на страдание.

Так Федоровым под конец проникся: на что тут тратится изобретательность мозга и энергия рук! Производить все больше разного ненужного! И менять и обновлять вещи. А душу — запустить.

Хотя хороший мне вчера вопрос задал один:

— Почему в американцах — живая религиозность, много церквей и их посещаемость, а совсем это не отразилось в их философии; тогда как в Европе — о Боге, идеализм, теология как развиты?!

— Да потому, что у американцев Бог — в душе. Я читал книгу Конрада Хилтона «Будь мой гость» — того Хилтона, чьи отели, его имени, — по всему свету, — так он из детства, от родителей вынес два правила-принципа: Pray and Work = «Молись и

трудись!». Он шел с утра в церковь, молился, заряжался энергией, а потом полный день работал мощно. А европейские умы: Декарт, Кант, Гегель в душе — сомневающиеся, и потому ищут ДОКАЗЫВАТЬ Бога, его бытие. Атеисты потенциальные — потому им потребно держать Бога, Дух — в объекте, не имея его в субъекте.

Я буду в очередях стоять и зубами ляскать, а тут Эпштейн будет меня культурологически доканывать.

Надо было не быть толпою и уважать страты в Социуме: власть партийной аристократии понимать как меньшее зло. А сам будь аристократом Духа, кем и был. А теперь надо мной будет надругиваться худший, чем партийный идеолог-аппарат- чик (который в душе-то меня уважал), а — рыночное мурло, который цинически отшвырнет мою неуклюжую рукопись и предпочтет то, что на тупой уровень публики больше сработает.

И, конечно, отбор шел сюда и идет — самых эгоистически сильных и бессовестных. На них и ими росла Америка, ее субстанция и богатство.

Но Бог отмщает — скукой и механикой. (Хотя вру: вон как смеются!)

Вон какой сервис в аэропорте!

Да ведь по-еврейски устроились: оторвались от земледелия! Лишь 3 процента сидят на земле! Все прочие — горожане! Обслуживают друг дружку! Торговлица!

Это бедный Федоров земледельческим населением думал, а тут все сорвались с земель и кладбищ.

И жить только настоящим и для себя. И Бог нам да помогает и освящает нас таковых, самодовольных.

Ужин с Ольгой Матич

Но с какой деловой, хищной женщиной позавчера имел в ресторане ужин!.. Только я приехал в Кеннан-центр, мне секретарша передает message — «сообщение»: Ольга Матич приглашает меня после лекции завтра на обед. Я позвонил, сказал, что после лекции меня заберет Питер Рэддауэй, — и договорились на тот же день вечером встретиться у «Замка».

Она занимается Зинаидой Гиппиус и связывает с «новыми людьми» Чернышевского. А про меня слышала, что «Русским Эросом» занимаюсь. Я обрадовался: с кем-то вечер провести и поужинать на халяву.

Оказалась сухощавая, высокая, потомок Шульгина, из первой эмиграции ее родители, — в Сербии. Повела во французский ресторанчик. Я растаял:

— С прекрасной дамой, да об Эросе беседовать — под вино и французский ужин!

Но когда увлекся есть суп и на время замолчал, она раздраженно подстегнула:

— Вы что: не можете есть и говорить?

Потом я разговорился под вино и кучу ей идей надавал. Она вытащила блокнотик и записывала. (Подобно как Эпштейн: когда мы ходили с ним и его женой втроем на уроки Иврита — в то время, как я думал — писал «Еврейский образ мира» в 1977 году, — он пригласил к себе на ужин с вином, я раскукаре- кался, а на ближайшем занятии он показал мне блокнотик, где 43 пункта с моей беседы записал. — 24.12.94).

Оказывается, она — 4-я жена Алика Жолковского (и он у нее не первый и не второй…), оба в Калифорнии, в Лос-Анджелесе она. Зав. кафедрой литератур. Здесь имеет «грант» на полгода и гонит свою тему: «Ритуал любви в России с 60-х годов XIX по 40-е XX» — что-то такое. Зинаида Гиппиус (по ее пониманию) разыгрывала Клеопатру и была девственница. Жизнь экспериментальная — втроем: с Мережковским и Философовым. Те — педерасты. Тема фиктивного брака.

Я ей еще подал — Лосева: монастырь домашний. В советских условиях его Валентина не могла пойти в монастырь, так он предложил «целибатный брак» — и зместе так пресуществляться в Дух! С Соловьева это…

…Уж на полтора часа опоздание. Там Боб Эдварде приехал встречать — в Сент-Луисе. А я и не вылетал еще. Пилот время от времени извиняется за задержку: что-то чинят. А публика до чего спокойна! Не нервничают.

Так вот: хищная женщина — высасывает идеи. А я ей подкинул на следующий день еще ксероксы из «Русского Эроса» и про «Национальный идеал женщины в болгарской литературе» и «Жизнемысли». И стал унизительно предлагать — пригласить меня бы им на курс лекций или на конференцию какую: я ж универсал и что-то могу интересное обо всем сказать… Она пожала плечами. Мне самому противно себя стало. Но какая жесткость! Я перед лекцией послал гулять по рукам две свои книги, она уже заметила из «Русской Думы», что ей нужно: «Вы оставьте книгу!» Я собирался подарить ее в Кеннан-центр. Но оставил Питеру Рэддауэю распорядиться: вроде обещал пристроить мою книгу в какое издательство. Его покровитель — библиотекарь библиотеки Конгресса Биллингтон (?) — на должности как бы первого интеллигента Америки. И для него отзыв обо мне Лихачева, первого интеллигента СССР, важен будет.

Эдвардсы

16.12.91. Жду на пересадке в Чикаго. Устал. Душновато. Есть хочется. Еще час ждать отлета в Нью Хэйвен — «домой», в Миддптаун. Надо бы работать: «Россию» дописывать. Но лишь на свое, интимное, рука подымается писать.

3 дня и 3 ночи был в семье Роберта и Молли Эдвардсов — с тремя детьми. Благоухание. Святое семейство. И чую их семейную идиллию — как посев и продолжение нашей со Светланой, Настей и Ларисой. Ведь они год жили в Москве в 1980-м и ходили к нам часто, и ужинали, и мы друг другом проникались. Они ж были молодожены, без детей. Он — аспирант Майкла Холквиста и перевел мой «Космос Достоевского» и взялся переводить «Зимой с Декартом» и уже перевел страниц 200. И переслал рукопись в Америку. Но не нашел издателя, пошла их жизнь, переезды… Она ж серьезно занималась детским театром и писать пьесы собиралась. Но вот пожертвовала собой для детей: сама их учит. Джеймсу — 9, Чарли — 6, Хане — 2: сосет еще грудь, прикладывается.

А в доме все дышит любовью, душой и умом: детские рисунки наклеены, карты географические, нравственные изречения, алфавита буквы.

Приняли католицизм 8 лет назад (а были в методизме). Серьезно к выбору религии относятся (чуют себя вправе — выбирать). Их основания: в католицизме больше мистических элементов, красоты и праздника. В то же время он достаточно рационалистичен, в нем уму пища, как и в протестантизме. В православии же ум забыт и забит: ему мало пищи.

Вчера в местную католическую церковь с детьми на воскресную мессу и в воскресную школу ездили (и я). Понял притягательность католической мессы: и пение, и молитва, и проповедь…

Однако Молли и о методизме ласково вспоминает: какие там проповеди! И коли вдохновится кто —45 минут говорить может!

Вечером вчера у них на дому лекцию я делал: пришли на обед-ужин человек 13–14, преподаватели их университета. Так избыточно накормили людей, что отяжелели и одна пожилая дремала.

Но было весело, зажглись, спрашивали. Один даже выразил сожаление, что Коммунизм погорел: теперь этот урод — Капитализм — торжествует, созерцая крах Коммунизма в СССР и Восточной Европе! Нет альтернативы? Это — скучно, уныло…

Мне тоже жалко. Особенно когда Боб, представляя меня,

зачитал из книжечки моих «Жизнемыслей» про моего отца: как писал в письме родным в Болгарию, что его с моей матерью соединили — Бах, Мусоргский, Коммунизм, Природа…

И когда ехали с ним в аэропорт Сент-Луиса, он о жестокости американства рассказывал: профсоюзы не защищают, выброшенные с работы разлагаются: наркотики разлагают и детей преуспевающих, из «миддл-класса». Не стрелять же маргиналов, общество должно о них заботиться.

— Да, жестокость скапливается в душах успешливых и отравляет их. И зачем так бешено работать успешливым, уничтожая не только соперников на работе, но и свою душу, и свое свободное время? Маркс верно говорил, что свободное время работника = мера счастья общества. Время для развития, самосовершенствования. А в Америке знают только необходимое рабочее время и раздувают его до бесконечности — и до бездыханности себя же, до бездуховности.

Все приговариваю: clever country = «умная страна!», — когда на какое-нибудь новое удобство рациональное натыкаюсь. Бесчисленны они. И надо know how — знать, как взяться…

А у нас — «глупая страна», и все хорошее мы увечим, портим. Вон как — и брежневский режим, не жестокий и разнообразный…

Исповедь американского студента

17.12.91. Ну вот я и дома — в милом Мидцлтауне. «Дома»?! А что? — привязался уже к этому тихому месту, где я сам по себе в покое души, с милыми студентами, уже не боясь их, и с книгами и мыслями. И с непроблемной едой.

Вчера вот один из студентов — Бреннен встречал меня с машиной своей в Нью-Хейвене, и говорили и гуляли потом, у меня чай пили. Он — высокий белый англосакс, и вот ищет, хочет свою религию найти, придумать, ибо готовые не утоляют: их объединить. Два года в школе любил и хотел жениться; потом тут год любил — и тоже разошлись. Чует, что СЕМЬЯ, ее развал — больная проблема в Америке. Родители пужают: не женись, пока не будешь твердо устроен; а когда это? Все отодвигается, и детей не рожают, женщины — одиночки, 50 процентов уж разводов. И нет стимула у молодых работать — впрягаться в эту эгоистическую скачку конкуренции! Так быстро жизнь проходит— ничего не в идя, радости.

Испорчены дети уж телевизором: он — нянька с детства — и примитивизирует, формирует души и умы, и цели все в угодном социуму направлении: мы — лучшие в мире, американцы, у нас все правильно! А русские — хотят нас завоевать (вырос в холодной войне и среди кошмаров погибели — и это у них, где войн и не было! А психологически — все пужают!). Теперь русские провалились со своим коммунизмом, значит, НАШЕ одержало полную победу, как оптимальное устроение жизни! А он-то знает, что тут своя червоточина и проблемы, и нет радости.

Предполагает крутые изменения, даже революцию в Америке — не классовую, а вот от женщин: от их движения и перемены морали и вообще установок жизни. А за это время — уменьшится население, побивать их начнут японцы…

— Ну да: у них же мораль крепка, и детей рожают, и не эгоистичны, и работники точные и без особых претензий к уровню жизни…

Его собственный сюжет…

Отвлекся — понабрать еще кукурузцы из кастрюли — своей, подобранной на полях, а до того еще яблоки ел, тоже запасенные месяца два назад, — приятно! Экономно! Хотя в поездках на такси деньги нашвыряны: долларов сто до аэропорта! — и сомневаюсь, что оплатят. Звучит классическая музыка в спальне — моя милая «рутина» Миддптаунская. Чувствую, что не прочь бы так существовать и потом — далее. А что? Что меня хорошего ожидает в Москве — кроме семьи? Мученья бытовые и пустые

волнения и размышления о «судьбах России» и что будет и «КАК ЖИТЬ ДАЛЬШЕ?» — как мне позавчера на лекции у Боба один предложил в качестве главного вопроса в русской душе.

Так вот: Бреннена — 23 лет — что манит? Его сосед по дому — сын Сороса, богача, чей фонд помогает ныне СССР и Восточной Европе — культуре. (И даже я по Соросу сюда прилетел — обещают оплатить билет.) Жить богачом — филантропом, меценатом в культуре. Сам — из среднего класса, даже выше — таковы тут все в Весленском университете: потому что он частный, и оплата — 24 тысячи долларов в год (тогда как в Боулинг Грине — 6 тысяч, а в Карбондэйле —10 тысяч: университеты штатов). Так что лишь обеспеченные родители сюда посылают детей. А они тут не так уж и учатся: всякие «движения» охватывают умы — зачем становиться профессионалами и продолжать гонку родителей?

У него самого такой набор курсов за 4 года: Рисование. Введение в социологию. Психология. Философия искусства (читали Платона, Аристотеля, Канта…). Американская общественная мысль — история. Мировая литература. Астрономия. Вот и мой курс — «Национальные образы мира». Еврейская литература (сам германского и ирландского происхождения, ариец). Спорт. «Дон Жуан» Моцарта. Проза — писать рассказы и эссе. Недоволен, как это ведут: все тренируют в стиле, а ему — мысли дороги…

Так что близок мне: недаром почувствовал и тянется, вот предложил с ним вечер провести; а я и использовал его — для доставки меня на дом, но зато и говорили больше.

Но как все здесь — постоянные переселенцы! Вон я спросил вчера Боба: из тех 15 человек, кто пришли меня слушать, — кто родился в Карбондэйле? Никто: все с разных мест приехали работать и жить — и разъедутся. Так что даже неважно и не спрашивают: где вы родились, а где учились, какой колледж кончили и где получили степень «пи-эйч» — «доктора»-профессора?..

Спросил Боб: «В какую цену Лариса ценит свои картины? Он бы купил». И я подумал: как же расставаться — с единственным экземпляром? Нет же тиража, как в книге… Жалко.

А ведь Лариса может стать и доходной: уникальная у нее оптика и сила! Может, еще и нас содержать сможет. Приедет сюда с выставкой?..

Надо ей мастерскую — за мои деньги сделать.

Но как здесь плошаешь — без экзистенциальных-то проблем! И ум не внимателен становится к шевелениям в душе, раскопок не ведет. А отвлеченные уразумения: об Американстве, о Рос-

сийстве — это дешевка! Культурологические игры… Эпштейну оставь их вести.

Ну ладно. А пока надо свои игры довести. У меня уж лежат экзаменационные работы студентов: читать их и отметки ставить, и комментарии писать — моя последняя работа тут. А их много: работ 25, по 10 страниц, наверное, в среднем. А еще «Америку» — тут мне дописать надо, и главу про Игры и Позы, и Введение. Надо чередовать: давать руке отдых писать — и читать тогда. Так что сейчас — садись писать.

Еще ведь в 2 часа должны приехать Мольтке — Ульрика и Конрад — из Дартмута — 2 часа езды. Он был на моей лекции в Вашингтоне — высокий очень немец и благородный. Вот на КОФЕ приедут поговорить — часа на три. Убрал я вчера — немцы же! — хаос мой. Посуду вымыл почище. Вон ведь — немцы! Почуяли Дух странный и нездешний — и едут на родное.

Однако как тут обособляешься! Вот и я привык уж один жить — без семьи и любви: отвлеченно вдали где-то они, но тяготение есть… Уплощаешься в проблемах бытия — и только настоящим начинаешь жить — делом и мигом. Без корней-памяти и без будущего и вопросов. Так и живут оторванные от субстанции американцы.

ЗАПИСКА СТУДЕНТКИ ИЗ АНГЛИЙСКОГО КЛАССА

Уважаемый профессор Гачев, 16.12.91

Я хотела бы написать и поблагодарить Вас за интересный и информативный семестр в Вашем классе. Я понимаю, что Вы бывали часто обескуражены нашими, трудностями научиться мыслить новыми путями, которые Вы предложили нам, но Вы должны понять, что большая часть из фундамента нашего образования не ободряет нас мыслить путями, чуждыми нам. Вот почему я рада, что Вы прибыли в Весленский университет и показали мне альтернативный способ смотреть на мир.

Я надеюсь, что Вам было хорошо (наслаждались) здесь и желаю Вам удачи в будущем.

Искренне Мередит Хэйри.

КОПЫТОК АЛЕКСЕЙ

(реферат-письмо)

Здравствуйте, уважаемый Георгий Дмитриевич! Вот, пишу «paper» (курсовая работа. — Г.Г.), которую Вы задали нам. Пишу по-русски, с русскими ошибками и с русским недовольством самим собой. Эту работу я решил написать в виде письма, потому что мне с малых лет отбили всю охоту к свободному творчеству на бумаге в школе. В течение 10 лет мне пытались что-то привить к литературе или, наоборот, отучить и, по-моему, это им вполне удалось. Я очень люблю читать и прочитал не одну сотню книг,

поэтому мне не нужно было практически ничего читать специально для Вашего курса, как другим американским или русско-американским студентам нашей группы.

Хотя я почти уверен: они читали многое (но не все!), что Вы говорили нам прочитать, они не всегда понимали то, о чем Вы говорили на занятиях. Здесь сказывается разница в мышлении — русском и американском. Иногда они понимали больше, чем я в книге, здесь опять же, по-моему, разница в mentality.

Вообще, если честно, то я очень разочаровался в американцах, точнее, я был более высокого мнения об американских студентах до того, как я сюда приехал. Мы очень часто и очень много времени провели в спорах. Мы спорили буквально обо всем: о дружбе, о деньгах, о любви и сексе, о «голубых», о свободе и т. д. И практически везде наши взгляды расходились. Мы с Маликой (она намного больше русская, чем узбечка) всегда оказывались на одной стороне, американцы, кто бы это ни был, — на другой. Не подумайте, ради Бога, что мне не нравятся американцы, нет, они, как говорится, О'Кей, и среди них очень много хороших и разных людей, но все-таки. Разница есть разница. Может быть, здесь сказывается не только психология нации, а и политика и экономическое положение страны. Не знаю. Американцы говорили, что и здесь, в Америке, люди были очень близки, открыты друг другу во времена «большой депрессии», а сытые, бешеные восьмидесятые годы своим благополучием испортили «несчастных» людей, подросло новое, совсем другое поколение. Может быть. Но ведь и Россия не всегда была бедной, забитой, забытой Богом страной, а иностранец с трудом понимал русскую душу, а иногда и совсем не понимал тогда. Вот и сегодня я полчаса кричал в столовой Маше Раскольнико- вой о разнице между американским и русским мужчиной, она, то есть Маша (не разница), в принципе поняла, в чем она, эта разница. Все началось с того, что Маша сказала: «О русских мужчинах можно написать или сказать так мало хорошего». Если уж о нас ничего хорошего не скажешь, то что можно в американцах (мужиках) найти хорошего? То, что они заботятся о себе в первую очередь, потом о женщине, и феминизм, в принципе, им выгоден, на руку, так сказать? Что американский мужчина считает каждый доллар и становится все женственней, не может держать своего слова, не ценит мужской дружбы, как русский мужчина?

Нет, конечно же, есть здесь и настоящие мужики, но ненастоящих гораздо больше. Опять же с точки зрения русского человека. Кстати, Малика тоже разочаровалась в американских мужчинах. Нет, наверное, это слишком смело — говорить обо всех мужчинах Америки, лучше сказать = мужчины Wesleyan University,

то есть студенты.

Очень интересно наблюдать за изменением взглядов и наклонностей тех русских, которые приехали в Америку лет 10 назад, иммигрантов. Это русско-американский гибрид. Иногда получаются очень хорошие люди, те, которые оставляют себе лучшие русские качества и приобретают новые, американские. Очень хорошо заметно это в литературе. Не все писатели меняются, конечно, но некоторые — да. Некоторые называют себя «мы, американцы», как Аксенов («В поисках грустного бэби»), но если человек любит поп-корн (жареная кукуруза. — Г. Г.), американский футбол и говорит «упс!» вместо «блядь!» (извиняюсь), это ещё не значит, что он американец. Недовольство Советским Союзом он высказывает совсем по-русски, преувеличивая иногда и не умея вовремя остановиться. Юмор тоже у него советско-русский, да и материться он себя никогда не отучит. У меня есть один друг в Иркутске, он русский (еврей?), родился в Сибири, но он 100 % американец, даже смешно. Абсолютно американское мышление, вид, некоторые привычки. А здесь я встречал многих людей, которые, имея нормальных родителей- американцев, прожив всю жизнь в Америке, очень похожи на русских в мыслях, отношениях с людьми и делах (мой друг Билл в Иллинойсе, миссис Присцилла Майер и другие). Язык, конечно, играет очень много в этой трансформации. Я стал чувствовать себя больше американцем, когда мой «инглиш» стал чуть лучше, чем раньше.

Человек живет в Нью-Йорке, не знает английского языка, 7лет (к примеру) посылает всех на х… недоволен своим положением, какое бы оно ни было. Но чем дальше, тем он лучше знает язык, меньше грубит, меньше пьет, становится предпринимателем в душе, делает детей — стопроцентных американцев, которые стесняются своего русского происхождения (особенно в школе), становится сам больше американцем, чем русским, но никогда не будет думать на 100 процентов, как думал бы человек, который родился и вырос в Америке.

Здесь к проблеме отцов и детей добавляется еще одна — разный менталитет отцов и детей.

Все течет, все изменяется и образ мышления нации, конечно, тоже. Остаются неизменными, может быть, только наиболее глобальные, основные принципы, столпы. Хочется надеяться, что быть плохим примером для других — не один из этих принципов.

Сегодня мне объяснили, что слово друг (friend) в Америке ничего не значит. Если люди говорят на улице привет друг другу, это значит они друзья. Для слова «друг» в русском смысле они употребляют выражение the best friend. Для нашего слова «лучший

друг» в Америке нет эквивалента. Отношения не идут дальше.

Это я к тому, как относятся американцы здесь к русским, в частности ко мне. Ну, во-первых, естественно, почти все здесь считают, что американцы — лучшая нация на земле, намного лучше нас, русских. Некоторые думают, что мы дураки и нечистоплотные, некоторые думают, что мы пьяницы и любим драться; многие считают, что русские грубы, невоспитанны и чересчур навязчивы. Очень многие думают, что мы crazy (сумасшедшие, чудаки. — Г.Г.). Наверное, они правы. Зато почти все они — эгоисты или индивидуалисты, лучше сказать. Кстати, насчет crazy. В Америке чем человек больше должен делать на работе, тем он меньше получает (так говорят сами американцы). Хотя все здесь работают, как чокнутые, до изнеможения (взять хотя бы учебу). Пока русский мужик не начнет работать так же, у нас ничего в стране не изменится.

И в заключение несколько слов о мате. Недавно прочитал статью в «Правде» о том, какие мы плохие, что мы материмся. (Там упоминается имя Юза Алешковского как один из наихудших примеров.) Мы, к сожалению, очень мало говорили о русском мате. Здесь серьезно занимаются этой проблемой филологи, литераторы. Американец, если ему перевести русский мат дословно, никогда не поймет, насколько смешной мат у нас, как он (мат) оживляет речь. Все эти слова практически сейчас потеряли изначальный смысл. А оскорбить человека и шокировать, и обидеть можно и без мата, литературным языком. Конечно, мат как таковой исчезнет из нашего языка, когда мы будем жить лучше. Я имею в виду, эти слова начнут звучать реже и совсем не с таким смыслом, как сейчас. Как слово fuck в США: раньше это было нецензурное выражение, но все так часто употребляли его, что легче было сделать вид, что это просто нормальное плохое литературное слово (как «дерьмо» или «сука» у нас). И сейчас это слово стало как бы беззубым, не кусается, не согревает больше. Да и согревать не нужно себя им так часто, как нам.

Вот такие дела, значит. Позвольте, Георгий Дмитриевич, сказать еще раз Вам огромное спасибо за изумительно интересные часы, которые мы провели на Ваших занятиях. Я ничего подобного не видел дома, да и не увижу. Действительно, было очень необычно и интересно. Спасибо! С наступающим праздником Вас и Вашу семью!.. Исполнения всех желаний в Новом 92 году. Всего Вам хорошего! Привет Москве.

До свидания!

Завтра я еду в Чикаго, так что увидимся в Союзе.

Счастливого возвращения домой.

Алеша 17.12.91

Мой адрес в Союзе:
665836 Иркутская обл.
г. Ангарск
17 микр-он, дом 26, кв. 128
Копыток Алексей

Письмо-отзыв на экзаменационную работу студента из Иркутска:

19.12.91

Дорогой Алексей!

И я Вам пишу «отзыв» на Ваш «пэйпер» в жанре письма, потому что душе требуется тут излиться, в американской прагматической суши, — душе родной, ДРУГУ (не в американском смысле, как Вы хорошо расслышали разницу), а в нашем, а такими я Вас и Малику (она вчера приходила прощаться, и мы пили чай и говорили) почувствовал: какая-то единая душевная плазма, субстанция нас пронизывает, а мы, каждый, — ее *ответвления и разные воплощения, — так что нам с полуслова понимание дается — в нашем, конечно, ключе и стереотипе тоже, ограниченном, но — родном… и теплом…*

Простите и меня за ошибки — не туда попадаю иногда, а правая рука сохнет, и потому на машинке шпарю.

Во-первых, сам жанр, который Вы избрали — или сам собой он к Вам пришел (может быть, навеянный искренностью и моих «лекций»), жанр письма, — оказался естественен, чтобы отомкнуть и Вашу душу и дать мыслям излиться в свободном слове. И Вы так много точного и интересного высказали, сопоставляя нас и американцев, что обогатили мое понимание новыми элементами, Вашим опытом.

Но и мне требуется исповедаться и даже повиниться — вот в чем. Сейчас я читаю «пэйперс» студентов и в нашем русском классе, и в классе, что я вел по-английски, — и получаю, так сказать, плоды своего посева за эти три с половиной месяца. С одной стороны, я очень рад: такие интересные и на разнообразные темы: кто сравнивает национальные танцы, кто — еду, кто — столицы, кто — кино, кто — Ницше и Уитмена, кто — напитки и алкоголь и что они значат, и т. п. — и я чувствую, что я воспламенил мысль студентов, и они просто забрасывают меня своими яркими идеями и наблюдениями о «ментальности» разных народов и культур. Но, с другой стороны, я чувствую, особенно в нашем русском классе, что дал односторонний образ России и Русского образа мира и души, и характера русского человека. Все пишут о культе страданий у нас, бездеятельности, лени, апатии, обломовщине. А если и активность высокая — то лишь в Духе, как у подпольного и прочего героя Достоевского, и жизнь химерами, а в реальной — глупость и неприспособленность и скорей убежать — куда угодно, хоть в смерть…

Конечно, отчасти материал литературы, над которым мы работали, в этом «повинен»: русская дворянская классика XIX века, где персонажи оторваны от забот материального существования, так сказать, абстрактную жизнь лишь в Духе и Душе вести могут. И прямо оттуда — прыг-скок к бедственному состоянию России и Советчины через век, ныне, над чем мир смеется, слегка жалеет, а больше презирает и получает повод кичиться собой и своим достатком и «совершенством», — особенно американцы, в своем самодовольстве…

И вот-де, мол, нам, русским и советским, не остается ничего, чем бы «гордиться», как находить положительный смысл в своих бедствиях, выпадающих страданиях, хотя на самом-то деле мы завидуем-облизываемся на их благополучие и готовы бы отречься от всего, что было и есть с нами, и перенять ихнее, да — не укусишь!..

И мне тошновато — от этих торжествующих сравнений и выводов милых студентов нашего класса.

Вы помните: пытался я им показать советский период в его положительных мечтаниях и ценностях, но текстов они не читали, и пришлось проскочить — опять к разрухе нашей…

Хотя нет, не совсем я прав и в этом самоуничижении: самокритика и американских понятий и идеалов тоже очень сильно там, в работах студентов, звучит — и именно благодаря сравниванию с иными мирами. Так это особенно в моем другом классе, где я давал им и Германию, и Грецию, и Италию, и Англию, и Индию, и Еврейство, и Россию, и Америку…

Ладно. Уж душа нацелена на возврат. Но, конечно, замечательно полезный это был период жизни и опыт и расширение понятий. Радуюсь за вас с Маликой, что вам повезло это в молодые годы осуществить и тем расширить ваше миропонимание — и себя тоже развить.

Однако чувствую, как душа СУШЕЕТ тут. Даже впечатления и новые уразумения ума развивают какую-то поверхность существования человека, но не его сердцевину и душу и глубину — это все упрощается: верно, для того, чтобы эффективнее РАБОТАТЬ в разделении труда, профессионалом, — и чтобы душа, ее глубина и сомнения в ценностях («А НА Х-Я все это?») — не мешали бы? Так что с радостью возвращаюсь домой — в свою родную глубину и любовь семейную и разделять судьбу, и претерпевать вместе с ними и с чем-то НАШИМ, родным, хотя и не знаю, как обозначить: «народом»? «страной»?.. Обнимаю Вас и желаю всего благого. Напишите. Приезжайте.

Ваш Г.Д. Гачев

Шершавое животное мира лезет-трется

19.12.91. 6 веч. Смута. Хотел сказать — «последняя», но нет, это только здесь; а еще сколько их тебе будет!

Позвонил Юзу — советоваться, как деньги со счета брать и какими купюрами и как везти — он адресовал к Ире и позвал на обед, я поехал, и потом он предложил ящик купить для провоза — не взрежут воры на таможне. Еще 50 долларов потратил. Еще за телефон завтра — 60. А на наши деньги если (= в 200 р. доллар) — 20 тысяч ни за что! Витамины, кассеты, печенье…

20.12.91. 8 веч. Закругляюсь. Хламу и тут накопил — и бумаги! Жадюга!.. Звонок — Юз придет, посылку передавать.

22.12.91. Уже у Суконников я в Нью-Йорке: вчера переселение-транспортация меня им состоялась с мелочным моим бумажно-многим скарбом и велосипедом. Потом у Инны день рождения — как 29 лет назад на таком же в Одессе (я — тогда моряк Черноморского пароходства у них гостил). Все ж живем — слава Богу!

Узнаю о развале нашей страны и всего в ней — газеты, рассказы. — Зачем это мне? — душа вопиет. — Зачем снова перено- равливаться к миру внешнему и учиться заново ходить по каким- то его ненужным мне новым путям, назойливо отвлекая меня на себя — от мне присущих занятий: душой, любовью, духом?

Вдруг взвидел мир — как шершавое грубое животное панцирное, что лезет и трется о тебя — наглое в этих двух своих ипостасях: ликующей американской, где столько нужно тебе узнавать ненужных тебе «ноу-хау» — как и что делать (как открывать что…), и сыплющейся нашей, где уж и не знаешь, как это «наше» и назвать, где уже никто ничего не знает, как и что и куда, — и никакого «ноу-хау».

Раньше уж приноровился как-то к внешности мира у нас, и не мешал он, инерционно ты в нем мог существовать, усилия делая в мире абсолютных ценностей. А теперь — снова впадай…

Однако что, собственно, тебя так прижало? — отдай отчет.

— Что печатать не будут. Вон в «Московских новостях»: что «мы» перестаем быть самой читающей страной. Тиражи журналов — пали, «Знамя» —25 тысяч… и проч.

Так ведь тебя и так не печатали — в тех же «Знаменях» в бум «перестройки». Ты думал, отхлынут временные — и тебя приветят? Нет уж — снова шершавое временное лезет и будет

лезть и теребить раздраженность в людях. И в тебе…

Такты не раздражайся! В чем дело-то? Твое-то — не отменно: себя наблюдать-содержать в бытии при компасе на Абсолют. А там уж это его собачье дело — мира-то и океана: шевелиться, бушевать, дергать тебя. А ты — будь при благе — вот и все! Как вон еще в Миддлтауне напал на советское телевидение, и там Отец Андроник, игумен Соловков ныне, спокойно так отвечал на вопросы корреспондента о буче в России и развалах: что для Церкви это обычное дело, и она не торопится. Бог не торопится. Пятьдесят, тысяча лет, какой «строй» — не важно. У христианства задачи ясные: терпеть, радоваться и любить — в любых условиях это возможно: и на Майами-бич на пляже, и в камере смертников перед расстрелом.

Ну и ты тоже — стыдись: как пал низко, возмечтав о паблисити и успехе, и публикациях своих текстов — в последние годы. И исполнился зависти и раздражения к «успешливым» и проскочить успевшим, вроде Битова, Апешковского, Эпштейна и проч.

Ты же почему имел золотые себе годы — застоя? Потому что внутренне отказался от печати, освободился. Сейчас же снова поманили тебя — и ты ввергся в надежду — и снова сверзиться сейчас приходится. Ну что ж, — обычное дело. А ты свое — продолжай.

…Сидели в кухне с Инной Суконик, завтракали, звучал Бах-Французская сюита. Сарабанда, что я играл в детстве. Она говорит:

— Приятно Баха слушать это снова на фортепиано. А то его ныне на все электронные и прочие инструменты перелагают — и хорошо звучит все равно. Он же не придавал значения тембру, как другие, новые.

— Что значит абсолютная музыка = душа, независимая от тела: в любой наряд и плоть облеки — будет божественна.

Инвариант. Как христианство (о чем ты выше). Как и тебе быть-существовать: инвариантно к преобразованиям шершавой кожи мира.

— А как твои дети относятся к событиям? — Инна меня.

— Да как и зачем? Лариса занята своими задачами в живописи. Настя — любовию и отношениями с мужем и помогает Маме с Федоровым. В Абсолютном пребывают — и им заняты; а это шевеление — помеха, оттягивает. Ну, конечно, развлекает, незачем? Есть более существенные занятия…

— Но мы же в мире живем. И тут люди участвуют…

— Да ведь тут-то все в одном направлении — тысячу лет, с Англии. С Хартии вольностей. Пуритане-то сюда уже эту культуру

внесли и продолжили триста лет — и шло только расширение и гармонизация разного. А в России четыре тотальные разрушения — и новоначатия — за сто лет! И все пересаживаемся — играть квартет! Слишком много внешне лезущего и соблазнов по-новому рассесться. Будто это так уж и важно!

— А что, ты с самого начала перестройки так полагал?

— Да нет, увлекся вместе со всеми — созерцать, как забивали Быка государства, партии — неуклюжего, огромного. А теперь, когда забили, вижу, что им и в нем мы жили и дышали, и беречь было надо и лечить, а не забить, хамски хохоча и надругиваясь, — и начинать строить нового уродца… Что тебе Бах лучше играется при бесхолестерольной пище и при компьютерах кругом, нежели в Одессе иль в Москве при «застое»?

Итак, спокойно, мой друг, Га-ЧЕВ! Мой «ШЕФ». Илья — твой «шеф»? Генерал-аншеф?

Прошелся утром по улочкам зеленым Нью-Йорка — представь! и вот ввел себя в РИТМ свой.

Вчера, когда мимо кладбища проехали, я перекрестился, увидя кресты, и Суконик меня:

— Ты что — ВЕРУЕШЬ?

— Ну — кладбище, воздать, знак опамятования — это крещение.

— Нет, ты скажи: веруешь или нет? Если да — то ведь целиком надо: со Вторым пришествием и проч.

Я рассердился:

— Почему «надо» и «целиком»? Всякий символ Веры — рационализация религии. Я человек религиозный — в смысле восхищения Бытием сверх меня. А какие там уставы мне попредписа- ли — это ихнее дело учено-богословское, синагогальное. А мне достаточно просто — ЛЮБИТЬ! А их уставы — просто в некую помощь. Так что у каждого человека — свой вариант религии и образа Бога.

— Ну, это не ВЕРА. Это — эстетическое отношение…

— Да нет, и этическое. Когда зачую себя в страдании или вине, тогда душа заплачет и закается — и Христос помогает.

— «Эстетик» и «этик» — это я в смысле Кьеркегора.

— «Эстетик» более христианок. Эстетик — любит. Этик — судит.

Вон Суконики Баха с утра — Мессу крутят. Как звучит чисто! Здесь, в отлаженном мире быта, способнее своим делом заниматься и совершенствоваться и не замечать внешнего. Правда, и здесь Мир ЛЕЗЕТ, но соблазняя сластью новой: удобством или продуктом, впутывая в себя, и на него работать и деньги для новой утехи зарабатывать. У нас же мир жуток и

неуклюж — весь нелеп и мучает своими шевелениями-перетасовками — этого животного, нелепо скроенного, — и снова его перешивать! Новые лоскутья тасовать…

Да, профессионалами и совершенствами быть тут способнее. Если мир тебя признает и оценит… А если нет — как тебя бы, конечно, нелепого утописта-нарциссиста, — то пришлось бы бегать искать работу…

Когда вчера в магазин за овощами-фруктами заехали, и все ломится, и кругом мирная сладкая жизнь, — во мне вздымалась злоба плебея: все это — на бедности несчастных, как мы. Или в Африке, Азии и везде… Хотя и везде своим порядком живут. Это лишь мы такие нелепые и глупые — все перестраиваемся.

И опять это МЫ навязывается.

На столе (Иннина дня рождения) были — семга, брынза козья, маслины, яйца под майонезом, язык, помидоры-огурцы, икра баклажанная, сыры, ветчины-салями, соусы, суп, торт, шампанское, вино, виски, чай, салаты…

И я нашими оттуда глазами на все это смотрел.

Но ведь и у нас почти такое же было в «застой» — чуть хуже, но ведь могли пировать и застолья делать.

Обожравшися я всего — и с утра: сыр, ветчину, торт. Где моя кукуруза и яблочки — в Миддлтауне, здоровая пища, бедная? Осталась кошелка кукурузы — будут там смеяться надо мной Присцилла и Дубровка, что в мой апартамент вселяется: вон, оказывается, чем Гачев-жмот питался!

Откинулся — смотрю: рояль, пианино, кресла, мебель. Чужой дом, чужой уют.

Ну дай-ка газеты посмотрю — раззадорюсь «Россию» писать…

Нет денег = беда. есть = тоже беда

23.12.91. Мое сладострастье! Начинается! Присесть поутру у окошечка за машиночку — и очухаться, отдуматься на приволье и беззаботье. Волнения во мне мелкие и мыслишки: что делать с восемью тысячами долларов, что вот у меня сейчас есть заработанные? Везти туда — там надо на прожитие, и, может, Ларисе мастерскую или на обмен: нам улучшить жилье — с приплатой. Тогда все надо туда. Но — сомневаюсь, что мы расшевелимся сразу на обмен и поиск квартиры; а где держать деньги? В банке — не выдадут. Дома — страшновато: как бабки в кубышке. И как провозить — на таможне чтоб не мигнули, если объявлю — и нас не выследили и?.. «Трэвел-чеки» — выход; но опять же провоз и где держать?..

Другой вариант: раздробить сумму — оставить тут часть у Суконика: мне на книгу тысчонку, может; потом Светлана приедет в следующем году — и я, может. Значит, тысячи две у Суконика оставить. Или три? Димка вообще звонил вчера и говорит: с собой 500–800, а прочее чтоб Суконик ему в швейцарский банк перевел. Но ведь не докличешься его, коли надо будет: всегда он найдет предлог, что лучше у него держать. Да и через кого — переправлять будет? Суконики надежнее. Или три и даже четыре у него оставить? В сущности, сколько мне надо сразу туда? Чтоб год этот и другой пережить? Дˆе-три. Если затеем что с квартирой — тогда дадим сигнал — переведут…

А с другой стороны — связываться? Проситься? Каких-то им людей искать? А у меня дома что делать двум тысячам, что пяти, — один хрен, одна опасность. Так что оставлю-ка 2 у Суконика — как резерв, а на тысячу куплю и провезу, на 5 тысяч — трэвел-чеков.

Да, так, пожалуй, надо поступить.

Вчера тут, у Инны, на день рождения Яновы приходили: он — политолог-историк, с моделями насчет России. Жена его, Лида, тоже говорит: с детьми в денежные счеты входить — только портить отношения. Как Димка ни хорош, но ведь не проявлял интереса к сестрам и мне эти годы, уже трудные. Мог бы и Насте на полеты в Мексику долларов подкинуть: знал, что там бедные, и мы…

Алик Суконик ликует: «Оказывается, ты — трус! Как мой папочка!» Да, фобия вступила: что таможенник мигнет через барьер своему человечку, те выследят — и придут грабить-убивать… Навлеку беду на себя и семью — жидким нашим «богатством».

Естественно, о Союзе и России говорили.

— Ну, теперь русские узнают, что такое быть меньшинством — на других землях-странах: судьбу еврейства испытают. Поплатятся теперь!..

Видно, с детства унижение помнится. Мне же, с женой русской и детьми, — жалко и сострадательно.

Вообще у эмигрантов из России есть такой нажим: честить ее и казнить — в оправдание эмиграции, дополнительные аргументы во успокоение совести все время подыскивать. Я бы — тоже мог. Но завяз там, пророс, как гниющее зерно в сыром амбаре: и ни посева, ни корма на будущее сухого. Так и я со своими писаниями: в свое время не посеяны и не взошли, а на будущее уже годиться не будут: протухнут от сырости жизни в них, что уже уйдет, умрет. А с другой стороны, — много слишком, и не транспортабельно для переезда, и никому не нужно в такой глупой форме — многословных дневников…

А вообще-то в Америке можно жить приезжим людям — легко: все — приезжие, одна судьба, в отличие от европейских стран, где чужак — чужаки есть, маргинал…

Как на судне-пароходе экипаж: нет никому дела, кто ты был и откуда, а важно, каков в деле текущем.

А был я — из Союза ССР, даже не из России, как Светлана. Мое эфемерное государство-цивилизация пролетело самумом над землей и Россией, наделав бед и детей-ублюдков, как я, на огонек утопии завлекши болгар и евреев в эту страну.

И скучно, и уныло впереди: приеду домой — о СУДЬБАХ РОССИИ бессмысленные и бесконечные беспокойства и толковища…

Американская логика уже в меня тоже вступает: отрезанный ломоть прошлого, оставленной земли. И все архивы — труха. И все корни и предыстория… А вон гляжу над пианино — милое лицо молодой женщины с прической 20—30-х годов. Да это мама Инны! Как и моя, такого же типа: умные, светлые, активные. И улыбка-то — не стандартная американская улыбчивая маска, а чуть застенчивая, радость надежды…

Лица религиозной веры — в построении земного рая. Светская религия. Этические лица — как и у пуритан.

И каково бы тут моим девам — с Федоровым, кто весь — в корни и в память отцов, и в земледелие любовное, не рыночно-эгоистическое!? За общину вокруг кладбища. А прет американский стиль забвения о корнях и предках, и только настоящим жить и проявляться при жизни целиком, чтоб потом не вспоминать тебя и не служить отцам и памяти.

Ощущение обломков погибшей цивилизации. И я, и Светлана,

и дети наши — как античных статуй отломки: торсы, головы, руки…

И начинается естественная в нас идеализация бывшего — строя жизни и «истеблишмента» советской цивилизации.

Вот прет язык гнусный — переводный: зачем «истеблишмент» сказал ты? Ведь можно: «склад общества», «устройство». Суконик говорит: читает советские журналы и газеты — такой язык попер из американских заимствований терминов! Такая смесь какофоническая!

Вон уже и воспевание начинается задним числом советской жизни: «У нас была великая цивилизация» — Эдика Лимонова статья где-то у нас: в «Знамени» иль где. Вот эмигранты — главные теперь издаля поучители и эксперты: как нам себя понимать и жить и делать. Уютно им. И паблисити и у себя, и у нас. А ты сиди — непроявленным. И тошно и вылезать на эту ярмарку и пытаться вровень пищать и поучать: мол, и я могу, умею, понимаю, умный!

К Баху прие-ался

25.12.91 — и с чего бы это? Целый день звучит в доме у Суконников — в исполнении Гульда и проч. Так душу чистит и бодрит… И все же задумался я: с чего бы это так по психее он пришелся современному человеку и в Америке? — Да потому что моторика, механика секвенций, предсказуем его следующий шаг. Как хорошо работающий завод Форда, выпускающий серии продукции со стандартными деталями. Особенно СЕКВЕНЦИИ — механичны. Уж как завелась (секвенция) — так может без конца продолжаться, самонаращиваться, длительность музыки увеличивая. И так плавно и утешительно рационалистично наперед ожидается событие музыки — ну, с некоторыми вариациями…

Оценишь романтиков — с их поиском и взбрыком, непредсказуемостью следующего шага.

Спросил Суконик: как просто бы можно отличить классическую музыку — от нынешней: рок-н-ролла и шлягеров и проч.?

— Нынешняя массовая эстрадная музыка — прикладная: к танцу, к экстазу, к массовому гипнозу и призвана объединять толпу. А классическая музыка — жизнь в себе, ей надо служить, ее слушая, событию ТАМ, смиренно замереть и созерцать, наблюдать, а не участвовать. Ныне музыка — в подножие: танцу и моему движению. Там я — подножие для музыки.

Еще — длительность музыкального события. Ныне — короткие, рваные блоки, гипнотически повторяющиеся и с шумом. Там — мир и жизнь в себе, событие.

А в отличие от длительности джаза и его потока импровизации — там форма, структура, архитектоника, организующая эту длительность.

Вчера сочельник был — канун «Кристмас», Рождества. Повела Инна Суконик в храм Св. Томаса: там была литургия — и Бриттена сочинение на Рождественские песнопения. Текст раздается, все знают и поют. А заводит — хор мальчиков и орган и проповедник. Даже с юмором байку какую-то рассказал. Ведь детский же праздник: все — как дети!

Рядом со мной певица Франческа, Инны напарница по концертированию: сопрано прекрасным пела — я аж прослезился от восхищения красотой. Умилился. И все же какой-то твердый, жесткий комок в душе, во мне, не растопляемый, — «я» своего: как шарик планеты какой, с чем я связан и забыть не могу и отдаться, растопиться, радоваться простодушно!

— О, если б «я» свое забыть! — возопил Инне, когда водила по ущельям Манхэттена, которые — в огнях и елках и толпах веселящихся.

— Тебе бы Алик ДАЛ — за такое поползновение: бремя «я» скинуть! — она.

— Да, растопиться тянет, истаять. А он — за мужество трагедии: пусть страдание расковыривает твое «я» — терпи, ибо это твой главный инструмент бытия и признак… И потом он, прочитав мою лекцию, сказал:

— Ты убегаешь от трагедии — в восхищение. Я же — в ней. Да и Светлана — про «Преодоление трагедии» (название ее книги).

— Ну, Алик тоже убегает — в увлечения, — Инна его выдала. — То фотографией, то увлечен черными…

— Ну да: как Паскаль про divertissements (отвлечения) — как способ убегания от лицезрения двух бездн.

КОМОК «Я» = ОСАДОК НЕРАСТВОРИМЫЙ

Да, этот комок «я» — трудно растворимый… Ощущаю его, вижу — как тот коричневый липкий сгусток, что остается, когда в «политуру шеллачную» № 13 бросают горсть соли и взбалтывают: она превращается в спирт, из желтой — в относительно прозрачную, а желтизна собирается в липкий, коричневый комок-осадок, нерастворимый в бутылке.

Это я — зимой 1967 года на две недели в Коломну поехал: проветрить мозги, поработать-наняться на физическое что — и попал на овощную базу грузчиком, и там в обед и вечером выпивали так с грузчиками. Закуска — даровая: овощная база ведь! Капуста, огурчики. А бутылка «политуры шеллачной», № 13, помню — стоила 87 копеек. А это почти литр водки — пол-литра спирту (не чистого) — дешевка!

Так вот: это «я» мое — грязно-бурым комком липким в груди ощущал вчера — на детском простодушном празднике Рождества.

А что бы не ликовать простодушно, как в сказке пребывая — чужой страны, чужого города, интересуясь странными обычаями!.. Но захлопываешь себя, уныло озабоченного собою и своим продлением: старость, исчезновение грядущее — тебя и всего твоего делания-писания…

Постыдно — маниакально с этим носиться и только это иметь как свою беду и «трагедию».

Кстати, тут живя полгода уж, в холе и еде и без проблем, — чувствую, как не глубок и беден становится мир моей души и проблем экзистенциальных, решаемых мною. Уплощаюсь и механизируюсь тоже — как «профи».

От того ли это, что ем хорошо-сытно и залит дух плотию

тяжелой? При аскезе-тощести духу продышать легче и о себе заявить.

То ли от того, что один я, без жены и детей и интенсивных меж нас отношений? Не к чему тут в себе и прислушиваться-то, ибо нет ближних, что за душу и за живое-ретивое хватают?

Суконик и я

Братствуем — и дифференцируемся. Он нападает кусать идеи религий, философий — как самоуспокоительные человекам во убегание от трагедии. Кусает иудаизм, христианство, самодовольное еврейство — и самодовольное славянофильство. Как Ницше, Кьеркегор: его интонация — бередящая. Кусает — потому что искусан в душе мучениями-метаниями во психее.

Я же не нападаю на идеи и теории и религии, а стараюсь настроиться на них и пережить-понять как позитивные — все. Благие. Ипостаси Истины! Как Душечка — чеховская. Все возлюбить и понять-принять — и «зло», в том числе. Наслажденческое ми- роотношение, без борьбы и бунта. Ласковое теля — я: всех маток сосать норовлю.

Вот Суконик нападает-кусает одни принципы; потом ему стыдно за страсть отстаивания «неправды» — и рвет и выбрасывает написанное — как свои нападки на коммунистическое, комиссарское еврейство в «Вестнике христианской культуры» — в конце 70-х. И говорит: Но Ницше же правду увидел — про христианство!

— Какую «правду»! — я тут. — Больной человек, без семьи и радости, чему мог учить, что он знал? Сам слабый и тщедушный — Сверхчеловека-бестию хищную и бессовестную воспевал, сам весь такой хрупкий и совестный! Мухи не обидящий…

Да, в себе я не нахожу азарта спорить, какие-то регуляторы человечества, общества, ума, культуры — оспаривать, что так любят и на что бросаются, как новое слово и мода. Там «концептуалисты» или «постструктуралисты» — Дерида, рекламно-еба- ный… Перекрыли пути к спокойному, любовному промышлению блага и богатства бытия и духа.

Да, я не ИХ оспаривать, а СЕБЯ ими просвечивать (христианством, умом культуры…) и лечить: я ли им соответствую, а не из себя, из своего комка бурого взвиваться обличать и критиковать что-либо из бытия или идей и культуры.

Да, я — гедонист, наслажденец бытием и духом, «эстет» — не «этик»; не сужу, а восхищаюсь телячьим восторгом — и плачу: от красоты и роскоши всего и своей перед этим — малой достойности.

Но у Суконика — своя струна и правота и интонация. Вчера увлекся читать его — статью «Христианство и иудаизм». И про Чехова… Стиль-дыхание захлебывающееся, прерывистое, страстное. Вопросы, восклицания. Мысль бросает, прерывает, подхватывает. Жертвуется логической последовательностью, и не

доводится мысль, и не понятно, что имел сказать, ибо прервал; но можно натужиться и догадаться; напор же чувства несет дальше — как и говорит он, торопясь и невнятно, несколько в себя, не разбери-поймешь…

— Для меня весь мир — абсурд! — он только что. — Нет у тебя такого?..

— А для меня весь — разумен. И я частичную разумность всего — и даже абсолютную — хочу понять, пережить, привить к ней себя, ее к себе, себя напитать и подключить к току Бытия. Разум Восхищенный во мне. И — Гегель…

Ну и разность наша с Суконником: ему человек интересен, он охотится за человечками, контактен, вступает в отношения, экспериментирует — как писатель характеров и жизней и выборов людей, путей и идей. Они (идеи) — функции человечков, а сами по себе — абсурдненьки.

Мне же человек, в него вникать, вонючего, как я, — не интересно. А влечет к возвышенному — себя чем почистить, приподнять, дать подышать, оторвавшись от низа. Или — к себе привлечь это все высокое — с ним пожить-полюбиться наедине. По- вздумать.

Ну, конечно, кагален он — одессит, человечен, тепел, добр, заботлив. Я же — замкнут и эгоист и неконтактен, мало контактен. Потому мне — с идеями легче жить, чем с людями: задыхаюсь в их кишках и вони жизненной…

Переживаю смерть Советского Союза

26.12.91. А — жалко! Сообщения: «Советский Союз перестал существовать!» Ликующие лица американских комментаторов: торжествуют, что теперь лишь их принцип бытия правит миром.

— А что ты так уж переживаешь? — Инна Суконик. — Ну, Россия теперь…

— Но какой же я «русский»? Я — советский, там рожден и сформирован — даже в оппозиции к советчине — ее сын. А теперь хоронят родителей — пусть и плохих и пропойц, и даже бандитом был и жесток, а все ж папа и мама, имя и корень. А теперь ты — ничей, потерял имя и звание и свои заслуги — даже в противостоянии сему. Теперь там — вакуум, пустота, зияние, как где зуб вырван — и дымится.

Тьфу! Начнут снова сказку про белого бычка — переустраивать земное государство и всерьез все и со страстью принимать — эти шевеления… Тогда как чем меньше там шевелений на этом, внешнем уровне, тем лучше для жизни по существу — в Любви и в Духе. В Безусловном. В Абсолюте… Так нет же — снова ввергайся в относительное и там вертись и принимай стороны и позиции и что-то желай и доказывай!..

«Скучища!» — как справедливо черт Достоевского бы потешился над этими кружениями — исторической белки в колесе. И теперь, когда умер Отец, и имя его вдруг приятно для слуха становится: слова-то хорошие: «совет» = «свет», «Союз»!

И все растеряны в стране — умер миф, при ком-чем держались в бытии: Коммунизм, Светлое будущее человечества!.. А теперь что? «Россия» как идея? Она имела смысл — как Великая, объединявшая Евразию. А теперь — американский подонок она и нищий. Лишилась первородства. Смешана с грязью. Зато евреи свое первородство утвердили — и через Америку, и через Израиль. И уничтожив Россию — на приманку Коммунизма ее поймав в сей век.

А ты-то проинтегрировал свою жизнь — на длительность Мамонта, Кутузовской тактикой медлительно жить и мыслить и писать в расчете на то, что придет твоя пора. Она бы и пришла — коли гигант продолжал жить. Ты уже почтенен был: уважали твое тихое противостояние — без диссидентской истерики ярмарочной, рыночных «Метрополей» и проч. А оказалось, что они — успели и правы в стиле мира сего, а ты — и погребайся в своем Мавзолее из кирпичей своих сочинений.

А впрочем, может, и придется остаток лет заняться самоизданием: научиться на компьютере — и в нескольких

экземплярах свои тексты издать и в библиотеки разослать… По мере перепечатки вклинивать нынешний свой голос — вот и будет диалог и уникальный жанр — как у Пруста, наподобие…

Да, а чем «болеть» теперь? Какой сверхидеей? Включаться в гонки современного и новейшего модного, по-французски и американски? Пусть этим Эпштейны занимаются — они рыночны и приспособлены.

А мне теперь — меланхолия и идеализация советчины выпадает. А то, что отца сгубила?.. Так ведь и притянула его, и дала ему восторг и самореализацию. А к тому же в мученики попасть еще! То же самое и я: имел героический статус «сына врага народа» и мыслителя-нонконформиста, с упругостью осмысленного противостояния. А теперь и противостоять-то нечему: дыра там и Дура (где была Сила и Ум свой, хоть и сатанинские… А впрочем, Рынок и Американизм — тоже сатанински, только по иной фене ботают).

Короткодыханные, на покупку публикой-чернью рассчитанные идейки и паяцы новых мод, типа Дерридыыы! Как им сподручно в еврейском скепсисе-иронии лишать смысла и содержания, субстанции всякие высказывания и тексты души и страсти! Все, мол, — игра и майя.

Ворчу. Консерватор. Ретроград. Как и естественно это в старости. Как человек Восемнадцатого века — в Девятнадцатом, романтическом. А я уж — классик, архаист.

Да, с травмой уеду отсюда: лица американских комментаторов, быстрой скороговоркой сообщающих о конце Советского Союза, с их светлыми улыбками беспроблемных, марсиански технических существ, — над милым, родным покойником: глупым, архаическим, старомодным зверем… Да — и надо мной. Только не «Равнодушная Природа» у твоего «гробового входа» (та хоть «красою вечною сиять» может), а роботы…

И теперь — эти диктуют. И профи американских университетов: Присциллы и Эпштейны, и Майклы — законодатели. Раньше хоть приезжали в СССР как в силу и субстанцию и там с почтением искали встреч с писателями в успехе или с писателями в подполье — все имели смысл и дух, и интерес. А теперь — мы богадельня, толпа нищих и каша. А лучшие из наших — вроде меня — только и мечтают, чтобы их пригласили сюда лекции читать или на конференции и издали хоть что-то по-английски пискнуть о себе. И Буш хвалит Горбачева как человека, кто проложил дорогу к победе Свободы и Демократии, общемировых ценностей (читай — «американских»). Лицо уверенное — в своих истинах: что ихнее — абсолютно и

всем хорошо…

Да, ты уж только в стиле РЕТРО — если когда-нибудь вылезешь в культуру-печать.

Однако ж говорят тебе: жизнь идет, история, молодые, новое! Назад не вернешь и зачем?

Все правильно. И надо бы отрезать «я» свое и забыть про писания = детей своих — и засуществовать новым, открытым, вневременным… Как и научает христианство: не роптать, радоваться, принимать. И не влагать душу в суетные произведения времени — как ты, увы, уже вложил: всю силу и жизнь свою — в никчемное уже?.. Вот что гложет… Коли б забвение нашло на меня и нашло меня! Стать блаженненьким. Но таковой же — не строитель, а на помощь других рассчитывает, нянька нужна. И так тебе уж скоро — старику, в немощи, понадобится услуга…

Вот что не дает отрезать прошлое и открыться новому: зубы порченые, глаз ослепший, рука сохнущая. Как память и грех — твоя плоть пожившая. И душа — источенная.

Обломки старых поколений! Вы, пережившие свой век, Как ваших жалоб, ваших пеней Неправый — праведен упрек!

Это Тютчев — уже про меня сказывает. Не слышал это так лично раньше, а к кому-то другому относящееся…

Вот уж предвижу — как собицаемся, прежние антагонисты по идеологической борьбе: партийный идеолог, Кожинов-славянофил, кагэбэшник какой, и я — и вспоминаем с умилением прошедшую эпоху… А впрочем, что ты так унываешь, вляпался в вескость? Твое ж дело — тенью промелькнуть: поверх иль в глубине, не затрагиваясь водами преходящего и текущего момента. Что же ты так низко падаешь ныне? Заволновался. Парение свое предаешь. Неотмирность.

Я — не рыночен! — горжусь! Но — и страдаю, что не проникну туда. И втайне жду, надеюсь, что придет время, когда мое нерыночное станет новым словом и бестселлером — на рынке и модным, и расхватываемым…

Камень преткновения

27.12.91. 2 ночи — экзистенциальный момент — используй — бессонница! Редкость ведь у тебя в жизненном хозяйстве. А все от того, что дал Суконикам читать свой взрывчатый текст — про «Еврейство». И всё: взволнованы, не могут вынести, допрашивают: «Ты что, действительно считаешь, что евреи пахнут? Есть приличия, и я такому бы указала на дверь!» — побледнев, Инна, в час ночи, прочитав слова Св., вспомнившей, что студент один издавал какой-то запах.

Как все дороги ведут в Рим, так все разговоры в еврейской среде приведут к еврейству и антисемитизму. Ходили мы в гости к Жене Беркович, кто Диму пригрела и была ему матерью тут. О разном говорили, но в конце сцепились они с Аликом про комментаторшу по теле о сексе — Доктор Руф, маленькая карлица-еврейка. Алик рассказал, как о ней — любя и добродушно негры и желтые высказываются, а Женя узрела негритянский антисемитизм в этом. Ведь лет двадцать назад они вместе боролись за гражданские права, и евреи-демократы поддерживали Мартина Кинга. Но когда движение победило и все уравнены в правах, евреи стали притормаживать продвижение негров наверх. «Права дали, а власти — нет». И в неграх назревает злоба. Евреи, правящие тут общественным мнением через масс- медиа, приручают меньшинства прочие, давая им привилегии и квоты в колледжи и на службы. Но так понижается общий уровень — к энтропии, — объяснил мне потом Алик.

Но какая реакция — на «запах»! Юз тоже, когда прочитал, это помнил и сказал, что-то вроде: «Чтоб не говорили, что евреи пахнут». Как раздули это мизерное место в моем 700-страничном тексте!

— Нет, ты скажи! — Алик мне, — ты действительно так считаешь?

— Да какое «считание»! Это эпизод-кирпичик в соборе моем! Что ты придрался? Это ложится в рассуждение о минус-Космосе; теория, при чем тут отнесение к человеку?

— И не ново это, общее место в антисемитизме. И у Толстого об этом.

— Да не знаю я этого. Не читал. Что знаю и читал — там видны эти тексты.

Неужели дружба погорит на этом «запахе»? А что? Как раз из-за таких невыносимых мелочей рушились у тебя, экспериментатора безоглядного, — отношения. И когда Лариса Яковлевна подглядела какой-то текст. И Светлана: когда в

Щитове запись про то, как я шел с косой с Настей и мелькнул бесов соблазн, — они бежали от изверга. А и сейчас, когда стояли с Суконником в метро и электричка подходила, мелькнуло бесовское: «А толкани!» — и я тут же от него и от края отошел. Но ведь мелькнуло же! Как и мелькали о самоубийстве мысли: с этажа броситься, с моста — всю жизнь нет да нет, а вспыхнут!..

— Только посредственность не выношу в человеке, — Инна сказала вчера, когда мы глубоко разговаривали, исповедно. Но вот я превзошел меры приличия и возможного в высказывании — и она интеллигентный прием осуждения вспомнила: указать на дверь! Так думающего — не принимать в приличном доме. Есть пределы и правила приличия! И мой проходящий разговор со Светланой 13 лет назад, совершенно мимоходная ее реплика, которую и Алик правильно понял: совсем не из ее нутра, а просто из памяти — курьез, — запоминается и вырастает до небоскреба в значении: будто человек все эти 13 лет, и у них бывая и общаясь, только об этом гнусно и тайно и предательски думает! И я еще хуже — на этом фиксирую ум и строю теории расистские!

Вот так мой поиск в себя оборачивается, когда дашь читать даже самым просвещенным и понимающим и тебя любящим людям.

Как сильно шибает абсолютная вопросительность!

Ведь видят, что это шажочек-элемент в движении мысли, но задевает нерв, струну — и помнится как главный.

И так во всех моих «космосах» — заинтересованные объекты найдут поношение какое-нибудь себя: и русские, и американцы, и армяне, и грузины, и болгары мои, и проч.

Но нелепое положение — что я в доме у Суконников застрял еще на неделю почти. А мне бы уметывать отсюда. Им тяжело, и мне может стать, если они так травмированы этим местом и объяснениями по его поводу — лучше бы их не было, да еще в два ночи!

Я завишу от их любезности — ходить со мной и покупать Светлане вещи и девочкам. А в душах — может, такая трещина! Но ведь Алик сам — провокатор людей: добраться и задеть экзистенцию человека, и радуется смотреть, как тот завопит от кишок! И вот сам — от меня завопил! Вынесут ли наши отношения этот удар, экспериментум круцис?

О, как бы не зависеть друг от друга! А вот беспомощен тут без них, и приходится проситься, и им тратить свое время и предоставлять дом и еду. А с другой стороны — не было б этого экзистенциального прорыва, испытания и узнавания, чего мы стоим. А это — ценность!

Ой, просить друг у друга!.. Печатаю в ночи на машинке

Алика, потому что утром пришли Яновы и попросили мою, и я дал.

С другой стороны — отношения роют душу и рождают мысли, пища им… Так что терпи, не ропщи.

А тема о «запахе» болезненна теперь прежде всего — для меня. Я в чужом доме, со своим скарбом, не могу постираться, сплю на их простынях, и хотя я сух и по утрам душ принимаю мощный, однако ж при сосредоточении ноздрей — и сам могу «пахнуть». Во как! Переплетец! Как у трагикомического героя. Даже любопытно, как назавтра станут развиваться отношения. Драма в доме. Сюжет появился. Как-то мы разыграем эту ситуацию в импровизации?.. Отписал — и уже повеселел: сюжет1 Азарт — превыше даже прагматики хороших отношений и риска их потери.

Но я — хам, конечно. А они — люди нежные и тонкие, деликатные…

И вот мы вступаем в кажимости: им станет казаться, что я все время, всю жизнь, 30 лет, что их знаю и люблю, был неискренен и только и делал, что принюхивался. Хотя они — одни из самых чистоплотных людей и аристократичнее меня, варвара… Воспитаннее.

Куда мне взрослеть на старости-то лет?

— вырвалось из меня уже по другому поводу, когда Алик рассказывал про то, как они ходили два года к психиатру с Инной, и он помог им наладить отношения с сыном. Например: когда он пропил первые заработанные деньги, опытный психиатр им объяснила: «Это он не хочет взрослеть, стать самостоятельным, отодраться от папы-мамы». Опытна, знает автоматику реакций… Я тут же отнес это к себе:

— Я тоже боюсь взрослеть: прячусь за папеньку-маменьку советчины; даже будучи ее блудным сыном, все ж на нее ориентирован, и в ее нутри я и мое дело. И вот не хочу делать усилия рвать пуповину и переходить к жестокому стилю рыночной экономики, а свиваюсь в писание внутрь, не напоказ. А насколько это сильно — вот мой текст, в котором я им дал подглядеть свое тайное. Хотя нет — не тайное оно, открытое — только не людям, а Богу, перед Кем ничего не стыдно, никакого помысла!

Завтра про это им придется рассказывать, свой метод объяснять. Что ж, послужи, отблагодари так — за их тебе помощь и хлопоты. Развей, чем можешь…

Во как: полчетвертого ночи! Уж и не упомню, когда так писывал нощно! Попробуй спать.

27 же, 9.30 утра. Вроде все мирно и любовно.

Вечеру вдовы Бориса Шрагина

28.12.91. Вчера многопокупочный день — бросался долларами, будто богатый. И верно, лишнего купил. И — плохого. Вон пальто Светлане — грубое по виду. Но нет других на ее размер, и бедным Суконикам надоело водить очередного советского друга по магазинам и терять время своей жизни.

Вчера вечером были у Наташи Шрагиной — вдовы уже Бориса, к чьему камню на кладбище я тут позавчера приходил, прогуливаясь по воздуху: наилучший — на кладбище соседнем, рядом.

В застолье и разговорах как видно, что якобы общая позиция, теория каждого — есть его личный интерес! У меня тоже — мой консерватизм и воздыхание по брежневской стагнации…

Был там живой человечек — историк Юрий Бессмертных, по средневековью, тут в Принстоне на «феллоушип» — то есть просто полгода занимается в библиотеке и проч. Говорили о политике американцев по отношению к тому, что в «бывшем СССР», и как и они понимают только то, что им выгодно: чтоб не было беспорядка и предсказуемость была…

А Бессмертных, демократ-либерал-еврей круга Баткина и Библера, развивал такую мысль: что самое главное — чтобы американцы поддерживали вот их, светлых людей новой демократии, и их изданиям давали б средства, «спонсорами» были, а также и кушать, не дали б помереть с голоду в сии годы…

Начав писать это с иронией, вижу, что и я за: ведь прочие слои как-то смогут — грубые и земные — приспособиться и что-то урывать. А мы — нежные, нас содержать надо… Если только вот — как нам с ним — не выпадет еще и шанса — подработать долларов на Западе. Этот резерв, кстати, как раз интеллигенты-демократы уж поиспользовали, я — и то случайно — позже приложился к сему пирогу…

Шрагина Наташа вспоминала их героический диссидентский период: что именно это сопротивление породило Перестройку, а вот забыли, не ценят… Что они герои и мученики: как им тут тяжко выпало врезаться, вживаться в чужой стиль…

Суконик поначалу тоже как писатель с миссией эмигрировал, вывозил Дух творческий, — но потом вжился в новую реальность, и теперь его сюжеты — черные, он им сострадает, работая с милыми черными женщинами в больнице. А тут вдруг один за столом с женой, более пожилой еврей — обрушился на негров:

— Я бы Джесси Джексона повесил! (Лидер негров после Мартина Лютера Кинга.) Всякую шпану собирают и давят-

запугива- ют нормальных белых и негров, кто своим трудом добивается успеха, но требуют привилегий меньшинствам, а иначе, мол, — берегитесь!

— Но негры действительно беззащитны: нет традиции, собственного достоинства, — Суконик, их знающий. — И вот они с детства в бандах и наркотиках и стреляют, и убивают друг друга в своих гетто — запросто…

Суконик — от человека подходит, сострадая, а не строит теорий, как другие — и я, кто конкретной жизни и души и боли другого человека не чувствую.

И мои переживания и заботы сейчас — и ропоты — конечно, глупы и безгоризонтны. Наташа Шрагина вспомнила, чем я ее поразил — лет 20 с лишним назад. Они только поженились с Борисом и стали диссидентствовать, и за ними слежка, и Бориса увольняют с работы…

— Гена выслушал наши рассказы — и сказал одно слово: «ИГРбВО!» и помолчал. Потом уточнил: «Игрово надо относиться — к происходящему и к себе».

— Ну что ж, и сейчас это подходит, и лучше не посоветуешь другим и себе, — я тут поддакнул — себе же прежнему. И дивлюся, что был умнее себя сегодняшнего, кто ноет и боится перемен…

Молодая жена этого гневного, что учится еще в колледже, с ужасом рассказывала о терроре черных в университетах и профессуре: как им боятся поставить плохие оценки, и как низится качество преподавания из-за страха их обидеть, и квоту черных профессоров расширяют — просто из принципа, а не потому, что хорошие…

— Это как в советской школе: тянуть плохих учеников, отчего умным приходилось скучать на уроках — и недообразовываться.

А с другой стороны — гуманность в этом. И действительно общий уровень культуры, средний, повышался. И к плохому ученику относились как к человеку, с терпением, к душе, и это — по- христиански, а не волчье соперничество, как здесь и в Европе.

«Быть может, не прекрасные, но, в общем, подходящие» — были у нас и продукты, и вещи, и культура, и наука, и литература. Так в песне — про глаза девушки[16] возлюбленной. А и зачем иметь все всем «экстра кволити»? Как тут…

Эпоха смуты и грабь-отряды из военных

Еще вчера насчет будущего прогноз я экспромтом выдал:

— Будут, во-первых, отделяться области, регионы, города в России, где народ и партия едины и коммунисты вместе с работягами возьмут власть в свои руки и наведут порядок: воров прижучат и проч. А еще армия, 4 млн. вооруженных людей, — неприкаянные. Организуются в отдельные батальоны, отряды и пойдут грабить, налетами, как анархисты Махно — на тачанке, а тут — на танках. Налетят на какой город, как партизаны иль бендеровцы, или пугачи-воры — и награбят и уйдут, а власти не держат порядка и не могут справиться с мобильными, летучими.

Вспомнил, как в Министерстве культуры у Золотова рассказывали о грабеже бесхозных музеев. А теперь, при передаче ценностей из Союза в республики, — сколько будет разграблено!

И надо ж психологию народа иметь в виду — воровскую! И была-то в России, где народ — ВОР (Пугач, и беглый, и блатной…); а еще и в советчину, где все ничье, — это укрепилось. И теперь, когда все плохо лежит и никто не хозяин и не следит, — чтоб Вор превратился в Хозяина?.. Сначала разворовать все надо. Переходный период — наилучш для воровства: его тянуть — им лафа! Человек человеку — вор!

Ну ладно: надо закруглять свое пребывание в Америке. Какие еще дела? Послать почту — Роберту Эдвардсу, Питеру Рэд- дауэю, Льву Лосеву, Бессмертных в Принстон. Наташе Шраги- ной — статью. Звонить в изд-во Шарп.

Зайти: к Юрию Кашкарову — в «Новый Журнал»; к Карен Фалькон — рукопись моей «Америки» забрать.

Кукую В Нью-Йорке

30.12.91. Уже устал подвешенно существовать приживалом. Суконики — милейшие, конечно. Но все равно перекошены их свои ритмы жизни из-за гостя.

Как хороши неотменные обязанности — как утишают психею и обороняют от множественности возможностей в существовании, что набрасываются тебя терзать — аки бесы рыкающие! Вон Инна сейчас урок на дому проводит — 10.30 утра. Алик вчера вернулся поздно с работы. Я же чем занят? Ищу щель, как покорить мир — своими текстами: статьей и книгой — куда б просунуть! Безумным себя чувствую.

Чем еще Работа дорога и почему без «джоб» американец несчастен? Работа как раз есть стены, обороняющие человека от напора дурной бесконечности бытия и соблазнов, и искушений: это все не для тебя, отсечено, потому что с 8 утра там до 6 вечера ты должен делать вот что и вот где. И душа — успокоена, не в пытке выбора.

Особенно богатый Западный и Американский мир, с избытком предложений и соблазнов заняться то тем, то другим, желать-утолить одну потребность, другую, купить эту вещь или ту, — в сумасшествие приводить может.

Как все помалу делается — вон разучивается за стеной пассаж на фортепиано! Продавливается, совершенствуется. А тебе — сразу все! Статеечку сначала малую напечатай, но такую, чтоб обратить внимание. Как вон Суконик со своим спорным «Болотиным» в «Континенте» и со статьей «Христианство и иудаизм» в «Вестнике». Или как Эпштейн свои эссейчики в «Новом русском слове». Потом уж тебя знают, волнами расходится реноме — и приглашают. А ты — сидел себе в Мидцлтауне и лишь на лекции усиливался, не занимаясь своим паблисити, а теперь — прозевал! — видишь. И не догонишь…

А ты сразу — книгу совать, когда тебя не знают издатели?

И вообще та модель, под которую ты себя подстраивал: при жизни жить незаметно, зато сделать свое существенное дело — творчество, чтоб потом уж открывали-откапывали тебя и дело твое (как было с Бахтиным и Лосевым…), — это модель времен застоя и медленного развития России и СССР. Сейчас же все сорвались на скорости, «как у всех» чтоб было! Но это — не впервой, затихнет… Не беги. Ты ж сам понял, что темпы России — мамонтьи или медвежьи. Но страх быть за бортом навсегда — вдруг охватывает. Барин ты, Обломов; нуждаешься в Захаре-слуге-последователе, кто б тебя воскресил. Но и съесть может, как

Эпштейн. Вот кто ловок постепенно просачиваться и шаг за шагом расширять поле и паблисити свое!

Но сейчас интерес — не старца воскрешать-раскапывать мудрого (допустим), а кого новенького и молоденького бы найти со свежим голосом и словом и идеей. Так что будь доволен, что прожил-продлился со своими писаниями уж немало времени живота.

«Скажи еще спасибо, что живой!» — как у Высоцкого поется.

За стеной берутся аккорды. Сколько надо работать, чтобы звук вычистить, удар, темп! Как это прелестно, что есть такое русло энергиям нашим: не взрыв и убийство (как в войне или революции, или переделе), а труд и ремесло с постепенным наращиванием совершенства!

Подчинить пальцы надо пианисту! Плоть чтоб безотказно служила Духу и воле, и музыкальной идее в душе, и образу. Как балерина свое тело тренирует.

Но ведь и ты — тоже профессионал — редчайшей профессии: саможизния вдвоем со Словом. Его не на рынок и на службу наруже употреблять, как Литература, — но Литературу себя делать. Литерой дышать, как воздухом. Чтоб сопровождала каждый вдох и шаг…

Но перестань болеть отринутостию от рынка и славы — и не собой занимайся, монотонным, а разнообразные предметы бытия и духа вноси и живи ими, и интересуйся, и толкуй.

Предметы или Идеи?

Вон все славные — Ницше, Федоров — общие идеи обсуждали, взрывали и тем интересны… Но для того надо быть социальным и близко к сердцу принимать споры идей и ценностей. А это — майя и блеф и ловушка… Нет, цветочек описать, впечат- леньице от музыки, человека, от конкретного — вот что безошибочно ценно, не майя…

Суконик — когда идет спор идей, человечка видит. Как вон позавчера у Наташи Шрагиной — о неграх. А он видит милых негритянок, с кем работает в госпитале, — и понимает их изнутри, и душу, и жалеет.

Так и христианство велит. Общие идеи и задачи просты и ясны: любить, сострадать, помогать. Нечего и выяснять заново — как вон Ницше или даже Федоров — пророки новые. А вот ты одного малого обогрей, вылечи от тоски и проч.

Или живописец! Яблочек несколько на столе воспиши — как Сезанн. Или старушку какую, как Рембрандт! И — навечно! Абсолют тут схвачен, обитает и излучает свою божественную энергию.

Это вчера мы с Инной в Метрополитен-музей ходили,

искусство калейдоскопом стран и эпох снова навалилось.

Саскию Рембрандт — и в обличии Беллоны, богини войны, в доспехах рыцарских нарисовал, как натуру используя. И себя — автопортреты. Так и ты все Светлану да себя — восписываешь, анализируешь.

По Мэдисон-авеню проходили, где галереи. Японские карликовые деревца продают в одном магазине: формой — сосна, а в горшке! Но ведь вывести было надо сорт такой — столетиями, микросовершенствованиями выделывалось существо.

Но так же подобно и мать детей выхаживает — любовию и лечением. Вижу Светлану с дочерьми нашими — сколько вложено! Вся ткань их тел и чувства душ — Светланою пропитаны, воспитаны, сочатся.

Вижу, как трепещет в кухоньке — Лариске еду какую поднести. А до того — в магазинах отстоять, «достать». А вечером На- стину душу выслушивает, гармонизует.

Покорны глаза и лица у Рембрандта: не заносятся, а терпят и сострадают и понимают. Все смотрят слегка вниз, наклоненно, смиренно.

О, как ценю малое делание — на фоне все время великих потуг что-то великое делать — в России, в СССР, в политике и переустройке сейчас! И снаружи быть, красоваться — вон он, какой я, смотрите!

1.45. Присяду. На миг — и то хорошо: одуматься, дыхание души нормализовать словом, мыслию.

Позвонил Ллойд Фишель из Калифорнии — сказал, что слух прошел, что в Москве не принимают доллары. А я собирался везти «трэвел-чеками» — оберут 5 долларов с сотни, да еще и не получишь. Так что решил поступить, как Димка велит: тут главную сумму оставить. И ведь если мне квартиру там — так продают уезжающие, и они заинтересованы даже получить не там, а за рубежом эти доллары…

Finita la comedia, или представление окончено

1.1.92. В аэропорту Нью-Йорка. Рад, что выскребся от Суконика. И он рад, что отделался от меня.

Наказан на 108 долларов: перевес ящика на 8 фунтов! Мог в сумку отложить, если б вес знал. Взяли в благодеяние третью сумку в багаж. Я ее хотел с собой: она беззащитна, на молнии, а там фотоаппарат, и я собирался его с собой в кабину нести. Готовься не досчитаться там фотоаппарата.

Зато везу дерьма полно, что накупил на распродажах и в филантропических магазинах за 5 долларов. Теперь они обойдутся в цену новых. Лучше бы новых вещей накупил — и меньше весом.

Что ж: мой принцип — количества, как и в писаниях моих.

Но как мы раздражали в последние дни с Суконником друг друга! Два «писателя», маменькиных сынка непрактичных. Каждый норовит свалить на другого решение и дело. Я — на него, лезу советоваться. Он — отбрыкивается: сам решай! — чтобы не нести ответственности за совет. Как капризный мальчик отбрыкивается. А я навалился на них: помогать мне.

В общем — разгром под конец и глупость.

Теперь вопрос: рассказывать ли своим или утаить?.. Зачем еще расстраивать потерей 20 тысяч рублей под конец, ни за что?

Тяжко видеть в другом зеркало себя и своей беспомощности и невзрослости. Мы «достали» друг друга, надоели. Слишком надолго я насел на них.

И как решительно он отказался заниматься моими делами! Как Юз. Фу! Ладно! Как вчера голоса милых звенели, когда им прозвонился! «Скажи еще спасибо, что живой!» (хотя тьфу-тьфу, чтобы не сглазить!)

И посадка запаздывает. И еду с дурным настроением — еще сутки! Но переломи. «Игрово!» Учись терять!

И даже рассказывать, писать ему в письме нелепо, что дурак я: малюсенький дорогой фотоаппарат оставил в беззащитной сумке, а мог взять в карман вместо дурацкой бутылки шампуня, что Юз навязал вместе со сковородкой.

Ну что ж?! Едешь на мучения. Вот они и начинаются. Мучения — от глупости — тебя и всей страны. От незнания меры. Но какое зло — к практичным, к умельцам!

Постскриптум

18.4.95. Перечитал вчера: интересно, конечно, но и — совестно. Односторонние уразумения тогдашнего «текущего момента», пришпиленные печатью, завыглядят как то, что я ВООБЩЕ считаю, «как думаю по данному вопросу», тогда как и во мне все текуче — и самоопровергаюсь постоянно, роскошь себе противоречить позволяю: ведь смертен, срочен мой умишко и по частичкам лишь постигать и высказывать Бытие и Сомысл в силах — в том числе, и что к чему в Истории, и в России, и в Америке, и каков человек каждый…

И человеческий образ мой вырисовывался малопривлекательным, а где — и отталкивающим. И мысли многие неверны, и прогнозы ошибочны. Особенно стыдно за характеристики и суждения о людях, что ненароком попадают в орбиту моей жизни и настроения — естественно, трепетного и переменчивого… И если о ком-чем сказал неверно, недружелюбно или плохо, — это о МОЕЙ плохоте свидетельствует, а не об объекте моего высказывания злого. Прошу принять мое повинение. Жгут меня эти места. Но жанр «исповести» не допускает ретуши. И потому:

И с отвращением читая жизнь мою, Я трепещу и проклинаю, И горько жалуюсь, и горько слезы лью, Но строк печальных не смываю.

А кто отвечать, опять же, будет — Пушкин? — Да, Пушкин.

notes

Примечания

1

Это был последний самолет в тот день. О перевороте ГКЧП узнал я ужо в Шенноне (Ирландия), когда в аэропорту смотрел международные новое ти-**2.7.94.**

2

«Путь далек до Типерери!» — американский шлягер военных лет.

Сейчас их «левыми» именуют. — **27.10.95.**

4

В углу страницы этой новой: «797, Америка 2» и в скобках: «так — двой ным счетом страниц поведу писание: чтоб не прерывать традицию годо сего — и память о России — доме — семье; ну и новый сюжет нумеровать» — **2.7.94.**

5

«Из многих — одно» *(лат.)* — девиз на гербе США.

6

В сфере нестандартной лексики надо различать мат и жаргон. Соблюдая этикет печати, слова первого привожу не полностью, а через точки или шифруя игриво («догадайся, мол, сама!»). Но слова жаргона — это просторечие, понизовый язык грубоватый — вполне впущены в стилистику литературы, поскольку имеют свою выразительность, живописность, характерность. И как же вы хотите, чтобы Юз Алешковский, известный мастер маргинального стиля, выражался языком тургеневской барышни?.. Но в прибегании к просторечию — заметил это по себе — есть и психологический момент. Находясь за границей в атмосфере чужого языка, душа требует подкреплять в себе субстанцию родного слова, — и тут именно поддонный пласт языка, его гумус, наиболее подпитывают и взбадривают. Черный хлеб и отруби, а не пирожное и бланманже… — **8.4.98.**

[1]

«Тварь ли я дрожащая или право имею?» — вопрошал Достоевский Раскольников. — 29.10.95.

[2]

Термин русских философов А.К. Горского и Н.А. Сетницкого / Сочинения, М., 1995. Издание подготовила моя дочь — А.Г. Гачева. — **29.10.95.**

[3]

24.2.98. Теперь благодушнее думаю об Эпштейне. «У Бога обителей много», всем есть место в Духе, не тесно там. Да и у меня стали кни ги выходить, так что след и от меня останется. Ну и — постарел я, ослабла и гневливость… Однако «строк постыдных не смываю» (как Толстой ошибся, цитируя последний стих пушкинского «Воспоминания»).

[3] Ход мысли тут односторонен. В иные стороны эта тема раскручивается мыслью в каскаде самоопровержений в других частях моей серии «Национальные образы мира» и, в частности, в «Еврейском образе мира» (рукопись, 600 е., еще не издана). — 30.10.95.

[4]

Белый, англосаксонский, протестантский. Хотя Кеннеди — католики… — 23.7.94.

[5]

Ерунда! Неправда! про Лермонтова! — Голос Первочитательницы. Март. 1998.

[6]

Начинается письмо домой. — **30.10.95.**

[6] Что в сравнении с нормальными размерами стран-млекопитающих Европы: Германия = волк, Франция = лиса, Англия = дог, Россия = медведь или даже мамонт. Это уравнение я для публичной лекции приготовил тогда. — **4.12.94.**

[7]

Для информации, не для вдохновения *(англ.)*.

[8]

Serial — комплексный полуфабрикат для скоростного завтрака.

[10]

К моей книге «Национальные образы мира». — М.: Советский писатель. 1988.

[11]

Из моего текста: Андрей Синявский — Абрам Терц и ихний роман «Спокойной ночи». Исповесть. — Московский вестник. — 1989. — № 1.

[12]

«Остальное — молчание» — конец «Гамлета» Шекспира. — **28.XII.94.**

[13]

Домашнее имя с детства — 28.X.2003.

[14]

Майкл Холквист улетал тогда на неделю в Москву, и я через Сюзанну Фуссо, кто жила с ним по соседству, пересылал еду, колготки и доллары. — **14.12.94.**

[15]

Как безумный *(болг.)*.

[16]

«Глаза у **парня** ясные…» —»по радио «Ретро» на днях эту песню слы шал — и вот поправочку вношу. — 10.11.96.